

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>.
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 24.06.2025 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич — кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волыничук Андрей Борисович — доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, независимый исследователь (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристофферсен Гайе — Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексюткина Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Литошенко Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович — кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института — Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович — кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Цэцэнбилэг Цэвээний Дамарт — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия).

Шестак Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик — Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки — Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сираой, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998 6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ♦ Theory and Methodology of Regional Studies
- ♦ Historical Regional Studies
- ♦ Economy and Nature
- ♦ Social and Demographic structures
- ♦ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ♦ Political Relations and Management of the Region
- ♦ World System and International Regions
- ♦ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ♦ Region in the Documents and Testimonies
- ♦ Study of Science
- ♦ Discussion
- ♦ Reviews
- ♦ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman,
V. V. Postnikov.
Corrector S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 24.06.2025. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom I. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University (*Olomouc, Czech Republic*).

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (*Moscow, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Tseveenii Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences (*Ulaanbaatar, Mongolia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Aino Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2025

Т. 19, № 2

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЦЕНТР-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

От редактора рубрики 9

Денисенко В. А. Территориальная асимметрия и региональная политика Республики Корея при президенте Юн Сок Ёле 11

Захарова Л. В. "Политика развития периферии 20×10" как новый этап регионального развития в КНДР 23

Чернецкий Ф. М. Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея 31

Козлов Л. Е. Умный город как внешнеполитический ресурс: на примере Республики Корея 45

Акуленко В. С. Рыбохозяйственный комплекс южнокорейской Особой самоуправляемой провинции Канвон: региональные ограничения и международное взаимодействие 56

Круглый стол

Ардальянова А. Ю., Бляхер Л. Е., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Леонтьева Э. О., Сердюков К. Н., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И. Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока 66

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алексеева Т. А., Минеев А. П. О холистическом подходе в теории международных отношений 73

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Махмудов У. Б. "Между двух огней": сибирские бухарцы между ханствами и Россией в конце XVI–XVII вв. 85

Чертков А. С. Имущественная дифференциация казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX веков 95

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д. Территориальный и родственный принципы в социальной организации кочевого населения Монголии (по материалам сомонов Центрального аймака Монголии) 110

Тиникова Е. Е., Винокурова А. В., Бадонов А. М., Андреев В. М. Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ посёлков городского типа Республики Бурятия 120

Владивосток
2025

**КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Ким Н. Н. Патриотизм как инструмент духовно- нравственного воспитания в КНДР: идеологические и политические аспекты	130
--	------------

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Лексютина Я. В. Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы	140
Виноградов И. С. Сотрудничество Ланьцан-Меконг и политика КНР в субрегионе Большого Меконга	147
Савельчев Л. А. Парламентская парадипломатия: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Квебека	159

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Золотухин И. Н. Государство и общество перед вызовами этнокультурного разнообразия: региональные движения стран Большой Юго-Восточной Азии	169
Ардалянова А. Ю. Есть ли жизнь в "пустоте"? Люди, пространства, смыслы	176

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Regional Development and Center-Regional Relations on the Korean Peninsula

From the editor of the heading 9

Denisenko V. A. Territorial Asymmetry and Regional Policy of the Republic of Korea under President Yoon Seok Yeol ... 11

Zakharova L. V. "20×10 Policy" as a New Stage of Regional Development in the DPRK 23

Chernetskii F. M. South Korean electoral macro- and mesoregions 31

Kozlov L. E. Smart City as a Foreign Policy Resource: The Case of the Republic of Korea 45

Akulenko V. S. The Fisheries Sector of the Special Self-Governing Province of Gangwon: Regional Constraints and International Interactions 56

Round Table

Ardalyanova A. Yu., Bliakher L. E., Vinokurova A. V., Kovalevskii A. V., Leontyeva E. O., Serdyukov K. N., Tinikova E. E., Yakovlev A. I. The Boundary in the Everyday Life of Regional Communities in Siberia and the Russian Far East 66

Theory and Methodology of Regional Studies

Alekseeva T. A., Mineyev A. P. On the Holistic Approach in the Theory of International Relations 73

Historical Regional Studies

Naumenko O. N., Ismailovich A. U., Makhmudov U. B. "Between two fires": the Siberian Bukharians between the Khanates and Russia at the end of the XVI–XVII centuries 85

Chertkov A. S. Property differentiation of the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries 95

Social and Demographic Structures

Badaraev D. D., Gombozhapov A. D. Territorial and kinship principles in the social organization of the nomadic population of Mongolia (based on the materials of the Central Aimag of Mongolia) 110

Tinikova E. E., Vinokurova A. V., Badonov A. M., Andreev V. M. Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia 120

Vladivostok
2025

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Kim N. N. Patriotism as an Instrument of Moral Education in the DPRK: Ideological and Political Aspects	130
---	------------

World System and International Regions

Leksyutina Y. V. The C5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Implementation and Announced Initiatives	140
---	------------

Vinogradov I. S. Lancang-Mekong Cooperation and China's Policy in the Greater Mekong Subregion	147
--	------------

Savelchev L. A. Parliamentary Paradiplomacy: Comparative Case-Study of St. Petersburg and Quebec	159
--	------------

Reviews

Zolotukhin I. N. State and Society Facing the Challenges of Ethnocultural Diversity: Regional Movements in the Countries of Greater Southeast Asia	169
---	------------

Ardalyanova A. N. Is There Life in the "Void"? People, Spaces, and Meanings	176
---	------------

От редактора рубрики

Две страны Корейского полуострова, как существенные элементы политико-экономической системы современного мира, требуют детального изучения в пространственном и региональном разрезе. Несмотря на свои небольшие размеры, и Север, и Юг Кореи характеризуются физико-географическим и социально-географическим разнообразием и значительными диспропорциями регионального развития. Южная Корея уже полвека активно пытается направлять эволюцию своей пространственной структуры в нужное государству русло, разрабатывая соответствующие планы на всех уровнях политического управления. Власти Северной Кореи до недавнего времени проявляли относительное равнодушие к этому вопросу, но в 2024 г. инициировали программу развития периферии "20x10", в рамках которой в течение 10 лет будут создаваться по 20 новых предприятий в периферийных районах государства.

Внимание к пространственному развитию, возможно, является не только реакцией на объективные социально-экономические вызовы, но и следствием лежащей в основе корейского социума конфуцианской культуры, в которой труд земледельца традиционнo почитался, а обустройство пространства цивилизации в окружении вселенского хаоса считалось едва ли не главным смыслом существования государства и его государя. Во всяком случае, Китай и Япония, в основе культуры которых тоже лежало конфуцианство, со второй половины XX в. проводят региональную политику самым активным образом. Таким образом, Корейский полуостров даёт интересный эмпирический материал для региональных исследований, обычно сфокусированных на более крупных странах.

Российское корееведение преимущественно изучает культурные, экономические и политические аспекты, однако публикации по географии Кореи выходят всё чаще, а их качество постепенно растёт. В частности, сотрудниками ДВФУ при поддержке московских коллег из Института Китая и современной Азии РАН, Института географии РАН и Высшей школы экономики два года назад был выпущен первый профильный сборник статей по данной теме¹. Настоящий номер журнала продолжает это начинание.

В. А. Денисенко (ДВФУ) рассматривает территориальную асимметрию и особенности региональной политики Республики Корея в период президентства Юн Сок Ёля, провозгласившего начало "эпохи местного самоуправления". Автор отмечает существенную асимметрию социально-экономического развития регионов, осложняющую реализацию любого варианта региональной политики, а также катастрофическую демографию большинства городов и провинций страны. Оценивая эффективность политики Юн Сок Ёля при помощи собственной методики, В. А. Денисенко приходит к выводу об отсутствии значительных результатов в снижении территориальных диспропорций, более того, – об увеличении числа регионов с интегральными показателями ниже области средних значений в 2023 г.

Л. В. Захарова (ИКСА РАН), исследуя вышеупомянутую политику КНДР "20x10", выделяет предпосылки, цели и методы реализации нового курса Ким Чен Ына по развитию периферии. Автор делает вывод о том, что политика регионального развития "20x10" выходит за рамки прежнего отраслевого подхода к экономическому планированию: она начиналась с плана ежегодного строительства предприятий промышленности местного значения, то есть была, в первую очередь, промышленной политикой, однако вскоре расширилась до комплекса задач в области региональной экономики и социальной сферы. Помогая регионам строить новые предприятия и социальные объекты, центр предоставляет им своеобразный стартовый капитал для развития местных производств и сферы услуг. За дальнейшую эксплуатацию создаваемых объектов отвечают региональные и муниципальные власти, которые, – с учё-

¹ Общественная география государств Корейского полуострова: сборник статей / под ред. Л. Е. Козлова; предисл. П. П. Эма. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 284 с.

том их невысоких материальных возможностей, – вероятно, будут привлекать рыночных игроков, в т.ч. из дружественных зарубежных стран.

Ф. М. Чернецкий (МГУ им. М. В. Ломоносова) на основе анализа электорального пространства РК представляет собственную сетку макро- и мезорайонов, верхних и наиболее значимых "этажей" электорального районирования страны. Автор уделяет особое внимание демонстрации взаимосвязей между регионализмом и районированием. По его мнению, южнокорейские выборы являются одним из наиболее наглядных кейсов для проведения политического районирования, поскольку региональный фактор здесь очень сильно влияет на общегосударственный политический процесс. В предложенной схеме районирования макро- и мезорайонов электорального пространства Южной Кореи Ф. М. Чернецкий делает главный акцент на качественных характеристиках региональных политических культур. Он отмечает, что, хотя любая схема есть лишь способ упорядочивания знания об электоральном пространстве, в случае Южной Кореи этим территориальным отдельностям существенно добавляет "реальности" признание их самими политическими акторами и совпадение их границ с границами административных и исторических регионов.

Л. Е. Козлов (ДВФУ) выявляет внешнеполитические возможности, которые даёт государству развитие умных городов. Согласно авторской концепции, в состав ресурсов внешней политики входит социально-географический ресурс, который накапливается в ходе естественного или целенаправленного развития территории государства. Умные города, строящиеся национальными компаниями и государственными органами на своей территории, а в случае их соответствия передовым мировым образцам – и в зарубежных странах, сегодня становятся частью этого ресурса. Кейс РК свидетельствует о том, что продвижение на мировой арене собственных методик, технологий и технических инструментов строительства умных городов помогает стране-экспортеру решать две сугубо внешнеполитические задачи. Во-первых, это улучшение своего имиджа как развитой державы и, как следствие, укрепление дружественных отношений с развивающимися странами. Во-вторых, это получение доступа к системам жизнеобеспечения и соответствующим большим данным умных городов стран-импортёров.

В. С. Акуленко (ДВФУ) исследует текущее состояние и перспективы развития рыбной отрасли Особой самоуправляемой провинции Канвон РК. Несмотря на второе место в стране по площади, население провинции составляет всего около 3% от общего числа жителей Южной Кореи. Это классический пример депрессивного региона, пострадавшего от изменения конъюнктуры в энергетике и тяжелой промышленности, а именно от падения спроса на каменный уголь, добыча которого была здесь ранее ключевой отраслью. Уже не менее 30 лет центральное правительство и региональные власти пытаются поставить развитие провинции на новые рельсы, но получается это с переменным успехом. Автор приходит к выводу, что добыча и переработка рыбы и морепродуктов – это важная, но уязвимая отрасль региональной экономики, развитие которой во многом определяется ограниченностью природных ресурсов, старением трудовых кадров, а также последствиями климатических изменений. Поэтому провинция стоит перед выбором: продолжать опираться на ресурсную модель, рискуя дальнейшим спадом ключевой отрасли, или пытаться перейти к новой высокотехнологичной системе производства, опираясь на аквакультуру, переработку импортного сырья и диверсификацию внешне-экономических связей.

Статьи, поступившие в представляемую рубрику, посвящены довольно специфичным проблемам регионального развития и центр-региональных отношений, что отражает пока ещё фрагментарный характер отечественных исследований общественной географии Корейского полуострова. Тем не менее, они значительно продвигают наше понимание актуальных тенденций, вызовов и достижений Севера и Юга Кореи в данном измерении. Остаётся пожелать, чтобы они послужили основой и катализатором более комплексных и всесторонних исследований.

Территориальная асимметрия и региональная политика Республики Корея при президенте Юн Сок Ёле

Виктория Анатольевна Денисенко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, denisenko.va@dvfu.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ особенностей территориальной асимметрии Республики Корея и оценка эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. В работе используются системно-аналитические методы, методы нормирования и агрегирования показателей, а также метод многомерной группировки. Автором проанализированы основные тенденции социально-экономического развития регионов Республики Корея, дана характеристика политики президента Юн Сок Ёля в рамках концепции сбалансированного развития регионов. В соответствии с оригинальной авторской методикой разработаны интегральные показатели и проведена типологизация регионов по уровню социально-экономического развития. Исследование подтвердило сохранение существенного разрыва между инновационными центрами страны Сеулом и Кёнгидо и остальными регионами, что указывает на отсутствие каких-либо значимых результатов региональной политики администрации президента Юн Сок Ёля.

Ключевые слова: правительство Юн Сок Ёля, региональная политика, территориальное развитие, региональная асимметрия, оценка региональной политики

Для цитирования: Денисенко В. А. Территориальная асимметрия и региональная политика Республики Корея при президенте Юн Сок Ёле // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 11–22. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22>

Territorial Asymmetry and Regional Policy of the Republic of Korea under President Yoon Seok Yeol

Victoria A. Denisenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, denisenko.va@dvfu.ru

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the features of territorial asymmetry of the Republic of Korea and evaluation the effectiveness of the regional policy of President Yoon Seok Yeol. This paper uses system-analytical methods, methods of standardization and aggregation of indicators, as well as the method of multidimensional grouping. The author analyzes the main trends in the economic and social development of various regions of the Republic of Korea, Yoon Seok Yeol's policies are characterized within the framework of the concept of balanced regional development. In accordance with the original author's methodology, integral indicators were developed and a typology of regions by level of development was suggested. The study confirmed the persistence of a significant gap between Seoul and Gyeonggi-do and the rest of the country, indicating the lack of significant results of regional policies of the administration of President Yoon Seok Yeol.

Key words: Yoon Seok Yeol government, regional policy, territorial development, Republic of Korea, regional asymmetry, evaluating regional policy

For citation: Denisenko V. A. Territorial Asymmetry and Regional Policy of the Republic of Korea under President Yoon Seok Yeol // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 11–22. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22>

Введение

Территориальная асимметрия давно стала привычным явлением современного мира: региональная неоднородность, несмотря на усилия национальных правительств, отмечается как в странах с устойчивым экономическим ростом, так и там, где развитие не движется быстрыми темпами. Политические, исторические, географические, демографические и иные факторы, определяющие уровень асимметрии, порождают региональные диспропорции, масштабы и сложность которых порой с трудом поддаются государственному регулированию. В результате недостаточно эффективная региональная политика может привести к целому ряду негативных последствий в экономической и социальной сферах.

Республика Корея отличается достаточно высокой степенью конкурентоспособности экономики, существенным инновационным потенциалом и сравнительно небольшой по площади территорией. Тем не менее, для данного государства также присуща региональная асимметрия, особо наглядная при сравнении столичного региона и периферийных городов. Соответственно, проблема сбалансированного регионального развития традиционно остается в южнокорейской политической риторике, независимо от того, какой прези-

дент находится у власти. Вместе с тем каждая администрация характеризуется особым подходом к региональной политике [8], используя различные стратегии в попытках изменить сложившуюся в период индустриализации внутристрановую социально-экономическую дифференциацию.

Приход к власти в 2022 г. президента Юн Сок Ёля ознаменовался провозглашением 6 национальных целей и 120 национальных задач, направленных, в том числе, на устранение территориальной неоднородности и вхождение в "подлинную эру регионов". Каковы же были приоритеты региональной политики президента Юн Сок Ёля? Смогли ли усилия двадцатого президента Республики Корея способствовать наступлению "эпохи регионального равновесия"? В данной работе рассматриваются специфика территориальной асимметрии Республики Корея, особенности политики президента Юн Сок Ёля по снижению региональных диспропорций, а также представлены результаты оценки эффективности региональной политики администрации Юн Сок Ёля.

Территориальная социально-экономическая асимметрия Республики Корея

Асимметрия – объективная характеристика социально-экономического положения любого государства, результат действия множества факторов. Существует обширная литература, посвящённая тем или иным проявлениям асимметрии с различными трактовками данного понятия. В этом исследовании под территориальной (региональной) асимметрией (дифференциацией, неоднородностью) понимается мера различий показателей социально-экономического развития регионов. Особо следует отметить, что в настоящее время не существует как общепринятого определения понятия социально-экономического развития территории, так и перечня его основных компонентов.

Отсутствие однозначной трактовки относится также к понятию "регион" и критериям отнесения к нему. В настоящем исследовании под регионами понимаются: город с особым статусом (Сеул), шесть городов-метрополий (Пусан, Тэгу, Инчхон, Кванджу, Тэджон, Ульсан), один особый самоуправляющийся город Седжон и 9 провинций Республики Корея, в том числе две особые самоуправляющиеся провинции Канвондо и Чеджу.

Хотя асимметрия объективно присуща региональному развитию, характер возникающих из-за неё проблем и способы их решения существенно различаются в разных странах [4]. Рассмотрим некоторые, наиболее показательные для Республики Корея (далее – РК), проявления асимметрии.

В первую очередь, региональные диспропорции РК связаны с особенностями развития страны во второй половине XX в. В XX столетии в РК ускоренным темпом шли процессы индустриализации, кардинальным образом изменившие ландшафт ранее слаборазвитой, преимущественно сельскохозяйственной страны. В итоге уровень урбанизации в стране в 2023 г. составил более 80%, при этом наблюдается сосредоточение экономической активности и концентрация населения в крупных мегаполисах. Так, плотность населения в Сеуле, где, несмотря на стимулирование оттока из столицы, проживает 18,29% населения страны, составляет 15506 человек на кв. км (2023 г.) и именно в столице расположены штаб-квартиры ведущих компаний страны (более 70% из вошедших в список Forbes 2024 Global 2000 List 61 южнокорейских компаний).

Следует отметить, что территориальная асимметрия может быть также итогом целенаправленной государственной политики [11]. В частности, региональные диспропорции в РК обусловлены сформировавшимся в стране территориальным разделением труда. Столичный регион связан, прежде всего, со сферой информации и связи, управлением бизнес-объектами, консалтинговыми услугами, инновационными отраслями экономики. В Кёнгидо находятся штаб-квартиры таких крупнейших компаний, как Samsung Electronics Co., Ltd (производство и продажа электроники и компьютерной периферии), KT Corp. (интегрированные телекоммуникационные услуги), Daou Technology, Inc. (разработка программного обеспечения) и др. Инчхон – крупный транспортный центр, известен в том числе выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью. В частности, в Инчхоне базируется не только Hyundai Steel Co. (производство и продажа стальной продукции), но и SK hynix, Inc.,

Табл. 1. Валовый региональный продукт, численность действующих компаний, количество зарегистрированных патентов и индекс производства в регионах Республики Корея, 2023 г.
Table 1. Gross regional product, number of operating companies, number of registered patents and production index in regions of the Republic of Korea, 2023

Регион	ВРП на душу населения, долл. США	Численность действующих компаний, %	Количество зарегистрированных патентов, %	Индекс производства, %
Республика Корея	46491	100	100	5,8
Сеул	58255	20,3	28,3	-3,7
Пусан	34762	6,1	3,3	-3,9
Тэгу	30985	4,3	2,5	-2,0
Инчхон	38840	5,6	3,7	22,8
Кванджу	35452	2,5	1,8	1,9
Тэджон	36645	2,6	6,1	1,8
Ульсан	81235	1,8	1,2	0,0
Седжон	43174	0,6	0,5	6,0
Кёнгидо	43070	27,3	32,2	30,9
Канвондо	40713	3,0	1,6	-8,2
Чхунчхон-Пукто	54214	3,0	2,1	-6,3
Чхунчхон-Намдо	64709	4,0	4,0	-3,1
Чолла-Пукто	36283	3,3	2,4	-3,8
Чолла-Намдо	55513	3,4	2,2	-3,0
Кёнсан-Пукто	48812	4,7	4,1	-2,9
Кёнсан-Намдо	42144	5,9	3,5	3,3
Чеджу	38450	1,5	0,6	-4,7

Источник: составлено автором на основе [10].

Source: compiled by the author based on [10].

специализирующаяся на производстве и продаже полупроводников, а также Celltrion Inc. (фармацевтика).

Пусан и Тэгу в настоящее время выступают в роли "старопромышленных центров", значение которых в экономике страны изменилось в связи с выносом производств в другие страны и процессами диверсификации [1].

Провинцию Кёнсан-Намдо можно выделить благодаря г. Чханвон – "единственному из крупных местных центров с диверсифицированной отраслевой структурой" [1, с. 92]. Административный город Седжон ассоциируется с реализацией проектов в сфере государственного управления, Ульсан – с морскими перевозками, нефтепереработкой и машиностроением, Чеджу – "урбанизированная сельскохозяйственная провинция" [6], – с развитием туристической отрасли и т. д. При этом в РК отсутствуют традиционные отдалённые сельские регионы.

Однако исторически сложившаяся в РК система территориального разделения труда нацелена на концентрацию конкурентоспособных наукоёмких отраслей экономики, в первую очередь, в столичном регионе. Традиционные отрасли, как правило, расположены вне мегаполисов, что усиливает отток населения из периферийных территорий. Безусловно, наблюдаются значительные успехи по снижению экономической неоднородности регионов (о чём свидетельствуют данные ВРП). Тем не менее, можно согласиться с корейскими

Табл. 2. Основные демографические показатели регионов Республики Корея, 2023 г.
Table 2. Key demographic indicators of the regions of the Republic of Korea, 2023

Регион	Численность населения, %	Суммарный коэффициент рождаемости	Индекс старения	Общий коэффициент смертности
Республика Корея	100,00	0,72	162,90	6,90
Сеул	18,29	0,55	196,90	5,50
Пусан	6,42	0,66	222,30	8,00
Тэгу	4,63	0,70	171,00	7,00
Инчхон	5,84	0,69	143,10	6,10
Кванджу	2,77	0,71	130,70	6,20
Тэджон	2,81	0,79	143,70	6,00
Ульсан	2,15	0,81	117,90	5,50
Седжон	0,75	0,97	54,30	4,20
Кёнгидо	26,56	0,77	122,40	5,50
Канвондо	2,98	0,89	228,70	9,30
Чхунчхон-Пукто	3,10	0,89	173,80	8,50
Чхунчхон-Намдо	4,15	0,84	165,10	8,90
Чолла-Пукто	3,42	0,78	212,60	9,80
Чолла-Намдо	3,52	0,97	234,00	11,00
Кёнсан-Пукто	4,98	0,86	225,20	9,90
Кёнсан-Намдо	6,33	0,80	160,70	8,10
Чеджу	1,32	0,83	126,20	6,90

Источник: составлено автором на основе [10].

Source: compiled by the author based on: [10].

исследователями, что подобная пространственная структура региональной экономики РК несёт значительные риски для национального развития [8].

Региональные различия в Корее постепенно усиливаются также в связи с изменениями в демографических процессах [5]. Более 40% населения страны проживает в двух регионах. Подобное сосредоточение населения усугубляет проблему депопуляции, поскольку в городской местности уровень рождаемости традиционно ниже, а негативное влияние ухудшения экологии выше. Снижение темпов естественного воспроизводства населения является, в той или иной мере, общемировой тенденцией, однако катастрофическое течение процесса рождаемости в РК достигло уровня, когда речь идёт о вымирании нации.

Несмотря на распространённость мнения, что динамика рождаемости в какой-то степени связана с экономическими спадами [13], в РК специфика современного репродуктивного поведения населения обусловлена множеством факторов, в том числе, установившейся системой трудовых отношений и сохраняющимся неравенством трудящихся-мужчин и трудящихся-женщин. В таблице 2 представлены основные демографические показатели регионов страны.

Как показывает индекс старения, в настоящее время в РК сложилась регрессивная возрастная структура населения, способствующая превращению Южной Кореи в "общество пожилых". Только административный город Седжон, где проживает всего 0,75% населения страны, несколько выделяется из общей картины, однако и там простое воспроизводство населения не

Табл. 3. Темпы изменения демографических показателей регионов Республики Корея за период с 2017 по 2023 г.
Table 3. The rate of change in demographic indicators of the regions of the Republic of Korea for the period from 2017 to 2023

Регион	Темпы изменения		Темп прироста (убыли) населения
	суммарного коэффициента рождаемости	индекса старения	
Республика Корея	-52,0	40,5	-0,88
Сеул	-47,9	37,3	-5,02
Пусан	-52,4	37,2	-5,38
Тэгу	-45,9	41,0	-4,22
Инчхон	-48,3	36,1	1,63
Кванджу	-36,1	41,5	-3,14
Тэджон	-55,7	43,4	-4,16
Ульсан	-72,0	15,3	-5,57
Седжон	-38,8	37,3	27,53
Кёнгидо	-26,2	36,2	5,55
Канвондо	-38,8	33,1	-1,46
Чхунчхон-Пукто	-51,9	27,3	-0,06
Чхунчхон-Намдо	-47,6	31,8	0,63
Чолла-Пукто	-36,6	27,9	-5,69
Чолла-Намдо	-46,0	32,4	-5,11
Кёнсан-Пукто	-53,4	35,2	-5,38
Кёнсан-Намдо	-57,2	27,4	-3,98
Чеджу	-52,0	40,5	2,69

Источник: составлено автором на основе [10].

Source: compiled by the author based on [10].

осуществляется. В целом темпы изменения демографических показателей с отрицательной динамикой (табл. 3) подтверждают возможность наличия в стране, по словам корейских исследователей, "кризисных зон вымирания" [17]. Прирост численности населения в некоторых регионах вызван, скорее всего, миграционными процессами.

В качестве проявлений региональной асимметрии выступают и другие характеристики социально-экономического развития регионов, в том числе, учитываемые при проведении оценки эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. Тем не менее, нельзя не согласиться с зарубежными экспертами, что концентрация населения в городах, старение и демографический кризис создают весьма серьёзные проблемы для РК [3]. Данные тенденции требуют не только адаптации региональной политики к сложившимся демографическим условиям, но и мер, направленных на их изменение.

Региональная политика в Республике Корея

Для РК термин "региональная политика" включает, прежде всего, государственное регулирование асимметрии социально-экономического развития регионов [8]. Следует отметить, что ещё в первой редакции конституции страны упоминалось о роли государства в сбалансированном развитии регионов. Уже в 1980-х гг. правительство РК начинает реализацию стратегии развития промышленных парков вне густонаселённых территорий [7], стремясь пре-

одолеть негативные последствия быстрого индустриального роста. В 1990-х гг., особенно после азиатского кризиса 1998 г., региональная политика южнокорейского государства сосредотачивается вокруг конкурентоспособности экономики регионов.

В 2000-х гг. правительство РК приступает к осуществлению политики сбалансированного развития по устранению региональных диспропорций. Сам термин имеет достаточно много определений, в том числе, его можно рассматривать как формирование вектора желаемого развития и взаимовыгодных отношений между регионами [15]. Представляется возможным также использовать следующее определение – системные действия, направленные на устойчивое развитие территорий, вне зависимости от их административной градации.

В дальнейшем в РК были сформированы президентские комитеты, нацеленные на решение задач сбалансированного регионального экономического и демографического развития, разработано и принято законодательство, посвященное равномерному территориальному развитию, поддержке районов с сокращенной численностью населения, а также развитию местной автономии.

Вместе с тем, несмотря на общую приверженность администраций президентов РК концепции сбалансированного развития, их подходы к реализации масштабных национальных проектов в рамках региональной политики существенно отличались. Так, президент Но Му Хён в качестве важнейшего шага в данном направлении видел децентрализацию управления. Нельзя не отметить, что термин "децентрализация" в дальнейшем так или иначе упоминался среди национальных задач, провозглашенных правительством практически каждого президента. При этом не существует единой модели политики децентрализации, её результаты зависят от множества факторов, в том числе эффективности государственного управления [16].

Идея Но Му Хёна о переносе столицы из Сеула не получила широкого одобрения в стране, в том числе со стороны Конституционного суда. Попытка создания инновационных городов как центров развития также вызвала серьёзную критику [9]. Тем не менее в дальнейшем "смарт-город" Седжон, названный в честь одного из величайших монархов Кореи, стал многофункциональным административным центром, где размещено большинство министерств РК и в управлении городской инфраструктурой, которого активно используются новые технологии.

Правительство следующего президента – Ли Мён Бака, в качестве особенности своей политики видело не "равномерное" развитие регионов, а, собственно, "развитие", делая акцент на экономическом росте и повышении конкурентоспособности региональных экономик. При этом попытки превратить административный город Седжон в деловой центр не встретили положительного отклика со стороны как управленческих, так и бизнес-структур.

Повышение качества жизни населения стало основным приоритетом региональной политики президента Пак Кын Хе [2], причём концентрация на данном направлении выступала предметом критики со стороны оппозиции. Администрацией президента была разработана пространственная концепция "Зон счастливой жизни", предполагающая, в том числе, активизацию деятельности местных органов власти.

Правительство Мун Чжэ Ина поставило перед собой цель расширения местной автономии, сбалансированного регионального развития, "при котором все процветают", а также предотвращения миграционного оттока из сельской местности. Фискальная децентрализация, проведенная в период полномочий, Мун Джэ Ина, оказала значительное влияние на функционирование местного управления в стране, но, тем не менее, проблема создания полноценной системы местного самоуправления в РК так и не была решена.

Что касается Юн Сок Ёля, то одним из первых его шагов, вызвавшим весьма неоднозначную реакцию в стране, стал перенос администрации президента из традиционной официальной резиденции в район Ёнсан (центр Сеула). Переезд открыл начало "эпохи Ёнсана".

Другая "эпоха", связанная с периодом пребывания у власти Юн Сок Ёля, касалась "по-настоящему" сбалансированного развития регионов. В 2022 г. новым правительством были обозначены шесть национальных целей,

среди которых была указана "эпоха регионов, которая позволяет гражданам жить в любом регионе страны одинаково счастливо". Президент Юн Сок Ёлем также было объявлено о 120 основных задачах пятилетнего национального плана.

В 2023 г. президентский комитет по децентрализации и сбалансированному развитию представил "Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг.". Особенностью этого плана выступило объединение в одном документе видения двух ведущих направлений государственной политики – децентрализации и сбалансированного развития регионов. Ранее, начиная с 2004 г., принимались отдельные пятилетние планы по каждому направлению.

План правительства Юн Сок Ёля предполагал реализацию в течение 2023–2027 гг. и включал пять основных стратегий:

- децентрализация для поощрения автономии;
- реформа образования, способствующая развитию местных талантов;
- инновационный рост, увеличивающий количество рабочих мест;
- ведущее развитие, сохраняющее индивидуальность;
- социальное обеспечение, улучшающее качество жизни [18].

Первая стратегия, обозначенная в плане, была нацелена не только на укрепление финансовой основы местного управления, но и на адаптацию формирующейся системы к местным условиям. Большое внимание также было уделено образованию и инновациям. В рамках представленных стратегий поощрялось, в частности, активное взаимодействие местных органов власти, университетов и промышленных компаний с целью превращения региональных университетов за счёт местных инноваций в конкурентоспособные. Предполагался запуск пилотного проекта региональной системы поддержки инновационных университетов в семи городах и провинциях. Указывалось также на необходимость создания специальных образовательных зон развития, а также привлечения иностранных студентов с последующим трудоустройством в регионах РК. Меры по совершенствованию местной системы здравоохранения и социального обеспечения выступали как ответ на "кризис локального вымирания".

В целом "Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг." представлял совокупность стратегических документов, объединяющих все уровни власти: рассматривались не только цели и задачи правительства по указанным выше направлениям и определенные меры по их реализации, но также было уделено внимание отраслевым планам и особенно планам развития регионов. Подобная организация формирования и реализации региональной политики предполагает непрерывное взаимодействие органов центральной и регионального управления, учёт региональных приоритетов и корректировку планов в зависимости от изменения политической, экономической и социальной ситуации.

Тем не менее, несмотря на определенную новизну подхода, план администрации Юн Сок Ёля сложно назвать действительно революционным. При всём заявленном внимании к местному уровню власти, даже в случае выполнения плана местное самоуправление в РК по-прежнему оставалось бы достаточно ограниченным как в своих полномочиях, так и, что особенно важно, финансах для их реализации.

Кроме того, президентом Юн Сок Ёлем был предложен целый ряд инициатив, в том числе, в сфере демографической и молодежной политики, в частности, была утверждена первая национальная программа, направленная на поддержку молодежи. Однако провал финансовой политики Юн Сок Ёля, сложности в реализации региональной, противостояние с парламентом, и, в конце концов, попытка ввода в стране военного положения, привели к политическому кризису. Официальное окончание "эпохи Ёнсана" в 2025 г. вновь поставило вопрос о дальнейших стратегиях политики сбалансированного развития, в том числе, связанных с переносом государственных учреждений в нестоличные регионы и судьбой административного города Седжон.

Оценка эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля

Несмотря на определённые успехи, большинство исследователей достаточно критически характеризуют результаты политики сбалансирован-

Табл. 4. Значения интегральных показателей экономического и социального развития регионов Республики Корея (2017, 2022, 2023 гг.)
 Table 4. Values of integrated indicators of economic and social development of regions of the Republic of Korea (2017, 2022, 2023)

Регион	Период					
	интегральный показатель экономического развития			интегральный показатель социального развития		
	2017	2022	2023	2017	2022	2023
Сеул	0,629	0,341	0,568	0,513	0,531	0,512
Пусан	0,129	0,328	0,120	0,215	0,254	0,257
Тэгу	0,176	0,184	0,090	0,291	0,241	0,236
Инчхон	0,178	0,268	0,309	0,334	0,340	0,255
Кванджу	0,120	0,143	0,115	0,433	0,450	0,431
Тэджон	0,120	0,149	0,155	0,460	0,433	0,417
Ульсан	0,354	0,414	0,319	0,661	0,608	0,578
Седжон	0,173	0,369	0,151	0,765	0,963	0,903
Кёнгидо	0,703	0,458	0,810	0,464	0,374	0,349
Канвондо	0,249	0,184	0,080	0,402	0,424	0,435
Чхунчхон-Пукто	0,152	0,141	0,163	0,384	0,400	0,396
Чхунчхон-Намдо	0,497	0,310	0,260	0,364	0,311	0,313
Чолла-Пукто	0,158	0,172	0,095	0,301	0,232	0,246
Чолла-Намдо	0,269	0,192	0,195	0,284	0,208	0,229
Кёнсан-Пукто	0,339	0,175	0,189	0,309	0,203	0,211
Кёнсан-Намдо	0,166	0,263	0,202	0,414	0,297	0,284
Чеджу	0,319	0,193	0,069	0,601	0,457	0,433

Источник: рассчитано автором на основе [10].

Source: calculated by the author based on [10].

ного развития регионов, проводимой в РК с начала 2000-х гг. И, учитывая, что президент Юн Сок Ёль был отстранён от власти в конце 2024 г., вряд ли стоит констатировать, что его администрации удалось кардинально решить проблему внутристрановой социально-экономической асимметрии. Тем не менее представляется возможным осуществить оценку эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. В данной работе под подобной оценкой понимается измерение уровня региональной асимметрии на основе модификации оригинальной авторской методики, предполагающей разработку интегральных показателей и выделение групп территориальных образований. Модификация обусловлена, прежде всего, спецификой социально-экономического развития РК, что определило изменение перечня его компонентов. Изменения также коснулись состава частных и количества интегральных показателей в связи с недостаточностью статистической информации. В качестве ключевых периодов рассматривались 2017 и 2022 гг. (период полномочий президента Мун Джэ Ина и начало деятельности Юн Сок Ёля в качестве президента страны), а также 2023 г.

Прежде всего, для построения интегральных показателей были отобраны частные показатели, одним из главных принципов выбора, которых было не только адекватное отражение того или иного компонента социально-экономического развития территории, но и представленность в официаль-

Табл. 5. Типология регионов Республики Корея по уровню экономического и социального развития (2017, 2022, 2023 гг.)
Table 5. Typology of the regions of the Republic of Korea by the level of economic and social development (2017, 2022, 2023)

Регион	Интегральный показатель экономического развития			Интегральный показатель социального развития		
	2017	2022	2023	2017	2022	2023
Сеул	1	2	1	2	1	1
Пусан	3	2	3	3	3	3
Тэгу	2	2	3	3	3	3
Инчхон	2	2	2	2	2	3
Кванджу	3	3	3	2	2	2
Тэджон	3	3	2	2	2	2
Ульсан	2	1	2	1	1	1
Седжон	2	1	2	1	1	1
Кёнгидо	1	1	1	2	2	2
Канвондо	2	2	3	2	2	2
Чхунчхон-Пукто	3	3	2	2	2	2
Чхунчхон-Намдо	2	2	2	2	2	2
Чолла-Пукто	3	2	3	2	3	3
Чолла-Намдо	2	2	2	3	3	3
Кёнсан-Пукто	2	2	2	2	3	3
Кёнсан-Намдо	3	2	2	2	2	2
Чеджу	2	2	3	1	2	2

Примечание: 1 – значение показателя выше зоны со средними значениями показателя, 2 – значение в границах зоны средних значений, 3 – значение ниже зоны средних значений.

Источник: рассчитано автором на основе [10].

Source: calculated by the author based on [10].

ной статистике. В этом отношении РК практически не отличается от других стран, традиционно сосредотачиваясь на статистике национального уровня. В итоге перечень показателей для расчёта, например индекса сбалансированного развития, разработанного комитетом по местному развитию, включает в себя данные, которые предполагают, в том числе обращение к материалам различных ведомств, а также проведение социологического опроса, что не способствует оперативности оценки. Кроме того, наблюдается также проблема несопоставимости, в том числе хронологических рамок расчёта различных региональных индексов и т. п.

В настоящей работе используются показатели, рассмотренные выше (кроме показателя численности населения и темпов изменения демографических показателей). Дополнением к указанному перечню выступили: общий коэффициент рождаемости, численность медицинского персонала (человек на тысячу человек населения), обеспеченность дорогами (метров на тысячу человек населения), среднемесячные денежные доходы (долл. США), количество детских садов (на тысячу человек населения). Таким образом учитываются основные составляющие социально-экономического развития регионов: региональная экономика, научно-технологический потенциал региона, инфраструктура, качество и уровень жизни населения региона. Информация

для расчёта данных показателей размещена на соответствующих официальных сайтах (Korean Statistical Information Service и др.) РК. Безусловно, такой подход в какой-то мере снижает возможности исследования, но в то же время расширяет границы сравнительного анализа.

Все значения частных показателей были нормированы, в дальнейшем на их основе были рассчитаны интегральные показатели социального и экономического развития территории, отраженные в *таблице 4*.

Обращает на себя внимание некоторое снижение в 2023 г. значения интегрального показателя социального развития в Сеуле и провинции Кёнгидо при определенном повышении значения показателя экономического. Однако резких падений значения интегрального показателя, отражающего состояние социальной сферы в городах и провинциях РК, не наблюдалось. При этом в большинстве регионов отмечалось определённое ухудшение экономической ситуации, порой весьма значительное, как в Пусане, Тэгу, провинциях Канвондо, Чолла-Пукто и островном регионе Чеджу.

Далее для разделения регионов на группы в зависимости от уровня развития были определены зоны со средними значениями социального и экономического показателей. Зоны рассчитывались на основе отклонения от среднего значения интегральных показателей; зоны выше и ниже данной области, соответственно, составили регионы с более высоким или низким уровнем развития. Результаты представлены в *таблице 5*.

В целом результаты оценки не показывают существенных изменений значений интегрального показателя, отражающего социальное положение регионов РК, в период пребывания у власти президента Юн Сок Ёля. Как показывают данные *таблицы 5*, в 2023 г. у большинства регионов, кроме города-метрополии Инчхон, социальные характеристики оставались в рамках областей, присущих 2022 г. На изменение позиции Инчхона повлияло снижение значений показателей социальной инфраструктуры. Показательно, что в период действия полномочий президента Мун Джэ Ина подобная ситуация наблюдалась у трёх регионов.

Что касается экономического развития регионов, то свой ранг в 2023 г. повысил Сеул (благодаря росту ВРП, деловой и технологической активности), неожиданно оказавшийся в 2022 г. среди регионов со средним уровнем развития, а также провинция Чхунчхон-Пукто. Последняя вышла на более серьёзную позицию за счёт незначительного повышения значения показателя, которое, тем не менее, стало решающим. Обратная динамика характерна для восьми регионов (Пусан, Тэгу, Тэджон, особый самоуправляющийся город Седжон, Ульсан, Чолла-Пукто и особые самоуправляющиеся провинции Канвондо и Чеджу). Так, промышленный центр РК Ульсан, несмотря на преимущество в ВРП, в 2023 г. вошёл в зону средних характеристик. В итоге первую группу (выше области средних значений) составили только два региона.

В целом на конец деятельности администрации президента Мун Джэ Ина и начало – Юн Сок Ёля, в группу с невысокими значениями экономического развития входило всего три региона, в то время как в 2023 г. их число увеличилось до пяти. Подобная картина наглядно иллюстрирует присутствие традиционного разрыва между технологическими и инновационными центрами страны Сеулом и Кёнгидо и остальными регионами.

Заключение

Таким образом, в РК наблюдается асимметрия социально-экономического развития регионов, обусловленная влиянием целого ряда факторов, в том числе сложившимся в XX в. территориальным разделением труда. Катастрофические демографические тенденции, присущие большинству городов и провинций страны, осложняют реализацию региональной политики.

Концепция сбалансированного развития регионов является доминирующей в РК и в её рамках, так или иначе, действовали с начала 2000-х гг. все президенты страны. Однако, несмотря на масштабные попытки реализации различных подходов к региональной политике, проблемы концентрации населения и деловой активности в столичном регионе, усиления проявлений депопуляции в периферийных территориях остаются на настоящий момент неразрешёнными. В то же время следует обратить внимание на определённые достижения в сглаживании экономического неравенства регионов. К тому же

рассредоточение государственного управления и создание инновационных городов, эффект от которых в настоящее время весьма незначителен в долгосрочном плане, могут привести к росту региональной экономики.

Региональная политика президента Юн Сок Ёля включала пять стратегий, зафиксированных в "Первом комплексном плане эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг." и была нацелена на передачу ряда полномочий на местный уровень, повышение статуса особых городов и провинций, укрепление финансового потенциала местных органов власти, а также раскрытие преимуществ регионов для формирования местных центров роста.

Вместе с тем проведённая оценка эффективности региональной политики правительства двадцатого президента страны показала отсутствие каких-либо значительных результатов в снижении территориальных диспропорций. Более того, количество регионов с интегральными показателями ниже области средних значений в 2023 г. увеличилось, особенно в экономической сфере.

Безусловно, результаты оценки в отношении региональной политики Юн Сок Ёля в определённой мере носят несколько условный характер: следует учитывать недостаточно длительный период его деятельности на посту президента РК; к тому же отсутствие полных статистических данных за 2024 г. значительно снижает репрезентативность исследования. Тем не менее, проведённая оценка показала сохранение "классических" региональных диспропорций в РК при президенте Юн Сок Ёле.

В целом, несмотря на постоянное совершенствование региональной политики различными администрациями президентов, возникает достаточно много вопросов по поводу эффективности её реализации. Очевидно, что для последующих правительств РК проблема сбалансированного регионального развития по-прежнему будет оставаться актуальной.

Литература / References

1. Акимова В. В., Чернецкий Ф. М. Трансформация территориальной структуры обрабатывающей промышленности Республики Корея в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2024. Т. 79. № 5. С. 90–100.
Akimova V. V., Chernetskij F. M. Transformation of the territorial structure of the manufacturing industry of the Republic of Korea in the 21st century // Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. 2024. Vol. 79. No. 5. P. 90–100. (In Russ.).
2. Кукла М. П., Козлов Л. Е. Региональная политика Республики Корея на примере провинции Канвондо // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 46–51.
Kukla M. P., Kozlov L. E. Regional Policy of the Republic of Korea on the Example of Gangwon Province // Asia and Africa Today. 2020. No. 10. P. 46–51. (In Russ.).
3. Adapting Regional Policy in Korea. Preparing regions for demographic changes / OECD Rural Studies. Paris: OECD Publishing, 2022. 129 p.
4. Allain-Dupré D., Chatry I., Moisis A. Asymmetric decentralisation: trends, challenges and policy implications/ OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/asymmetric-decentralisation_0898887a-en.pdf (accessed 30.03.2025).
5. Chang I., Choi Y. Y., Park S.-K., Kim B. H. S. Regional demographic changes and financial independence of local governments in Korea// Asian Journal of Social Science. 2023. Vol. 51. Issue 3. P. 188–197.
6. Jeong Seongpil, Park Jooyoung. Evaluating urban water management using a water metabolism framework: A comparative analysis of three regions in Korea // Resources, Conservation and Recycling. 2020. Vol. 155. P. 104597. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.104597> (accessed 30.03.2025).
7. Kim Kwang Sik, Gallent N. Regulating industrial growth in the South Korean Capital region// Cities. 1998. Vol. 15. No. 1. P. 1–11.
8. Kim Soon Eun. Regional Policy and National Development in Korea // Korean Journal of Policy Studies. 2014. Vol. 29. No. 1. P. 101–122.
9. Kim Taebyung, Lim Junghwan. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences/ Rimisp. Working Paper Series. 2016. No. 189. 15 p.
10. KOSIS: Korean Statistical Information Service. URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (accessed 30.03.2025).
11. Mun Jihun, Kim Saehoon, Lee Jae Seung. Remote Sensing the Urban Sprawl in South Korea: The Effects of Sprawl on Spatial Inequality // XXVIII International Seminar on Urban Form. 29th June – 3rd July 2021. Glasgow, 2021. P. 786–793.

12. Mun Jihun, Lee Jae Seung, Kim Saehoon. Effects of urban sprawl on regional disparity and quality of life: A case of South Korea // *Cities*. 2024. Vol. 151. P. 105125. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105125> (accessed 30.03.2025).
13. Salvati L., Benassi F., Miccoli S., Rabiei-Dastjerdi H., Matthews S. A. Spatial variability of total fertility rate and crude birth rate in a low-fertility country: Patterns and trends in regional and local scale heterogeneity across Italy, 2002–2018 // *Applied Geography*. 2020. Vol. 124. P. 102321. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102321> (accessed 30.03.2025).
14. 김석동. 경제민주화가 지방분권화에 미치는 영향에 관한 연구 : 지방소멸과 저출생 문제 해결에 던지는 시사점을 중심으로 // 한국지방정치학회보 = Kim Sok-don. Исследование влияния экономической демократизации на местную децентрализацию: особое внимание уделяется последствиям для решения проблем местного вымирания и низкой рождаемости // Журнал корейской ассоциации муниципальной политики. 2024. Т. 14. № 1. С. 1–34. <https://doi.org/10.23113/krpsa.2024.14.1.001> (In Kor.). Kim Sok-don. A study on the impact of economic democratization on local decentralization: Focusing on implications for solving local extinction and low birth rate problems // *Korean Regional Politics Review*. 2024. T. 14. No. 1. P. 1–34. <https://doi.org/10.23113/krpsa.2024.14.1.001> (In Kor.).
15. 김선명, 노진희. 전국 226개 기초자치단체의 지역균형발전추진 정책 분석과 시사점: 인구 및 경제, 산업 지표를 중심으로 // 한국거버넌스학회보 = Kim Seon-myeong, Noh Jin-hee. Анализ показателей сбалансированного регионального развития и их последствий для 226 местных органов власти по всей стране: сосредоточение на демографических, экономических и промышленных показателях // Корейский журнал исследований управления. 2023. Т. 3. № 3. С. 101–128. Kim Seon-myeong, Noh Jin-hee. Analysis of Balanced Regional Development in 226 Municipalities and Policy Implications: Focusing on Population, Economy, and Industrial Indicators // *Korean Governance Review*. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 101–128. (In Kor.).
16. 김의섭. 분권, 차등분권과 지역균형발전: 문재인정부 분권의 성과와 과제 // 재정정책논집 = Kim Ui-seop. Децентрализация, асимметричная децентрализация и региональное сбалансированное развитие: достижения и проблемы децентрализации при администрации Мун Чжэ Ина // Журнал фискальной политики. 2022. Т. 24. № 1. С. 29–83. Kim Ui-seop. Decentralization, Asymmetric Decentralization and Regional Economic Development in Korea // *Fiscal Policy Journal*. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 29–83. (In Kor.).
17. 이민주, 김슬기, 김의준. 지방소멸 위기지역 유형화와 특성 분석 // 도시연구 = Li Min Chju, Kim Seul-gi, Kim Ui-jun. Анализ типологии и характеристика регионов, находящихся под угрозой исчезновения органов местного самоуправления // Городские исследования. 2023. № 6. С. 93–137. Lee Min-joo, Kim Seul-gi, Kim Eui-jun. Analysis of the typology and characteristics of regions in danger of extinction of local governments // *Korean Journal of Urban Studies*. 2023. No. 6. C. 93–137. (In Kor.).
18. 제1차지방시대 종합계획 2023-2027 = Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023-2027 гг. URL: <https://www.balance.go.kr/base/contents/view?contentsNo=30&menuLevel=3&menuNo=9> (дата обращения: 30.03.2025). First Comprehensive Plan for the Local Government Era 2023-2027. URL: <https://www.balance.go.kr/base/contents/view?contentsNo=30&menuLevel=3&menuNo=9> (accessed 30.03.2025). (In Kor.).

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Денисенко, канд. экон. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Information about the author

Victoria A. Denisenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Поступила в редакцию 16.04.2025

Одобрена после рецензирования 07.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 16.04.2025

Approved 07.05.2025

Accepted 26.05.2025

Научная статья
УДК 332.1(519.1):338.24(519.1)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/23-30>

"Политика развития периферии 20×10" как новый этап регионального развития в КНДР

Людмила Владимировна Захарова
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия, zakharova@iccaras.ru

Аннотация. В начале 2024 г. Трудовой партией Кореи была объявлена политика регионального развития "20×10", предполагающая масштабное строительство предприятий лёгкой промышленности, медицинских и культурных объектов. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть новый курс как поворот от традиционного отраслевого планирования к комплексной модели территориального развития в условиях "чучхейского социализма". Автор выделяет предпосылки, цели и методы реализации политики "20×10", оценивает первые результаты и перспективы достижения заявленных целей. Источниковой базой исследования стали северокорейские публикации, официальные доклады и выступления руководителей КНДР. Используются компаративный подход и методы контент-анализа. Сделан вывод о том, что государство направляет материальные и трудовые ресурсы на повышение уровня жизни в регионах, чтобы хотя бы частично сгладить огромные диспропорции между центром и периферией, представляющие вызов для долгосрочного развития страны.

Ключевые слова: КНДР, экономика, региональное развитие, "политика развития периферии 20×10", местная промышленность, повышение уровня жизни

Для цитирования: Захарова Л. В. "Политика развития периферии 20×10" как новый этап регионального развития в КНДР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 23–30.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/23-30>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/23-30>

"20×10 Policy" as a New Stage of Regional Development in the DPRK

Lyudmila V. Zakharova
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, e-mail: zakharova@ifes-ras.ru

Abstract. In early 2024, the Workers' Party of Korea announced the "20×10 Regional Development Policy", which envisages large-scale construction of light industry enterprises, medical and cultural facilities. The article is the first attempt to consider the new course as a turn from traditional sectoral planning to a comprehensive model of territorial development in the context of "Juche-style socialism". The author identifies the prerequisites, goals and methods for implementing the 20×10 Policy, assesses the first results and prospects for achieving the declared goals. The study is based on the analysis of North Korean publications, official reports and speeches of the DPRK leaders. A comparative approach and content analysis methods are used. The article concludes that the state directs material and labor resources to raising the standard of living in the regions in order to at least partially smooth out the huge disproportions between the center and the periphery that pose a challenge to the long term development of the country.

Key words: DPRK, economy, regional development, "20×10 Regional Development Policy", local industry, improving living standards

For citation: Zakharova L. V. "20×10 Policy" as a New Stage of Regional Development in the DPRK // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 23–30. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/23-30>

Введение

Одной из важнейших задач национального развития КНДР в XXI в. является модернизация экономики и социальной сферы. Руководство страны стремится к созданию облика современного цивилизованного государства, а также повышению уровня самообеспеченности. За 2010-е гг. КНДР смогла достигнуть определённых успехов на данном пути. Научно-технический прогресс способствовал переводу на отечественное сырьё некоторых важных производственных процессов в базовых отраслях промышленности. В стране было развёрнуто масштабное жилищное строительство, улучшилась продовольственная обеспеченность и транспортная инфраструктура, расширился ассортимент товаров широкого потребления, однако данные процессы охватили, прежде всего, столичный регион, в котором проживают около 3,17 млн человек, что составляет около 14% населения страны [20, p. 34]. В 2016 г. на VII съезде Трудовой партии Кореи (ТПК) лидер страны Ким Чен Ын поставил цель строительства научно-технической, экономической, цивилизованной державы, в которой народ сможет наслаждаться зажиточной и цивилизованной жизнью. Одним из препятствий на этом пути является усиливающийся разрыв в уровне жизни между столицей и провинциями, что в долгосрочной

перспективе представляет существенный вызов для устойчивого развития страны из-за обострения проблемы межрегиональной дифференциации.

Проблема разрыва в уровнях жизни между Пхеньяном и провинциальными районами выражается не только в строительстве современных зданий, но и в обеспеченности потребительскими товарами, развитии сферы услуг и т. п. Жители других регионов, приезжая в Пхеньян, видят современный город, который значительно отличается от их собственных мест проживания. Важность сглаживания подобных диспропорций признается на высшем уровне. В 2020-е гг. руководство КНДР стало более активно проводить региональную политику. Если до этого власти периодически называли приоритетные проекты на уровне отдельных уездов и городов, а планирование экономического развития осуществлялось, прежде всего, в отраслевом разрезе [8], то с VIII съезда ТПК (январь 2021 г.) можно вести отсчёт реализации новой региональной политики КНДР. На съезде было провозглашено, что в 2021–2025 гг. государство сосредоточит капиталовложения на развитии самой большой земельной провинции страны – Южная Хванхэ, а также займется развитием местной промышленности. В заключительной речи на VIII съезде ТПК её председатель Ким Чен Ын отмечал: "Сейчас в провинциальных городах и уездах, в частности в деревне, жизнь населения остается очень тяжелой и отсталой. Отныне мы намереваемся обращать внимание на развитие местного хозяйства и улучшение благосостояния жителей периферии" [4].

В начале 2024 г. ТПК была объявлена политика регионального развития "20×10", предполагающая масштабное строительство предприятий легкой промышленности, медицинских и культурных объектов по всей стране. Целью настоящей статьи является выявление предпосылок, методов реализации, первых результатов и перспектив политики КНДР по развитию регионов страны, объявленной в первой половине 2020-х гг. Источниковой базой исследования стали северокаорейские публикации, официальные доклады и выступления руководителей КНДР. Автор также использовал статьи российских и зарубежных учёных в рецензируемых научных изданиях. Методология исследования предполагает использование системного подхода и методов политэкономического анализа к изучению региональной политики КНДР на современном этапе.

Предпосылки новой региональной политики

Руководство страны и ранее разрабатывало инструменты, чтобы добиться притока ресурсов в развитие регионов. В 2010-е гг., например, было объявлено о создании "зон экономического развития" в каждой провинции, одной из целей которого, согласно северокаорейским источникам, было "продвигать экономическое развитие страны в целом и на уровне регионов" [21]. Руководство государства планировало привлечь иностранные инвестиции и превратить более 20 анонсированных районов по всей стране в "региональные опорные пункты в налаживании развития экономики страны" [3, с. 5]. Особые преференции в виде налоговых льгот предлагались инвесторам в приоритетные отрасли, включавшие производство товаров, конкурентных на мировом рынке, внедрение высоких технологий, а также строительство инфраструктуры [7]. Поскольку основная ставка при реализации проектов регионального развития в планировавшихся "точках роста" была сделана на привлечение иностранного капитала, критически важной была благоприятная международная обстановка. Однако существенное ужесточение международных экономических санкций против КНДР в 2016–2017 гг. привело к радикальному ухудшению внешних условий для инвестирования в Северную Корею и не позволило руководству страны реализовать курс на модернизацию регионов за счёт задействования внешних связей [5, с. 73]. В результате властям вновь пришлось сфокусироваться на развитии "с опорой на собственные силы", в том числе стимулируя каждую провинцию "вести активную борьбу за развитие местной экономики за счёт использования собственного сырья" [23].

В начале 2020-х гг. одним из главных партийных лозунгов стал "Народ превыше всего", требующий скорейшего улучшения жизни людей по всей стране, чтобы повысить уровень доверия граждан к правящей партии. Особенно это актуально в условиях сохраняющейся отсталости КНДР по целому ряду направлений, напрямую влияющих на уровень жизни населения. В частно-

сти, согласно Добровольному национальному обзору КНДР по реализации Повестки 2030, подготовленному правительством страны и опубликованному в середине 2021 г., не были достигнуты государственные цели в области производства зерновых, сохраняются серьёзные вызовы в области здравоохранения, отмечается медленный прогресс в обеспечении всего населения чистой питьевой водой и канализацией, потребности граждан в электроэнергии не удовлетворены, а модернизация автомобильных и железных дорог по международным стандартам отстает от графика.

Российские исследователи отмечают невысокий уровень развития городской среды КНДР. Многим провинциальным центрам свойственна преимущественно одноэтажная застройка, которая частично скрывается более высокими домами, построенными вдоль основных дорог. Части горожан приходится самостоятельно обеспечивать себя дровами для отопления жилых помещений, использование электроэнергии лимитировано из-за частных отключений. Дорожная инфраструктура также требует существенных вложений. Качественное твердое покрытие имеют преимущественно основные магистрали Пхеньяна, в большинстве уездов автодороги только грунтовые [19, с. 106–111]. При этом ситуация в сельской местности существенно хуже, чем в городах. Например, в 2017 г. 71,3% городского населения КНДР имели доступ к чистой питьевой воде (44,5% – в сельской местности), и 70,8% горожан пользовались безопасно управляемой канализацией (среди сельских жителей – лишь 11,4%) [22, р. 25]. Для обогрева и приготовления пищи в городе в основном используется уголь, а в деревне – дрова и сельскохозяйственные отходы. Кроме того, по словам северокорейского лидера Ким Чен Ына, "местная промышленность в целом находится в наихудшем состоянии", а "неудовлетворительное снабжение местных жителей даже предметами первой необходимости, в том числе основными приправами, пищевыми продуктами и потребительскими товарами, встаёт как неотложный серьёзный политический вопрос перед нашей партией" [15]. Несмотря на заявленные планы по улучшению условий жизни населения в регионах, внутренних ресурсов для скорейшего решения существующих проблем не хватает, что предопределяет поэтапный подход к ним в государственной политике. В КНДР широко используется метод "тестовых площадок", когда перед началом работы в общенациональном масштабе сначала реализуется пилотный проект, учитываются возникшие в ходе его осуществления проблемы и отрабатываются их решения. В уезде Кимхва (провинция Канвон), пострадавшем от последствий наводнения в 2020 г. и имевшем небольшой экономический потенциал, было решено накапливать практический опыт в развитии местной промышленности. Там были модернизированы и построены новые предприятия, производящие потребительские товары из местного сырья (конфеты и печенье, сироп из лимонника, джем из актинидии, хозяйственное мыло и другие) и снабжающие ими жителей уезда [13]. Опыт уезда Кимхва, положительно оцениваемый руководством страны, использовался при планировании дальнейших мероприятий в общегосударственном масштабе, причем было решено повысить уровень модернизации при строительстве следующих фабрик, а архитектуру строений сделать более разнообразной.

Политика развития периферии "20×10": цели, методы и первые результаты

В январе 2024 г. была объявлена новая программа регионального развития, названная в официальных СМИ КНДР "великая программа развития периферии" или "политика 20×10 развития периферии". Её целью является повышение материальных и культурных стандартов жизни народа путём радикальной модернизации местной промышленности, производящей потребительские товары. Согласно этой программе, в течение 10 лет ежегодно в 20 уездах КНДР будут строиться крупные производственные комплексы, которые должны стать локомотивами роста регионов. При успешном выполнении поставленных задач к середине 2030-х гг. по всей стране будут функционировать 200 новых предприятий лёгкой промышленности [11].

Важно отметить, что под местной промышленностью в КНДР понимаются, прежде всего, объекты лёгкой индустрии, которые находятся в ведении местных органов власти, в отличие от крупных предприятий, находящихся в центральном подчинении. Соответственно, и финансирование развития

местной промышленности лежит на плечах, прежде всего, региональных бюджетов, доля которых в государственных бюджетных поступлениях КНДР составляет менее 30%. В рамках же новой политики из центрального бюджета выделяются средства и ресурсы на строительство предприятий местной промышленности [6].

В условиях ограниченных внутренних ресурсов и невозможности рассчитывать на приток иностранных инвестиций из-за международных санкций ставится задача максимального учёта реальных условий каждой конкретной местности с целью использования её естественного потенциала. Трудовые ресурсы для строительства новых предприятий обеспечиваются путём привлечения армейских сил, являющихся в КНДР универсальным резервом для решения важных государственных задач. В различных родах войск были сформированы новые строительные полки "124" Корейской Народной Армии специально для претворения в жизнь новой региональной политики [17]. Уже в феврале 2024 г. в присутствии высшего руководства КНДР была проведена церемония начала строительства предприятий местной промышленности в уезде Сончхон (провинция Южная Пхёнан).

Для ускорения процесса строительства был создан Непостоянный центральный комитет по содействию развитию периферии 20×10, оказывающий поддержку местным властям. Во взаимодействии с Кабинетом министров, Госпланом, различными министерствами и центральными ведомствами Непостоянный комитет координирует работу по своевременному производству и обеспечению материалов, необходимых для строительства предприятий местной промышленности, а также направляет руководящих работников на места строек для решения возникающих вопросов [10]. Вскоре после начала строительства первых фабрик, в августе 2024 г., генеральный секретарь ТПК Ким Чен Ын объявил о дополнительном включении в план работ трёх обязательных объектов: учреждения здравоохранения, комплекса бытового обслуживания населения и зернохранилища [12]. Вместе со строительством жилых домов и благоустройством прилегающих к новым предприятиям территорий подобный курс предполагает уже не отраслевой подход, а более комплексный вариант политики территориального развития. Более того, в официальной северокорейской печати решение задач по модернизации периферии часто перекликается с программой партии по развитию сельской местности ("осуществлению революции на селе"), объявленной в 2021 г.

К началу 2025 г. было объявлено о запуске новых предприятий местной промышленности почти во всех провинциях страны. Специализация создаваемых объектов зависит от специфики конкретной местности и имеющегося в доступе сырья. В приморских городах, например, строятся крупные базы марикультуры. В 2024 г. было запущено Синпхоское городское хозяйство марикультуры (провинция Южная Хамгён), объявленное новым образцовым предприятием в данной отрасли. Опыт его создания будет в дальнейшем масштабирован на других подобных объектах. В частности, в 2025 г. началось строительство Раквонского уездного хозяйства марикультуры (провинция Южная Хамгён), которое должно стать системообразующим объектом для создания в данном небольшом уезде современного рыбачьего поселка [2].

В начале 2025 г. началось строительство крупнейшего в стране современного тепличного хозяйства, овощеперерабатывающей фабрики и научно-исследовательского центра овощеводства в районе г. Синыйджу (провинция Северная Пхёнан), восстановленном после наводнения в 2024 г. Учитывая близость границы с Китаем, ставятся задачи по созданию здесь передового города, который "может наглядно показать и представить облик развития и мощь социалистической Кореи" [1]. Параллельно со строительством тепличного хозяйства проводятся мероприятия по предотвращению стихийных бедствий в этом районе в будущем, что способствует решению других злободневных задач современной КНДР.

На уровне министерств, центральных ведомств и провинций ведётся работа по подготовке мастеров и технических кадров для новых предприятий местной промышленности. Для повышения их технического уровня был сформирован специальный "ударный отряд научно-технических работников имени 17 февраля", состоящий из учёных различных научно-исследовательских институтов страны. С их помощью ведётся оптимизация производственных

процессов и повышение качества продукции. Оборудование для оснащения новых предприятий обеспечивается, прежде всего, за счет внутреннего производства, а сырьё и материалы на данном этапе поставляются путём централизованного планового распределения в приоритетном порядке. Кроме того, создаются собственные сырьевые базы местного масштаба. При строительстве Синпхоского городского хозяйства марикультуры свой вклад в его материально-техническую базу внесли также армейские предприятия и внешнеторговое управление "Тэсон", которые построили и безвозмездно передали хозяйству суда для разведения марикультуры, плавучие базы и суда для работы под водой [18]. Таким образом, сформировался комплексный механизм приоритетного направления необходимых материальных и трудовых ресурсов, а также оказания научно-технического содействия для реализации поставленных задач по модернизации всех провинций страны.

Перспективы и проблемы

Результатами реализации новой политики КНДР по развитию регионов в средне- и долгосрочной перспективе могут стать увеличение количества предприятий лёгкой промышленности, повышение уровня снабжения граждан потребительскими товарами, создание новых рабочих мест, строительство современного жилья и учреждений сферы услуг. Улучшение социально-экономических условий жизни населения должно повысить уровень доверия народа к партии и веры в "чучхейский социализм" в целом, сглаживая эффект усилившегося разрыва в уровне жизни привилегированной элиты в столице и рабочих и сельских тружеников в большей части страны.

В корейских СМИ политика развития периферии называется "яркой демонстрацией благородного политического идеала, чудесной творческой и практической способности нашей великой партии и нашего социалистического государства, которые претворяют в жизнь великий замысел "Народные массы – превыше всего". Развитие местной экономики призвано "подтвердить справедливость и жизненность политики нашей партии" [2]. Таким образом, подчеркиваются политические, а не только социально-экономические цели реализации новой программы развития регионов. Кроме того, "великая программа развития периферии" является масштабной общенациональной стройкой, в которой участвует большое количество людей, где ведется активная идеологическая работа. На поддержку строителей выезжают агитационные бригады общественных организаций КНДР. Всё это призвано стать дополнительным сплачивающим народ инструментом под знаменами ТПК. О большом политическом значении региональной политики свидетельствуют пышные церемонии открытия новых объектов, а также их посещение лидером КНДР Ким Чен Ыном. Экономическое значение новой политики также велико, поскольку в её рамках государство увеличивает капиталовложения в развитие лёгкой промышленности, оказывая регионам существенную материально-техническую помощь. Интересно отметить, что северокорейский лидер подчеркивал важность стимулирования экономического роста городов и уездов "путём установления атмосферы конкуренции друг с другом" [15], что может свидетельствовать о дальнейшем использовании рыночных принципов в работе предприятий. Кроме того, существенные диспропорции в региональном развитии препятствуют экономическому росту страны в целом, а также консервируют отсталость сельской местности, препятствуя созданию образа КНДР как современного цивилизованного государства.

Фото и видео, публикуемые в официальных северокорейских СМИ, свидетельствует об успешном завершении строительства новых объектов, однако уровень технологических процессов невысок, а ассортимент производимой продукции включает самые базовые товары широкого потребления (мыло, напитки, снеки и т. п.). Для того чтобы новые предприятия смогли стать локомотивами развития регионов, будут необходимы дополнительные инвестиции в оборудование, расширение сырьевой базы, развитие сопутствующей инфраструктуры, а также бытовых цепочек. Нехватку капитала можно было бы решить путём совмещения в части объектов программы развития периферии с зонами экономического развития, созданными в 2010-е гг. Привлечение иностранных инвестиций и технологий могло бы укрепить экономическую базу создаваемых объектов, диверсифицировать ассортимент производимых товаров и способствовать их дальнейшему выводу на самокупаемость.

В настоящее время КНДР акцентирует внимание на способности решить поставленные задачи по модернизации регионов внутренними силами с опорой на собственные ресурсы и технологии. Однако в перспективе дополнительным фактором, способствующим достижимости целей социально-экономического развития КНДР, может стать расширение сотрудничества с дружественными странами. Жёсткий санкционный режим СБ ООН существенно осложняет условия для внешнеэкономических связей КНДР, однако Китай и Россия уже давно выступают за смягчение части ограничений по гуманитарным соображениям. Постепенно складывается подход, при котором содействие дружественному соседнему государству в улучшении условий жизни населения не попадает под действие санкций. В последнее время интерес российского бизнеса к потребительским товарам из КНДР стал повышаться [14]. Расширение производства товаров лёгкой промышленности в КНДР не только будет способствовать удовлетворению местного спроса, но может обладать и некоторым экспортным потенциалом, внося свой вклад в окупаемость новых фабрик. Учитывая высокую конкурентоспособность местной рабочей силы, можно было бы использовать механизмы совместного производства в КНДР с разделом продукции и её частичным экспортом. Кроме того, в начале 2025 г. между Россией и КНДР были достигнуты договоренности в области здравоохранения, предполагающие оказание содействия в модернизации корейской фармацевтики, включая выпуск современных антибиотиков. На двусторонних переговорах поднимаются вопросы создания в КНДР новых медицинских учреждений [16]. Учитывая задачу по строительству современных больниц в рамках второго уровня развития периферии, российский опыт и содействие могут внести вклад в реализацию региональной политики КНДР.

Заключение

Одним из главных направлений современного этапа развития КНДР провозглашается политика "Народные массы – превыше всего". Существенное улучшение условий жизни в провинциях, где проживает основная масса населения, необходимо для доказательства правильности избранного страной курса на реализацию своей модели социализма. В связи с этим в 2020-е гг. в КНДР ставятся задачи по увеличению государственных капиталовложений в развитие гражданских отраслей экономики по всей стране. Новая политика по развитию периферии начиналась как план по ежегодному строительству двадцати предприятий местной промышленности в разных районах государства, однако планируемые мероприятия быстро расширились до решения комплексных задач в области региональной экономики и социальной сферы. В 2025 г. в официальных СМИ уже звучат формулировки о периоде "ежегодного огромного преобразования 20 городов и уездов всей страны" [9], что отражает желание руководства выйти за пределы точечного отраслевого подхода в территориальном развитии страны. Путём строительства новых промышленных и социальных объектов государство предоставляет властям провинций своеобразный стартовый капитал для развития местных производств и сферы услуг. При этом за дальнейшую эксплуатацию создаваемых объектов должны будут отвечать местные партийные и административно-хозяйственные работники. Учитывая невысокие финансовые возможности региональных властей, в будущем можно ожидать привлечения рыночных механизмов для обеспечения функционирования предприятий, а также рассмотрения возможностей сотрудничества с дружественными иностранными государствами. Объединение программы развития периферии с элементами курса на создание "зон экономического развития" 2010-е гг. могло бы дать больший эффект для модернизации промышленных и социальных объектов провинций КНДР в долгосрочной перспективе.

Литература / References

1. В торжественной обстановке проходила церемония начала строительства крупнейшего тепличного хозяйства и научно-исследовательского центра овощеводства // ЦТАК. 11.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/21a728a18282e9a80961c7aec41dd164.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).

- Groundbreaking Ceremony of Largest-ever Greenhouse Farm and Vegetable Science Research Centre Held with Splendor // KCNA. 11.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/21a728a18282e9a80961c7aec41dd164.kcmsf> (accessed 12.04.2025) (In Russ.).
2. В торжественной обстановке состоялась церемония начала строительства Раквонского уездного хозяйства марикультуры // ЦТАК. 15.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/0fe1a4d114c2b3664a9c53363baaf4dc.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).
 - Groundbreaking Ceremony of Ragwon County Offshore Farm Held with Splendor // KCNA. 15.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/0fe1a4d114c2b3664a9c53363baaf4dc.kcmsf> (accessed 12.04.2025) (In Russ.).
 3. Внешняя торговля КНДР. 2015. № 3. С. 5.
Foreign trade of the DPRK. 2015. No. 3. P. 5. (In Russ.).
 4. Генеральный секретарь ТПК товарищ Ким Чен Ын произнес заключительную речь о VIII съезде партии // ЦТАК. 13.01.2021.
General Secretary of the WPK Comrade Kim Jong Un delivered the closing speech on the 8th Party Congress // KCNA. 13. 01. 2021. (In Russ.).
 5. Дёмина Я. В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75.
Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects under International Sanctions. Regionalistica [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. P. 64–75. <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.64> (In Russ.).
 6. Доклад о государственном бюджете, внесенный на рассмотрение XII сессии ВНС четырнадцатого созыва // ЦТАК. 24.01.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/b853deda3ab5308fc437966be7fe8a00.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).
On Fulfillment of State Budget of DPRK for 2024 and Its State Budget for 2025 // KCNA. 24.01.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/b853deda3ab5308fc437966be7fe8a00.kcmsf> (accessed 12. 04. 2025) (In Russ.).
 7. Захарова Л. В. Зоны экономического развития КНДР: экономико-географическое значение // Общественная география государств Корейского полуострова: сборник статей. Владивосток: ДВФУ, 2023. С. 166–183.
Zakharova L. V. Economic development zones of the DPRK: economic and geographical significance // Social geography of the states of the Korean Peninsula: collection of articles. Vladivostok: FEFU, 2023. P. 166–183. (In Russ.).
 8. Козлов Л. Е. Территориальное развитие и региональная политика КНДР // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 40–43.
Kozlov L. E. Territorial development and regional policy of the DPRK // Azimuth of scientific research: economics and management. 2021. Vol. 10. No. 1 (34). P. 40–43. (In Russ.).
 9. Началась трудовая вахта 2025 года за грандиозное строительство для неперемного осуществления политики развития периферии в новую эпоху. В торжественной обстановке состоялась церемония начала строительства Кандонской уездной больницы и комплекса культурно-бытовых услуг в рамках осуществления "политики 20×10 развития периферии" // ЦТАК. 07.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/51bf0c9e3c529cd8097bd76cd4583854.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).
Grand Construction Struggle in 2025 Launched to Implement Regional Development Policy in New Era. Groundbreaking Ceremony of Hospital and Leisure Complex in Kangdong County for Regional Development 20×10 Policy Held with Splendour // KCNA. 07.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/51bf0c9e3c529cd8097bd76cd4583854.kcmsf> (accessed 12. 04. 2025) (In Russ.).
 10. Непостоянный центральный комитет по содействию развитию периферии 20×10 незамедлительно и приоритетно снабжает материалами для строительства предприятий местной промышленности // ЦТАК. 22.03.2024. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/b9d5b621ca152063e6dc40ae5b38b279.kcmsf> (дата обращения: 12. 04. 2025).
Building Materials for Regional-industry Factories Promptly Supplied in DPRK // KCNA. 22.03.2024. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/b9d5b621ca152063e6dc40ae5b38b279.kcmsf> (accessed 12. 04. 2025) (In Russ.).
 11. "Политика 20×10 развития периферии" для вековых перемен // Кымсугансан. 2024. №4. С. 12–13.
"20x10 Periphery Development Policy" for Century-Long Changes // Kumsugangsan. 2024. No. 4. P. 1–13. (In Russ.).
 12. Полный перемен 2024 год // Кымсугансан. 2025. №1. С. 24–29.
Full of changes 2024 // Kumsugangsan. 2025. No. 1. P. 24–29. (In Russ.).
 13. Самоотверженные усилия для создания практического опыта в развитии местной промышленности // ЦТАК. 10.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/9ca344ad21704718733d0aa01b03a4f4.kcmsf> (дата обращения: 12. 04. 2025).
Respected Comrade Kim Jong Un's Efforts for Development of Regional Industry // KCNA. 10.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/9ca344ad21704718733d0aa01b03a4f4.kcmsf> (accessed 12. 04. 2025) (In Russ.).

14. Севастьянов С. В., Кукла М. П. Состояние и перспективы развития сотрудничества РФ и КНДР в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах с началом специальной военной операции // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 151–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/151-162>
Sevastianov S. V., Kukla M. P. State and prospects for the development of cooperation between Russia and DPRK in the military-political, economic and humanitarian spheres since the start of the special military operation // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 151–162. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/151-162> (In Russ.).
15. Сообщение о XIX расширенном заседании Политбюро ЦК ТПК восьмого созыва // ЦТАК. 25.01.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/50c9c4ddf18a7eb0e63b75f2fac1359a.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).
Report on the 19th Enlarged Meeting of Political Bureau of 8th C.C., WPK // KCNA. 25.01.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/50c9c4ddf18a7eb0e63b75f2fac1359a.kcmsf> (accessed 12.04.2025) (In Russ.).
16. Сотрудничество в интересах людей // Официальный телеграмм-канал Посольства России в КНДР. URL: <https://t.me/RusEmbDPRK/3919> (дата обращения: 12.04.2025).
Cooperation in the interests of people // Official telegram channel of the Russian Embassy in the DPRK. URL: <https://t.me/RusEmbDPRK/3919> (accessed 12.04.2025) (In Russ.).
17. Уважаемый товарищ Ким Чен Ын произнес речь на церемонии начала построения предприятий местной промышленности в уезде Сончхон // ЦТАК. 29.02.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/b8b09585856917fb8519f29d9f7cc383.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024).
Respected Comrade Kim Jong Un Makes Speech at Ground breaking Ceremony for Regional-industry Factories in Songchon County // KCNA. 29.02.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/b8b09585856917fb8519f29d9f7cc383.kcmsf> (accessed 09.08.2024) (In Russ.).
18. ЦТАК опубликовало сообщение об успешном выполнении задачи первого года в рамках претворения в жизнь "политики 20×10 развития периферии" ЦК партии // ЦТАК. 13.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/d22ce9aeff4c733fbad26a9ca68a8f7.kcmsf> (дата обращения: 12.04.2025).
KCNA Report on Successfully Completing First Year's Task for Implementing Regional Development 20×10 Policy Set Forth by WPK Central Committee // KCNA. 13.02.2025. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/d22ce9aeff4c733fbad26a9ca68a8f7.kcmsf> (accessed 12.04.2025) (In Russ.).
19. Эм П. П. Пространственное развитие урбанизации на Корейском полуострове: сравнение Юга и Севера. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 204 с.
Em P. P. Spatial development of urbanization on the Korean Peninsula: comparison of the South and the North. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern Federal University, 2018. 204 p. (In Russ.).
20. Em P. P., Ward P., Prokopljec J., Zakharova L. V. and Sigley A. City Profile of Pyongyang 3.0: Inside Out // North Korean Review. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 30–56. <https://doi.org/10.2307/NKR.17.1.30>
21. General Overview of the DPRK Economy. DPRK: Korea Publications Export and Import Corporation, 2017. 269 p.
22. Government of the Democratic People's Republic of Korea. Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda. 2021. 63 p. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (accessed 13.04.2025).
23. 올해 인민생활상향에서전환을 가져오기 위한 과업 = Задачи по привнесению перемен в повышение уровня жизни народа в этом году // 경제연구 = Кёнчже Ёнгу. 2018. No. 4. P. 10.
Tasks to bring about changes in improving the living standards of the people this year // Kyong-che Yon-ku. 2018. No. 4. P. 10. (In Kor.).

Информация об авторе

Людмила Владимировна Захарова, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: zakharova@iccaras.ru

Information about the author

Lyudmila V. Zakharova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: zakharova@ifes-ras.ru

Поступила в редакцию 19.04.2025

Одобрена после рецензирования 11.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 19.04.2025

Approved 11.05.2025

Accepted 26.05.2025

Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея

Фёдор Михайлович Чернецкий

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, fedor.mche@gmail.com

Аннотация. Районирование – традиционное направление и "визитная карточка" российской географии. Однако политико-географическое районирование существенно уступает в разработанности социально-географическому, экономическому, экологическому и рекреационному. В статье предложена методика районирования, разработанная в ходе анализа электорального пространства Республики Корея. Южнокорейская электоральная география – один из самых подходящих "полигонов" для подобных исследований из-за высокой роли регионального фактора. Представлена сетка макро- и мезорайонов – верхних и наиболее значимых "этажей" электорального районирования страны. Особое внимание уделено связям между регионализмом и районированием.
Ключевые слова: электоральная география, электоральные районы, районирование, Республика Корея, регионализм

Работа выполнена в рамках темы государственного задания "Теория и практика эволюционного страноведения в условиях глобальных вызовов" (№ ЦИТИС 121051400060-2).

Для цитирования: Чернецкий Ф. М. Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 31–44.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

South Korean electoral macro- and mesoregions

Fedor M. Chernetskii

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, fedor.mche@gmail.com

Abstract. Regionalization is a traditional method and "landmark" of Russian geography. However, political regionalization is not as common as socio-geographical, economic, and ecological. This article proposes a new methodology based on the analysis of South Korea electoral landscape. South Korean electoral geography is a good example can be used for this type of research, as the regional factor plays a significant role there. A grid of macro- and meso-regions is presented. The article also emphasizes the connections between regionalism and regionalization.
Key words: electoral geography, electoral regions, regionalization, Republic of Korea, regionalism

The research was carried out within the framework of the state assignment project "Theory and Practice of Evolutionary Country Studies under Global Challenges" (Project No. CITIS 121051400060-2).

For citation: Chernetskii F. M. South Korean electoral macro- and mesoregions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 31–44. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

Электоральная география Республики Корея (далее РК) выделяется своеобразием на фоне стран Европы и Америки, в которых пространственные закономерности на выборах изучаются дольше и подробнее. Ключевых особенностей две. Первая – нетипичная партийная система, основанная не на привычных для сравниваемых контекстов идеологических основаниях, а на расхождениях во внешней политике и отношении к национальной истории с сильной персонификацией и волатильностью. Вторая – политический регионализм, сформированный существовавшими ранее межрегиональным экономическим неравенством, региональными дискриминацией и фаворитизмом, а не обособлением регионов в силу специфики их этноконфессиональной структуры или исторического контекста.

В корееведческих исследованиях крайне мало географических, тем более политико-географических работ. Относительно подробному анализу был подвергнут лишь регионализм, однако разнообразие подходов к исследованию данного феномена невелико. Исследования в основном затрагивали вопросы генезиса регионализма, анализировались разные факторы его формирования (исторический, экономический, социально-психологический) [12; 14; 24], особое внимание уделялось влиянию отдельных политиков [16; 22] и межрегионального неравенства в ходе модернизации [16; 19] на политическое региональное противостояние; количественным метрикам регионализма и его динамике (снижению выраженности) [15; 18]; различиям в сущности регионалистских движений в разных регионах [22; 25]; соотношению влияния на географию результатов выборов регионализма и прочих факторов [17; 18].

При этом анализ в большинстве случаев ограничивался уровнем провинций и регионов без детального рассмотрения более дробных уровней агрегации данных, а внимание уделялось в основном лишь двум-трём наиболее "очевидным" политическим регионам [16].

В данной статье предлагается нестандартный для корееведческих, но привычный для географических исследований подход – упорядочивание знаний о территориальной электоральной структуре с помощью районного подхода, т. е. через сетку электоральных районов разных уровней.

Южнокорейский контекст

Электоральная география Республики Корея определяется двумя основными факторами – регионализмом и поколенческим расколом. На выборах доминирует два крупных политических лагеря: условно "консервативный" и условно "либеральный". Условность названий вызвана несоответствием понимания данных терминов в корейском и европейском / американском контекстах. Основные партии различаются не столько взглядами на экономику и социальные вопросы, сколько на внешнюю политику и историю. Расхождения по социально-экономическим вопросам присутствуют, хотя их значение не столь велико [23, p. 261–262].

Партии весьма нестабильны, нередко меняют названия, разделяются, исчезают и объединяются. В данной статье для избежания путаницы используются названия политических лагерей. Кроме двух основных партий, существует ряд "миноритарных", отделяющихся от основных или образующихся "на краях" политического спектра. Их успех редок и недолог, кроме более стабильных крайне левых партий – небольшой и "маргинальной" части политического спектра [2, с. 85].

Регионализм, выражающийся в существовании стабильных баз поддержки двух основных политических лагерей в южных регионах страны – главная особенность южнокорейской политики. Либералы опираются на поддержку региона Чолла (юго-запад), консерваторы – региона Кёнсан (юго-восток). Такая территориальная структура сформировалась в 1960–1980-х гг. как следствие неравномерности экономического развития страны и региональной дискриминации [2, с. 85–87]. Политические лидеры активно апеллировали к региональным чувствам и интересам избирателей либо для поддержки сохранения доминирующего положения региона (в Кёнсане), либо для борьбы с несправедливостью региональной дискриминации (в Чолла) [9, с. 71–73], поэтому "регионы в корейской политике следует рассматривать не как пассивные субъекты политического процесса, а как форму представительства и самовыражения в ходе электорального процесса" [16, p. 102].

Второй ключевой фактор дифференциации электорального пространства РК – поколенческий раскол. Представители "поколения 6–25" / "поколения индустриализации", родившиеся до 1960-х гг. и заставшие колониальный период, Корейскую войну, и / или послевоенную нищету, голосуют за консерваторов как в некоторой степени наследников правящих партий времён индустриализации и правления военных (1961–1993 гг.). Представители следующего поколения – "поколения 586" – поддерживают либералов, следующих оппозиционным движениям тех лет. Они родились в 1960–1970-х гг., социализировались политически в студенческих и продемократических движениях 1980–1990-х гг. и к нынешнему моменту достигли возраста 50 лет. Младшее поколение, ставшее частью электората в 2000–2020 гг., не имеет стабильных электоральных предпочтений и колеблется между поддержкой либералов и консерваторов [13, p. 139–143].

Старшее поколение избирателей преобладает в периферийных областях страны (сельская и мелкогородская местность), а также в некоторых старых городских ядрах. Пожилой электорат крайне активен на выборах, в отличие от избирателей младших возрастов, поэтому его доля в активном электорате существенно выше его доли в населении. Доля представителей "поколения 586" выше в многоэтажных пригородах, а молодого электората – в области между старыми ядрами и пригородами, а также в местах локализации университетских кампусов (студенты) и военных баз ("призывники"). В итоге на выборах формируется центр-периферийный раскол с инверсией в центрах: консервативные городские центры, либеральные пригороды, консервативная

периферия и колеблющиеся переходные зоны между ними. В южнокорейской электоральной географии и политике этот раскол называется "йочхон-ядо" ("요촌야도") – "город-село" [10, p. 142].

Материалы и методы

Источник данных о выборах в Республике Корея – Национальная избирательная комиссия РК (NEC) [20]. Данные анализировались на максимально дробном территориальном уровне, однако для нужд данной статьи такая дробность оказалось излишней, так как полученная сетка электоральных районов "верхних уровней" не нарушает целостности муниципалитетов. Исследовались все выборы, произошедшие за рассматриваемый период (1948–2024 гг.), включая региональные и местные. Не все они пригодны для анализа либо из-за отсутствия на некоторых из них института политических партий, что затрудняет анализ и сравнения, либо из-за изъянов, характерных для ряда первых выборов, искажающих их результаты: распространённость использования властями административного ресурса, подкупа и запугивания избирателей и кандидатов, прямых фальсификаций.

Большинство работ, исследующих географию голосований, выполнено в рамках т. н. экологического / композиционного подхода, предполагающего соотношение социально-экономической структуры общества с географией поддержки участников выборов. То есть определяется зависимость результатов выборов от набора простых социально-экономических показателей (половозрастная структура, уровни доходов, образования, безработицы и др.). Южнокорейский регионализм усложняет возможность использования данного подхода, так как влияние основных факторов в региональном отношении гетерогенно.

Иногда проводится классификация или типология ячеек территориального деления исследуемой страны по отношению влияния политических партий и их кандидатов на выборах за определенный период. Периодически они даже представляются как районирование, однако районирование предполагает несколько иной набор операций, а результат районирования скорее качественный, а не количественный. В данном исследовании применяется именно районный подход, для РК ещё не использовавшийся и, по мнению автора, применимый лучше, чем любой иной в силу значимости для электоральной географии страны политического регионализма.

Районирование как метод электорально-географических исследований

Районирование – "визитная карточка" российской географии и уже традиционный метод, используемый, хоть и редко, в электоральной географии. Создание сетки районов зачастую ставится как одна из основных целей, воспринимаемая как "венец исследования", "наиболее высокий уровень обобщения политико-географического материала" и "важнейший результат электорально-географического исследования". При этом понимание сущности районов у авторов заметно различается [8, с. 168].

Введение понятия "политико-географический район" (ПГР) принадлежит В. А. Колосову: "сложная пространственная социально-экономическая система, характеризующаяся устойчивыми сочетаниями (типом соотношения) политических сил и обуславливающих его комплексом признаков" [5, с. 11]. К признакам ПГР относятся: одинаковая реакция на политические изменения, однотипность социально-экономической базы и этнонационального состава населения, историческая общность, соотношения политических сил. При этом в исследовании Колосова районы выделялись преимущественно по количественным характеристикам – уровням поддержки трёх "партийных семей" [5, с. 215].

Позже в диссертации К. Э. Аксёнова, посвящённой политической географии США, было определено понятие электоральный район (ЭР) – "пространственная социально-политическая система, характеризующаяся однородностью поведения избирателей на выборах внутри составляющих её территориальных единиц и существенно отличающаяся от соседей" [1, с. 118]. По сути, оно было уточнением определения ПГР по Колосову для отдельной отрасли политической географии, хоть и с некоторыми отличиями. Ключевое

из них заключалось в восприятии "места" уже не как контейнера для наблюдаемых политических процессов, а как фактора этих процессов [8, с. 174].

Впоследствии Н. В. Петровым¹ и А. С. Титковым было выполнено несколько вариантов электорального районирования РФ. Однако в их работах районирование уже не воспринималось как "венец электорально-географического исследования", а более значимое положение занял "электоральный ландшафт" – "целостная, воспроизводящаяся от голосования к голосованию система закономерных связей между собой во времени и пространстве элементов электорального поведения социумов, а также факторов, их определяющих" [6, с. 18]. Предлагалось воспринимать электоральное пространство не через призму отдельных районов, а континуально, как непрерывное поле, визуализируемое с помощью градиентов и изолиний ("изоэлект"). Районы же – макроструктурные элементы (плиты) электорального ландшафта, получаемые путём кластеризации ячеек по сходству электоральных предпочтений.

Этот подход хорошо применим при анализе российских выборов, характеризующихся скорее градиентными расколами между северными и южными регионами, городами и сельской местностью, а не обособлением отдельных регионов / районов. Однако в других странах, в т. ч. в РК, такой метод может оказаться неэффективным из-за свойственной им чёткой дискретной сегментации электорального пространства [8, с. 178].

В последние 20 лет по разным причинам произошло постепенное вымораживание районирования как метода электоральных исследований. Зачастую районирование свелось к "эрац-районированию" – определению электоральных районов как мест со стабильно повышенной или пониженной поддержкой той или иной группы политических сил и типологиям регионов по электоральным характеристикам, что принципиально отличается от первоначальной сути электорального районирования. В этих исследованиях пространство – пассивноеместилище политических процессов, а не активный и иногда важнейший фактор этих процессов [8, с. 182].

Результаты

Схема районирования. В настоящей статье предлагается оригинальная схема районирования электорального пространства страны и рассматриваются верхние (иерархически) уровни сетки электорального районирования РК. Всего было выделено пять уровней районов: макро- и мезорайоны, районы, под- и микрорайоны. Районы разных уровней различаются не столько размерами, сколько сущностью и принципом выявления (*рис. 1*).

Однородность обширной территории по какому-либо количественному признаку – редкое явление. Поэтому обособление крупных территориальных отдельных районов – следствие более комплексных причин. Например, Д. Элазар обобщал политическое разнообразие в США посредством выделения трёх политических культур (моралистской, индивидуалистской и традиционалистской) [11, р. 105–107], создающих фундамент² для качественных различий на выборах, которые, на первый взгляд, могут быть не видны из-за явных внутренних количественных различий.

Количественные предикторы электоральных предпочтений избирателей гораздо важнее при формировании территориальных структур на среднем масштабном уровне. Например, именно они становятся генезисом центр-периферийных расколов в большинстве стран. Этими предикторами могут выступать "простые" количественные характеристики электората. Так, в случае Кореи – возрастная структура избирателей. Подобные признаки не могут обеспечивать однородность больших территорий, например провинций и регионов.

Электоральные макрорайоны различаются качественными характеристиками региональных политических культур (РПК) – "специфических политических субкультур, отражающих региональные особенности в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия" [3, с. 139]. Неформальные общественные институты – то,

¹ Внесён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

² Элазар называл их "политической геологией" страны.

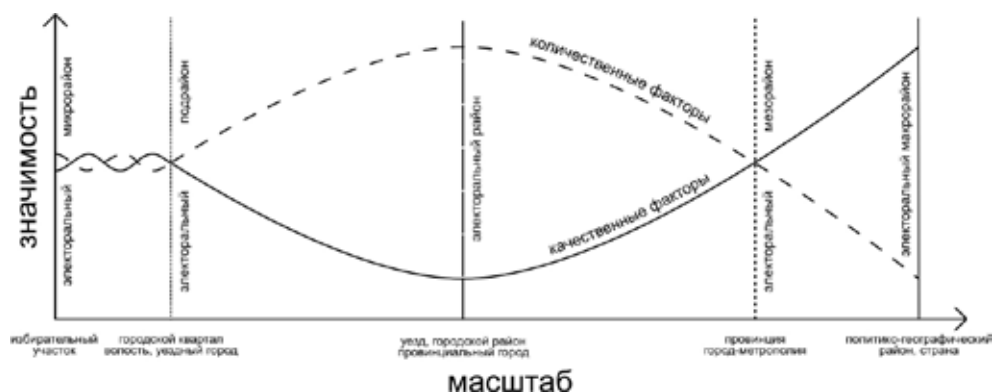

Рис. 1. Уровни электорального районирования

Fig. 1. Levels of electoral regionalization

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

как "устроена политическая жизнь", как проявляются идентичность и самосознание избирателей, в них принципиально различны. Место выступает не в роли пассивного вместилища пространственной неоднородности электоральных процессов, а как один из ключевых факторов этих процессов. Это районы в узком смысле слова – части территории, обладающие внутренней связностью компонентов, единством и целостностью [7, с. 200]. Количественные различия не столь важны, поэтому внутри одного макрорайона могут сочетаться территории с полярными количественными характеристиками, но общей региональной политической культурой.

Их антипод – **электоральные районы**, различающиеся количественно. Отнесение таких районов к отдельному уровню районирования, во-первых, позволяет не смешивать несколько принципов выявления районов. Во-вторых, соответствует доминирующему в дисциплине принципу – определению районов как областей со стабильными и специфичными (количественно) электоральными предпочтениями избирателей. Это районы, в широком смысле слова, – части территории, отличающиеся каким-либо свойством [7, с. 200]. В электорально-географических исследованиях доминирует подход, в рамках которого любой электоральный район – просто область / зона / ареал с относительно высокими или низкими уровнями поддержки основных политических сил. Прием такой подход для среднего уровня районирования. Полученные электоральные районы будут различаться почти только тем, какие доли электората в них склоняются к поддержке основных партий и кандидатов. Заметим, что наделение электоральных районов (среднего уровня) только количественными свойствами существенно снижает их своеобразие, однако рассматривать их вне контекста полной полимасштабной системы районов бессмысленно.

Промежуточный уровень – **электоральные мезорайоны**. Это необязательный, то есть покрывающий не всю территорию страны элемент, необходимый для сглаживания перехода от верхних "этажей" к средним и нижним. Необходимость эта вызвана уже описанной возможностью нахождения в одном макрорайоне территорий с диаметрально противоположными электоральными ориентациями на разные политические силы, но с общей политической культурой. Общность способа взаимодействия с политикой у электората не гарантирует его гомогенности в политических реакциях.

Средний и нижние уровни электорального районирования в данной статье не рассматриваются, поэтому лишь кратко охарактеризуем принципы их выделения. **Электоральные подрайоны** невелики по размерам, выделяются и качественно, и количественно. Генезис **электоральных микрорайонов** вариативнее. Они могут выделяться по любому сочетанию количественных и качественных факторов, например, из-за концентрации специфической группы избирателей, имеющей в конкретном локальном контексте специфические

электоральные предпочтения; или инаковостью способа восприятия политической жизни, способа её оценки и способа реакции на выборах.

Не будет большим упрощением использовать следующий принцип: к электоральным под- и микрорайонам можно отнести любые аномалии, получающие данный статус из-за отклонения электоральных предпочтений избирателей в какой-либо области от доминирующих в соответствующем электоральном районе (среднего уровня) и которые невозможно объяснить с помощью классического для дисциплины "экологического подхода" с небольшим количеством независимых переменных, имеющих высокую объяснительную силу для большинства электоральных районов. Подрайоны крупнее и иногда сравнимы с районами размерами, отличаясь от них качественным своеобразием. Микрорайоны существенно меньше, но генетически вариативнее – это любые мелкие электоральные аномалии.

Макрорайоны: Юг и Север. Упорядочив данные о результатах выборов в РК за исследуемый период в соответствии с описанной схемой, получим сетку районов разных уровней. Электоральные макрорайоны, близкие сущностно к понятию политико-географических регионов / стран, сложились как следствие дихотомии между северными и южными регионами РК – следствию воздействия регионализма на электоральную географию. Регионализму подвержены только южные регионы Чолла (Хонам), Кёнсан (Йоннам) и в меньшей степени Чхунчхон (Хосо) (рис. 2), тогда как в северной части страны региональный фактор практически отсутствует, а электоральные расколы подчинены центр-периферийной модели – следствие поколенческого раскола на выборах. К этому макрорайону относятся Столичный регион, Канвондо, в некоторые периоды Чхунчхон и остров Чеджудо, географически относящийся к южной части страны, но электорально близкий к северной.

Важно, что Северный и Южный макрорайоны различаются не тем, что они обычно служат электоральными базами каких-либо партий, как в большинстве схем электоральных районирований других стран. Различия между ними носят более сущностный характер. Сама политика на Юге и на Севере воспринимается не одинаково, в этих макрорайонах сформировались разные политические культуры, различающиеся способом восприятия политической деятельности избирателями, функционированием электоральных расколов, восприятием нормы в политике, способом организации электората и политических акторов на выборах, посредством партий разных типов (регионалистских, идеологических, партий-спутников), оценкой и реакцией на политические события.

Например, на границе макрорайонов, совпадающей с границей провинций Северная Чхунчхон, и Северная Кёнсан (север Йоннама) разница между соседними горными сельскими областями, находящимися в разных макрорайонах (например, юг уезда Тамян в Чхунчхоне и север уезда Йечхон или Йонджу), в поддержке основных политических сил крайне мала, однако мы относим их к разным макрорайонам. Причина – разница в генезисе результирующих показателей: к югу от границы повышенную поддержку консерваторов обеспечивает регионализм; к северу – высокая доля пожилых избирателей в структуре электората. Данные факторы первичны, тогда как величины конкретных электоральных показателей – лишь их производные. Однако при количественном подходе эти области были бы отнесены к одному району, ибо граница не видна. В нашей схеме подобная количественная, а не "генетическая" схожесть будет причиной для объединения в один район только на среднем "этаже" районирования.

Для начала рассмотрим четыре стадии электорального районообразования в Корее более последовательно: стадию отсутствия районов (дорайонная); районообразования; закрепления (апогея); и "эрозии" (ослабления) районов.

1. Дорайонная стадия (1948–1963 гг.). На первых выборах в РК 1940–1960-х гг. не фиксировалось больших однородных и самобытных электоральных районов. Вместо них электоральное пространство группировалось в "электоральные местности" – небольшие области с гомогенными электоральными предпочтениями избирателей, изменчивые, аморфные и не обладающие сильными внутренними связями. Электоральный рисунок на этих выборах был мозаичен и никаких современных территориальных структур не наблюдалось, кроме слабой дифференциации по линии центр – периферия.

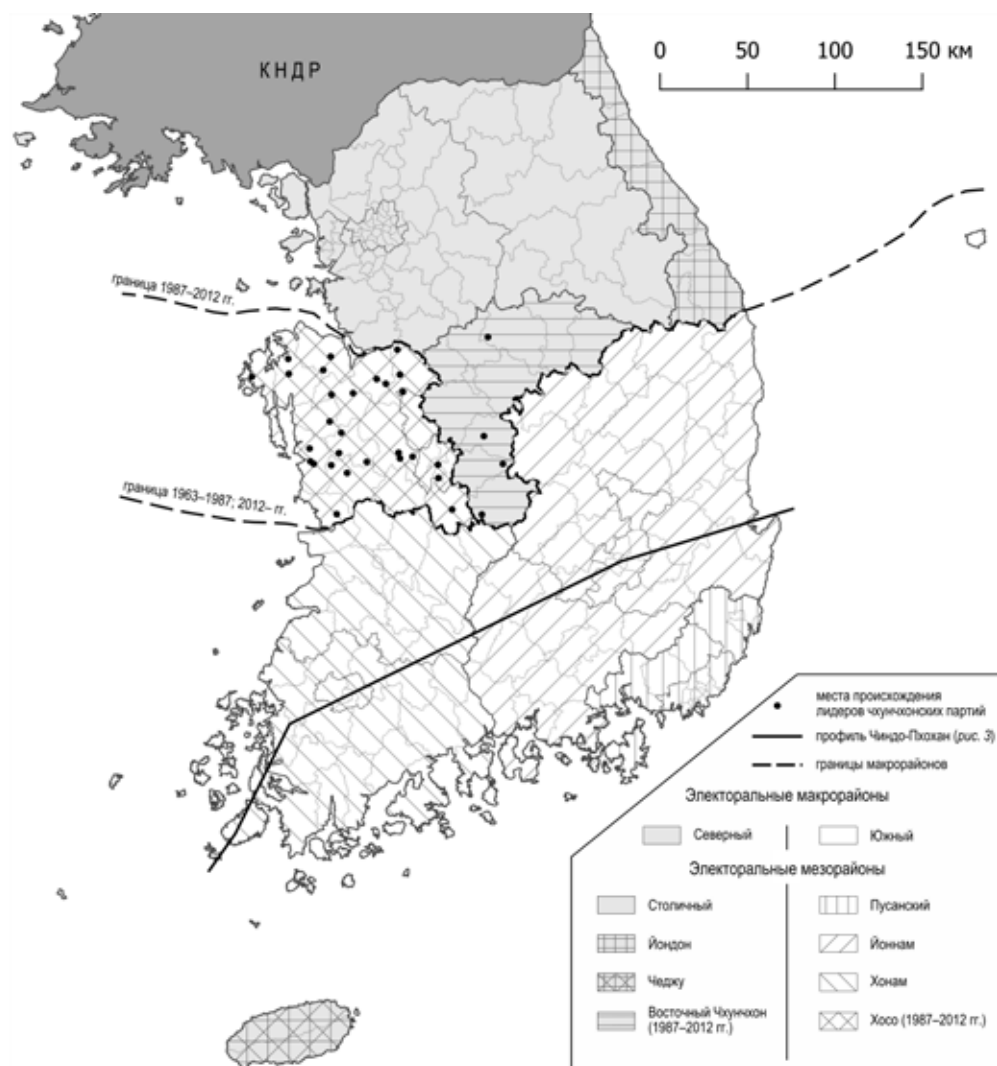

Рис. 2. Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея

Fig. 2. South Korean electoral macro- and mesoregions

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Примеры развития территориальных структур на выборах в других странах показали, что для формирования устойчивых территориальных блоков, отличных от соседних и обладающих внутренней связностью, гомогенностью и сонаправленностью развития, требуется время. В некоторых странах, где активная политическая жизнь в похожем на современный виде появилась до института относительно всеобщих выборов, такие структуры (районы) могут формироваться быстро. В других случаях институт выборов приобретался одновременно с основными государственными институтами. Представление о политике в обществе ещё не сформировалось, но голосования уже проводятся. В таких случаях на выборах редко быстро формируются крупные однородные отдельные, охватывающие целые регионы. Карта результатов выборов мозаична, политика ещё не национализирована, поэтому распространён локализм, а чёткие электоральные расколы ещё не закрепились в партийной системе. Так, например, выглядит электоральная география современных Папуа – Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Вануату.

Так в некоторой степени можно охарактеризовать территориальные электоральные структуры многих европейских и азиатских стран на ряде первых выборов. Устойчивых электоральных районов ещё нет, а однородность электоральных предпочтений свойственна скорее небольшим местностям [21, р. 65]. Например, в Индонезии на первых после окончания диктатуры Сухарто выборах сформировался "хаотичный фрагментарный" и очень дробный рисунок, как и в "России 1993 г., когда избиратели регионов ещё не определились в своих предпочтениях" [4, с. 143]. Однако такая фрагментарность территориальных электоральных структур не существует долго.

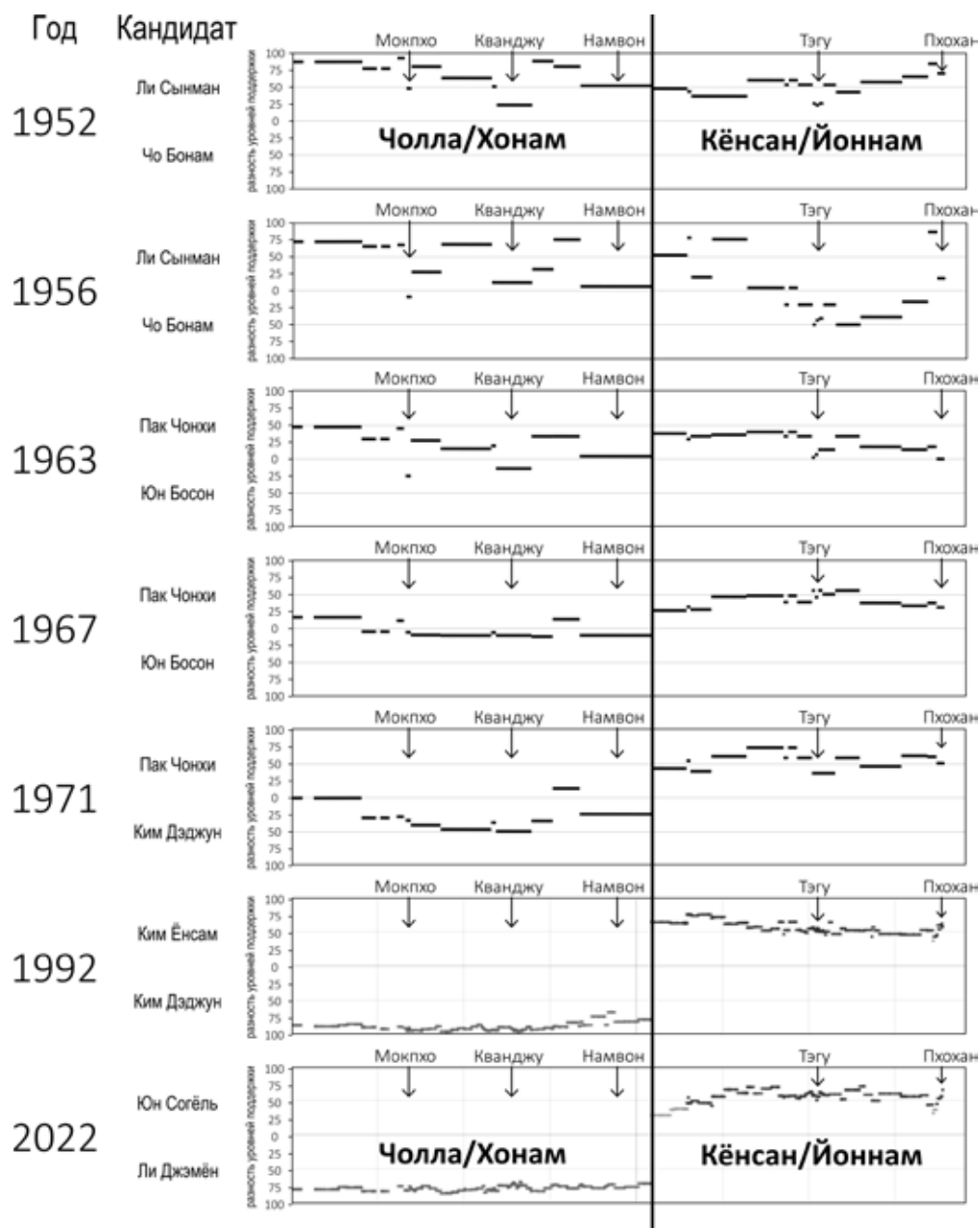
Электоральный район – продукт современного "массового общества", проходящего процессы индустриализации, урбанизации и национализации политики и многих других сфер жизни, информационных потоков, языка / диалектов, неформальных институтов и др. Политика приобретает относительно современный вид, формируются устойчивые политические интересы территориальных общностей людей, снижается волатильность на выборах, а основные политические силы укореняются в своих электоральных базах в разных социально-демографических группах и территориях.

2. Стадия районообразования (1963–1987 гг.). Районообразование на выборах в РК началось в 1960-х гг. после военного переворота Пак Чонхи, новых выборов (1963 г.), начала индустриализации, урбанизации, переформатирования партийной системы и вообще появления политических партий в современном виде. Стремительное экономическое развитие страны было поляризованным. Ставка делалась на несколько "полюсов роста" с лучшими конкурентными преимуществами: Столичный регион и юго-восток (регион Кёнсан). Именно из Кёнсана происходил Пак Чонхи и большая часть политической, военной и бизнес-элит, оформившихся при Паке. Отчасти поэтому регион получил непропорционально большую государственную поддержку и внимание со стороны властей [9, с. 72]. При этом юго-запад (регион Чолла) был обделён вниманием при разработке экономической политики. Даже активные попытки местных предпринимателей, политических, профсоюзных и религиозных деятелей добиться реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов почти не имели успеха. Такой подход со стороны национальных властей спровоцировал формирование у местных политиков и части избирателей ощущения исключённости из процесса модернизации.

Южнокорейский случай примечателен тем, что формирование районов можно наблюдать на электоральных картах по стадиям. Для демонстрации формирования районов результаты серии выборов показаны на профиле (рис. 3), положение которого на карте показано на рисунке 2. На каждом профиле горизонтальными линиями показаны административные единицы II-го или III-го уровней. Положение этих территориальных единиц по вертикали определяется разностью поддержки в них консервативных и либеральных кандидатов на президентских выборах.

Значимых межрегиональных различий на выборах 1952–1963 гг. не было. Пониженная поддержка консерваторов Ли Сынмана и Пак Чонхи фиксируется в крупных и средних городах обоих регионов, а внутрирегиональные различия больше межрегиональных. В 1967 г. картина меняется: в Кёнсане крупнейший город демонстрирует повышенный уровень поддержки Пак Чонхи, а периферия региона оказывает ему меньшую поддержку. В Чолла он уступает оппоненту, но чёткой внутрирегиональной структуры ещё нет. В 1971 г. межрегиональные различия увеличиваются, но в Чолла периферийные области ещё не полностью охвачены общим для мезорайона типом электорального поведения. На графиках чётко видны места локализации "районных синдромов" (ядер районов) – крупнейшие города: Тэгу – родина Пак Чонхи и место, где избиратели первыми приняли стратегию поддержки на выборах земляков; и Кванджу – столица и политический центр Чолла / Хонама, в котором кристаллизуется региональная оппозиция. Похожие, но менее выраженные процессы заметны и на парламентских выборах.

Между 1963 и 1967 гг. произошло переформатирование электорально-го рисунка страны из неустойчивого и мозаичного со слабым центр-периферийным расколом в чёткий регионализированный с явным делением на Север, не подверженный регионализму, и Юг, где избиратели руководствовались преимущественно регионалистским принципом. Именно во второй половине

Примечание: Вертикальная ось – разность между % голосов, отданных за кандидата-консерватора, и % голосов за кандидата-либерала. Чем выше разность, тем больше преимущество консерваторов, чем ниже, тем больше преимущество либералов.

Рис. 3. Разница в поддержке консерваторов и либералов на президентских выборах 1952–2022 гг. вдоль профиля Чиндо – Пхохан

Fig. 3. The difference in support for conservatives and liberals in the presidential elections of 1952–2022 along the Jindo – Pohang profile

Источник: составлено автором по данным NEC [20].

Source: compiled by the author according to NEC [20].

1960-х гг. формируются Южный и Северный электоральные макрорайоны с разными политическими культурами. Причём основной количественный раскол между электоральными базами основных политических сил (Хонамский и Йоннамский мезорайоны³) сформировался тогда же и находился в пределах одного (Южного) макрорайона.

В 1980–1990-х гг. мезорайоны формируются окончательно, вследствие чего на профиле видны две монолитные "плиты" районов (рис. 3). Разница в поддержке кандидатов в этих регионах достигает 60–75 процентных пунктов.

3. Стадия закрепления районов (1987–2002 гг.). Апогея регионализм достиг на первых относительно свободных президентских выборах в 1987 г., на которых четверо основных кандидатов получили подавляющее большинство голосов в своих родных регионах: Чолла, Северном Кёнсане, Южном Кёнсане и Чхунчхоне. Регионы "стали связующим звеном, через которое гражданское общество реагировало на политический процесс" [16, p. 104].

Регионализм в Чхунчхоне был попыткой имитировать регионализм в Чолла и Кёнсане и никак не проявлялся до 1987 г. В этих двух южных регионах региональный сентимент активировался и поддерживался в виде "слепой" поддержки местных представителей из-за региональной дискриминации или фаворитизма. Однако политики в Чхунчхоне не могли опереться на электорат, недовольный региональным неравенством, так как регион не отставал в экономическом развитии от среднего уровня, а местные представители не были исключены из политической элиты. Кандидат, получивший в 1987 г. большинство голосов избирателей в Чхунчхоне, – Ким Джонпхиль был членом семьи и соратником Пак Чонхи. В 1987 г., когда оппозиция оказалась расколота по региональному принципу, Ким увидел возможность для консолидации электората его региона вокруг идеи отстаивания местных интересов, как в Чолла и Кёнсане. Далее он продолжил эту линию на парламентских выборах, и до 2000-х гг. его партия побеждала в большинстве избирательных округов региона [25, p. 47]. Однако в Чхунчхоне, где отсутствовали сильные факторы, подпитывавшие регионалистские настроения, как это происходило в других регионах, регионализм оказался слабее. Местная партия с трудом удерживала региональное лидерство, в итоге уступив конкурентам [25, p. 59].

То есть с 1987 г. по начало 2010-х гг. Чхунчхон относился к Южному макрорайону, будучи одним из его мезорайонов. До этого весь регион относился к Северному макрорайону, не выделяясь на фоне других его частей. В последние 10 лет он вновь стал такой же частью Северного макрорайона. В 1987–2012 гг. мезорайон Хосо⁴ имел те же свойства, что и южные, однако определение границ района проблематичнее. Границы Хонамского и Йоннамского мезорайонов чётко совпадают с административными границами соответствующих провинций – именно в этих пределах избиратели чувствуют принадлежность к региональной общности, сформировались идентичность, стереотипы, система региональной неприязни и дискриминации. Однако в Хосо ситуация сложнее.

С одной стороны, к мезорайону можно отнести весь регион, т. к. во всех его частях избиратели в той или иной степени были подвержены регионалистским настроениям. С другой стороны, успеха чхунчхонские регионалисты достигали только в западной части региона, да и большинство из них происходило именно с запада региона (рис. 2)⁵, из-за чего избиратели на востоке региона не воспринимали их как "своих" [25, p. 61]. В итоге можем определить мезорайон Хосо как провинцию Южная Чхунчхон, Седжон и Тэджон, а

³ Топонимы Чолла и Кёнсан обычно используются для обозначения провинций внутри соответствующих регионов. Для обозначения самих регионов раньше чаще использовались названия Хонам и Йоннам соответственно. Однако всё чаще названия провинция стали использоваться для обозначения регионов целиком. В данной работе для мезорайонов используются старые названия, чтобы не путать их с провинциями.

⁴ Другое название региона Чхунчхон.

⁵ На рисунке 2 показаны только лидеры чхунчхонских партий, родившиеся в Чхунчхоне. Ещё несколько происходят из других регионов (в основном из Кёнсана), однако их влияние не важно для внутрирегиональной дифференциации электорального пространства. Чтобы не перегружать рисунок, места их происхождения на карте не показаны.

соседствующие с ними области провинции Северная Чхунчхон как широкую градиентную границу с Северным макрорайоном, включающим в себя остальную часть провинции в виде отдельного мезорайона.

В рассматриваемый период (1987–2002 гг.) макро- и мезорайоны обрели свою форму и закрепились как наиболее значимые территориальные сущности на выборах. Регионы, которым политики и избиратели придают политическую значимость, становятся осмысленными как особые политические пространства и используются акторами для реализации собственных стратегических целей.

4. Стадия "эрозии" районов (с 2002 г.). Начало постепенного разрушения целостности районов в 2002–2004 гг. связано с двумя событиями. Первое – президентские выборы 2002 г., на которых кандидатом от либерального лагеря (с базой в Хонаме / Чолла) стал Но Мухён – выходец из Пусанского региона (Йоннам / Кёнсан). Его участие в выборах привело к сдвигу в сторону либералов ряда районов юга Кёнсана: Кимхэ (родина Но), западного Пусана (область политической активности Но и его соратников) и районов с сильными профсоюзами (Чханвон, Ульсан, Кодже). Механизм этого ослабления региональной поляризации был, по сути, тем же, что и породил регионализм – голосование за земляков вне зависимости от политической аффилиации [9, с. 75]. В первую очередь отреагировали на возможность такого ++ протестного, относительно регионального мейнстрима, голосования молодые городские избиратели, в меньшей степени подверженные регионализму. Впоследствии активность и влияние либерального лагеря в регионе росла, что позволило его представителям уже регулярно побеждать на выборах в ряде округов региона, где им ранее редко удавалось набрать более 10%. Пусанский мезорайон стал близок по электоральным показателям к районам Северного макрорайона.

Второе событие – уход из политики "основателя" чхунчхонского регионализма Ким Джонпхилиа в начале 2000-х гг. После этого выраженность регионалистских настроений, в значительной степени завязанных на личность Кима, снизилась, полностью исчезнув к 2012 г.

Из-за смены поколений снижается выраженность регионализма и в ядрах Южного макрорайона – в Хонаме и Йоннаме. Это видно по небольшим, но поступательным количественным изменениям: снижению уровней поддержки консерваторов и либералов в Йоннаме и Хонаме соответственно и по росту их поддержки в "электоральных оплотах" оппонентов. Особенно силен этот процесс в приграничных областях и городах, где высока доля молодёжи, меньше подверженной регионалистским настроениям (рис. 3).

Смена поколений – одна из ключевых причин такой "эрозии" выраженности районных "синдромов" или "темпераментов". Предыдущие поколения социализировались политически в периоды формирования регионального раскола или его максимальной выраженности и остроты. В последние два десятилетия факторы, подпитывающие такое региональное противостояние, уже не наблюдаются, поэтому электоральные расколы внутри молодого электората гораздо в меньшей степени воспроизводят региональный. Это можно рассматривать как проявление национализации политики.

Мезорайоны. На рисунке 2 представлено восемь электоральных мезорайонов, существовавших в 1987–2012 гг. и редуцировавшихся до шести после 2012 г. Два основных – **Хонамский** и **Йоннамский** – ядра Южного макрорайона и были охарактеризованы в предыдущих разделах статьи. **Хосо** обладал схожими паттернами, но его выраженность оказалась слабее, вследствие чего район исчез, став вместе с восточной частью региона Чхунчхон частью Столичного мезорайона. В последнее десятилетие прошлое своеобразие Чхунчхона никак не проявлялось на выборах.

Существует ещё один, кроме значимых количественных различий как между ядрами мезорайонов, так и их приграничными областями, фактор, указывающий на "легитимность" выделения этих мезорайонов именно в таком виде. Соответствующие регионы осознаются политиками и избирателями как обладающие некой спецификой. Зачастую именно в категориях таких объектов (Хонам, Йоннам, Столичный или Пусанский регионы) рассуждают политические акторы, говоря о территориальных аспектах выборов, тем самым используя и воспроизводя их.

Столичный мезорайон не обладает какими-либо специфическими характеристиками, будучи лишь ядром Северного макрорайона. Он выделяется только на фоне периферийных частей макрорайона, обособляющихся как отдельные мезорайоны. Электоральная география Столичного района обусловлена территориальным выражением поколенческого раскола на выборах. Центральные районы городов и сельско-мелкогородская периферия, где преобладает пожилой электорат, стабильно голосуют за консерваторов. Полупериферийные и ряд центральных городских районов, где выше доля избирателей "поколения 586", – основа поддержки либералов. Специфических электоральных особенностей у этой части макрорайона почти нет.

В Северном макрорайоне выделяется ещё три мезорайона: Чеджу, Йондон, Восточный Чхунчхон. Особенность **Чеджу** заключается в изолированности острова (конфигурационный район), а также локализме в виде предпочтения местных политиков прочим и в целом конформности электората, выражавшейся до конца XX в. в стабильной поддержке власти, сменившейся регулярными небольшими колебаниями между основными политическими лагерями, в последние годы уступившими умеренной ориентацией на либералов. По основным электоральным показателям этот мезорайон близок к Столичному.

Йондон – восточная часть провинции Канвондо, отделённая от западной крупным горным хребтом. Относительная изолированность от остальной части провинции и связи с соседним регионом Кёнсан обусловили стабильно более проконсервативную ориентацию мезорайона. В районах, демографически схожих с рядом районов Столичного мезорайона, фиксируется более высокий уровень поддержки консервативных политиков. Это слабовыраженная региональная политическая культура, распространённая на обширной территории, позволяющая выделять эти области в отдельный мезорайон.

Восточный Чхунчхон – мезорайон, отличающийся от Столичного слабовыраженным регионализмом, в соседнем Хосо доминирующим. Здесь нарушены привычные (для остального макрорайона) закономерности электоральной дифференциации пространства, базирующиеся на поколенческом расколе электората. Куда более значимым фактором оказывается "эффект кандидата" – его происхождение и электоральный опыт. Слабая региональная солидарность местного электората – следствие противопоставления избирателей своей части региона западной, откуда происходило большинство регионалистских лидеров (рис. 2). С полным исчезновением регионализма в Хосо электоральные расколы и в Восточном Чхунчхоне утратили мезорайонную специфику, став похожими на преобладающие в остальных частях Северного макрорайона, – произошла национализация выборов в регионе. Оба мезорайона стали частью Столичного и не выделяются на его фоне.

Последний мезорайон – **Пусанский** – принадлежит к Южному макрорайону. Он охватывает урбанизированную приморскую часть юго-востока полуострова от Ульсана до Чханвона. Его можно воспринимать как своеобразную часть Йоннамского мезорайона, не всегда выделяющуюся на выборах, однако не менее обоснованным будет определение его в отдельный мезорайон. Формирование этого района произошло в 1970-х гг. по мере роста оппозиции режиму Пак Чонхи, локализованной в основном в крупных городах. В 1980–2000-х гг. добавилась и фактор личности, сначала одного из оппозиционных лидеров Ким Ёнсама, а позже Но Мухёна и его соратников. Их политическая деятельность усилила противостояние между пусанской и северной частями Кёнсана, окончательно обособив мезорайон.

Заключение

В данной схеме (макро)районирования РК максимизируются качественные различия районов, поэтому на верхнем уровне членения территории страны с одной стороны в отдельные макрорайоны обособляются северные провинции и Чеджудо, с другой стороны – два южных региона. Политика в регионе Чхунчхон длительное время развивалась в стиле, свойственном Южному макрорайону, но на современном этапе Чхунчхон однозначно относится к Северному макрорайону.

Южный макрорайон состоит из двух полярных мезорайонов – Хонама и Йоннама. Первый имеет наиболее стабильную и крайне пролиберальную

ориентацию, второй – проконсервативную. Пусанский мезорайон можно воспринимать и как вложенный в состав Йоннамского мезорайона, периодически обособливающийся от него, и как отдельный мезорайон, не всегда демонстрирующий свою сущность количественно.

Данная схема, разумеется, субъективна. Например, подход "количественника" дал бы деление страны на два или три полярных типологических макрорайона: консервативные южный Сеул, Йоннам, сельскую и мелкогогородскую периферию; либеральные Хонам, южную и западную части Столично-го региона, западный Пусан, пригородные зоны крупных и средних городов; прочие колеблющиеся районы. Эти макрорайоны обладали бы внутренней схожестью электоральных предпочтений, но не внутренней связностью, цельностью и сонаправленностью развития. Внутри них в качестве электоральных районов были бы выделены регионалистские ядра и периферии макрорайонов. Границы между большинством районов всех уровней были бы градиентными и имели бы разный генезис.

Предложенная схема районирования и итоговая сетка макро- и мезорайонов делает больший акцент на качественных характеристиках региональных политических культур или "политических темпераментов" по А. Зигфриду [21, р. 24]. Полученные районы – не просто области со своими электоральными предпочтениями, а почти субъектные сущности, оказывающие фундаментальное влияние на южнокорейскую политику.

Второе важное замечание о сути полученного районирования касается его интерпретации. Предложенные районы не есть некие объективно существующие объекты, их система – лишь способ упорядочивания знания об электоральном пространстве конкретным автором. Существенно добавляет "реальности" этим территориальным отдельностям наделение их политическими смыслами самими политическими акторами и совпадение их контуров с границами административных и исторических регионов. Однако не это делает данную интерпретацию территориальной электоральной структуры РК имеющей, по мнению автора, большую объяснительную силу, чем иные подходы.

Литература / References

1. Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США. Дисс. ... к. г. н. Л., 1989. 204 с.
Axenov K. The Political and Geographical Foundations of the Functioning of the US Political System. Diss. L., 1989. 204 p. (In Russ.).
2. Андропова Л. А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея // Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Томск, 2015. С. 84–92.
Andronova L. Formation and Evolution of Regional Identity in the Republic of Korea // Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity. Tomsk, 2015. P. 84–92. (In Russ.).
3. Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре. Дисс. ... к. г. н. Л., 1983. 194 с.
Belov A. Political Geography of Canada: Regionalism in Political Life and Political Culture. Diss. Leningrad, 1983. 194 p. (In Russ.).
4. Зимоха А. Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа. Дисс. ... к. г. н. М., 2006. 178 с.
Zimoha A. Comparative Analysis of Patterns of Electoral Geography in Countries of Different Types. Diss. Moscow, 2006. 178 p. (In Russ.).
5. Колосов В. А. Проблемы политической географии Италии: по материалам парламентских выборов 1953–1976 гг. Дисс. ... к. г. н. М., 1979. 277 с.
Kolosov V. Problems of Italy's Political Geography: Based on the Parliamentary Elections of 1953–1976. Diss. Moscow, 1979. 277 p. (In Russ.).
6. Петров Н. В., Титков А. С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2004. № 3. С. 18–31.
Petrov N., Titkov A. The Electoral Landscape of Russia and the 2003 Elections to the State Duma: Time-Space Analysis of Electoral Dynamics // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. 2004. No. 3. P. 18–31. (In Russ.).
7. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

- Socio-Economic Geography: Concepts and Terms. Dictionary / A. Gorkin (ed.). Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 p. (In Russ.).
8. Чернецкий Ф. М. Подходы к электоральному районированию в отечественной науке (по материалам диссертационных исследований) // Географическое страноведение и вызовы меняющегося мира / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 22 / под. ред. А. С. Наумова. М.: Географический факультет МГУ, 2025. С. 168–185.
 - Chernetskii F. Approaches to Electoral Regionalization in the Russian Science (Based on Dissertation Researches) // A. Naumov (ed.) // Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries. Vol. 22. Faculty of Geography LMSU, Moscow, 2025. P. 172–189. (In Russ.).
 9. Чернецкий Ф. М. Регионализм как ключевой фактор в электоральных процессах в Республике Корея // Вестник российского корееведения. 2022. No. 13. С. 67–81.
 - Chernetskii F. Regionalism as a Key Factor in Electoral Processes in the Republic of Korea // Russian Koreanology Herald. 2022. No. 13. P. 67–81. (In Russ.).
 10. Cho K. Regionalism in Korean Elections and Democratization: An Empirical Analysis // Asian Perspective. 1998. Vol. 22. No. 1. P. 135–156.
 11. Elazar D. American Federalism: A View from the States. NY: Thomas Y. Crowell Company, 1966. 228 p.
 12. Kang W., Bae J. Regionalism and Party System Change at the Sub-national Level: the 2016 Korean National Assembly Election // Journal of International and Area Studies. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 93–112.
 13. Kim H., Choi J., Cho J. Changing Cleavage Structure in New Democracies: An Empirical Analysis of Political Cleavages in Korea // Electoral Studies. 2008. Vol. 27. No. 1. P. 136–150.
 14. Kim W. Regionalism: Its Origins and Substance with Competition and Exclusion // Korea Journal. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 5–31.
 15. Kwon K. Regionalism in South Korea: its Origins and Role in Her Democratization // Politics & Society. 2004. Vol. 32. No. 4. P. 545–574.
 16. Lee D., Brunn S. Politics and Regions in Korea: An Analysis of the Recent Presidential Election // Political Geography. 1996. Vol. 15. No. 1. P. 99–119.
 17. Lee H., Repkine A. A Spatial Analysis of the Voting Patterns in the South Korean General Elections of 2016 // Social Sciences. 2022. Vol. 11. No. 9. P. 389–412.
 18. Lee H., Repkine A. Changes in and Continuity of Regionalism in South Korea: A Spatial Analysis of the 2017 Presidential Election // Asian Survey. 2020. Vol. 60. No. 3. P. 417–440.
 19. Park B. Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-led Industrialization and Political Regionalism in South Korea // Political Geography. 2003. Vol. 22. No. 8. P. 811–839.
 20. Republic of Korea. National Electoral Commission (NEC). URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do> (дата обращения: 07.02.2025).
 21. Siegfried A. Tableau Politique de la France de l'Ouest Sous la Troisième République. A. Colin, 1913. 536 p.
 22. Sonn H. Regional Cleavage in Korean Politics and Elections // Korea Journal. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 32–54.
 23. Wong J., Hicken A., Kuhonta E. South Korea's Weakly Institutionalized Party System // Party System Institutionalization in Asia: Democracies, Autocracies, and the Shadows of the Past. 2014. P. 260–279.
 24. Yea S. Maps of Resistance and Geographies of Dissent in the Cholla Region of South Korea // Korean Studies. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 69–93.
 25. 김욱, 유재일, 유병선. 충청 지역 정치의 최근 변화와 충청 지역주의 = Ким Ук, Ю Джэиль, Ю Бёнсон. Недавние изменения в чхунчхонском регионализме и политике // 비교민주주의연구 = Сравнительные демократические исследования. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 45–75.
 - Kim W., Yoo J., Yu B. Recent Changes in the Chungchung Regional Politics and Chungchung Regionalism // Comparative Democratic Studies. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 45–75. (In Kor.).

Информация об авторе

Фёдор Михайлович Чернецкий, аспирант, инженер кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: fedor.mche@gmail.com

Information about the author

Fedor M. Chernetskii, Postgraduate Student, Engineer, Department of Human Geography of Foreign Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: fedor.mche@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2025

Одобрена после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 12.03.2025

Approved 17.05.2025

Accepted 26.05.2025

Умный город как внешнеполитический ресурс: на примере Республики Корея

Леонид Евгеньевич Козлов

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kozlov.le@dvvfu.ru

Аннотация. В настоящей статье на примере Республики Корея рассматриваются внешнеполитические возможности, которые даёт государству развитие собственных умных городов. Опыт Республики Корея в экспорте умных городов сравнивается с другими активными акторами, прежде всего, Китаем, Японией, Европейским Союзом. По нашему мнению, в состав ресурсов внешней политики входит социально-географический ресурс, который накапливается в ходе развития территории государства, и умные города сегодня становятся его частью. Кейс Республики Корея свидетельствует о том, что продвижение на мировой арене своих методик, технологий и технических инструментов строительства умных городов, помимо роста своего экспорта в денежном выражении, помогает стране-экспортёру решать две сугубо внешнеполитические задачи. Во-первых, это улучшение своего имиджа как развитой державы, способной помочь отстающим партнёрам, и, как следствие, укрепление дружественных отношений с развивающимися странами. Во-вторых, это получение доступа к системам жизнеобеспечения и соответствующим большим данным умных городов страны-покупателя. При этом в официальных документах Республики Корея говорится лишь о внешнеторговой составляющей экспорта умных городов; возможно, правительство не вполне осознаёт политические аспекты такого экспорта. В академическом сообществе эти аспекты пока анализируются отдельными западными авторами в контексте сдерживания современного Китая, поэтому внешнеполитическое значение умных городов остаётся перспективным исследовательским вопросом.

Ключевые слова: *умный город, внешняя политика, политический ресурс, помощь развитию, Республика Корея*

Для цитирования: Козлов Л. Е. Умный город как внешнеполитический ресурс: на примере Республики Корея // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 45–55.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/45-55>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/45-55>

Smart City as a Foreign Policy Resource: The Case of the Republic of Korea

Leonid E. Kozlov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kozlov.le@dvvfu.ru

Abstract. In this article, we consider the foreign policy opportunities that the state receives through the development of its smart cities using the Republic of Korea as an example. We compare the Republic of Korea's experience in exporting smart cities with other active actors, primarily China, Japan, and the European Union. In our opinion, foreign policy resources include a socio-geographical resource that accumulates during the development of a state's territory, and smart cities are now becoming part of it. The case of the Republic of Korea shows us that a country that promotes its methods, technologies, and technical tools for building smart cities abroad, in addition to increasing its exports in monetary terms, solves two purely foreign policy problems. Firstly, it is to improve its image as a developed country capable of helping lagging partners and, as a result, to strengthen friendly relations with developing countries. Secondly, it is to gain access to the life support systems and corresponding big data of smart cities of the buyer country. At the same time, official documents of the Republic of Korea speak only about the foreign trade component of smart city exports; perhaps the government is not fully aware of the political aspects of such exports. In the academic community, these aspects have so far been analyzed by few Western authors in the context of containing modern China, so the foreign policy significance of smart cities remains a promising research issue.

Key words: *smart city, foreign policy, political resource, development assistance, Republic of Korea*

For citation: Kozlov L. E. Parliamentary Paradiplomacy: Comparative Case-Study of St. Petersburg and Quebec // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 45–55.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/45-55>

Введение

Концепция умного города является чрезвычайно популярной в современной урбанистике. При этом устоявшегося научного понимания или юридического определения данного феномена до сих пор не сложилось, несмотря на огромное количество научных публикаций, государственных законов и городских планов в разных странах мира [1, с. 90]. Как представляется, сегодня умный город – это скорее более или менее отдалённый ориентир, чем детальный стандарт, однако некоторые его признаки упоминаются чаще других, а именно:

- широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в управлении городским хозяйством;
- экологическая ориентированность;

- постоянный диалог административных органов и общества по вопросам развития города;
- городская экономика, основанная на знаниях.

Пока не разработаны общепринятые параметры, которые город должен достичь, чтобы считаться умным, и те примеры, которые приводятся в литературе, обычно подтверждаются городскими планами, описывающими будущее, а не эмпирическими наблюдениями настоящего. Также наука не поясняет того, до какой степени "умности" может модернизироваться город, чтобы, по крайней мере, окупать затраты на создание и обслуживание необходимой инфраструктуры. По нашему мнению, в концепции умного города есть значительная доля популизма, и в реальности администрации передовых городов пока способны, в лучшем случае, последовательно внедрять её отдельные элементы, вроде системы видеонаблюдения. Более того, известны попытки построить с нуля умный город как единый комплекс, которые закончились тем, что он превратился в город-призрак, по причине дороговизны жилья и оторванности от традиционных узлов расселения [14]. Поэтому, анализируя планы экспорта умных городов, надо иметь в виду, что понимание данного феномена сегодня довольно расплывчатое.

Тем не менее, концепция умных городов обнаруживает в себе некоторый международный потенциал, который ряд стран начали реализовывать на практике не позднее 2010-х гг. В настоящей статье на примере Республики Корея (РК) рассматриваются внешнеполитические возможности, которые даёт государству развитие собственных умных городов. В качестве эмпирических источников использовались государственные планы и стратегии, новости государственных органов, статьи общественно-политической прессы и академические публикации РК, а также сайты ряда международных организаций.

Поскольку это явление в международных отношениях достаточно новое, академическое сообщество находится в самом начале его осмысления, а главную активность в экспорте умных городов проявляют страны Северо-Восточной Азии (СВА), то наиболее активно публикуются по этой теме азиатские специалисты. Главный интерес в нашем исследовании представляет доклад Пан Сора и Ли Гванбока "Меры по повышению эффективности зарубежной экспансии умных городов", где подводятся некоторые итоги активной южнокорейской политики за пять лет, с опорой на интервью фокус-группы специалистов, работавших за рубежом в данной сфере [19].

В литературе о международных отношениях приводятся различные классификации внешнеполитических ресурсов, где непременно фигурируют вооруженные силы, экономика и физическая география, но почти никогда не обсуждается ресурс, накапливающийся в ходе развития территории, который можно назвать социально-географическим. Несмотря на дефицит научного внимания к последнему, он используется государствами, по крайней мере, с конца XIX в., в ситуациях, вроде закрепления новоприобретённой территории или подготовки внешней экспансии. По нашему мнению, если в какой-либо стране активно развиваются умные города, они формируют некоторую часть социально-географического ресурса её внешней политики.

Сегодня сразу несколько акторов современных международных отношений транслирует за рубеж с политическими целями накопленные методики, технологии и средства территориального развития, прежде всего, в сферах базовой инфраструктуры и умных городов. Китай, который реализует порядка половины от общемирового числа умных городов, поставляет свои решения преимущественно в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Латинской Америки и Африки: от строительства новых городов с нуля до внедрения отдельных элементов городского управления, самым популярным из которых у покупателей является видеонаблюдение [6]. В основном, эти проекты декларируются как часть правительственной инициативы "Один пояс – один путь" [26, с. 55].

В западной литературе китайский экспорт ИКТ трактуется в сугубо алармистском ключе. Например, в статье В. Вебера вопрос о том, использовать или не использовать китайские технологии умных городов, представляется как геополитический выбор. Немецкий политолог подчеркивает, что США, Европа и их союзники отвергают возможность использования китайских тех-

нологий и полагаются на американские решения, в то время как менее щепетильные в этом вопросе страны Глобального Юга импортируют и китайские, и западные технологии [17]. Французский политолог А. Экман называет умные города геополитическим "полем битвы" между Китаем и США. Автор обращает внимание на то, что экспорт технологий умных городов включен во внешнеполитическую стратегию КНР, что участие в развитии зарубежных систем телекоммуникации, электроэнергетики, транспорта и других сфер даёт Китаю несомненные возможности влияния на национальную безопасность покупателей. Согласно его выводу, конкуренция на мировом рынке умных городов превращается в конкуренцию политических и социальных систем Китая и Запада [4].

У Японии нет прямой политики по продвижению на зарубежные рынки умных городов, но правительство оказывает поддержку японским компаниям в рамках "Плана действий по развертыванию инфраструктурной системы за рубежом" [26, с. 61]. Основным географическим ориентиром являются страны ЮВА; соответствующие проекты, в основном, встроены в рамки отношений Японии с АСЕАН. Ключевыми институтами здесь выступают Японский банк международного сотрудничества, Японское агентство по международному сотрудничеству и Японская корпорация зарубежных инфраструктурных инвестиций в развитие транспорта и городов. В 2019 г. была создана Японская ассоциация умных городов в АСЕАН, в которую вошли 242 коммерческие компании, 7 министерств, 16 госагентств и 9 муниципалитетов Японии [16]. Японское правительство активно поддерживает Сеть умных городов АСЕАН, но в неё также вкладывают значительные средства США, Австралия и Китай [5, с. 248].

Международные сети умных городов продвигают Франция и Германия. Французское агентство развития и Французское национальное агентство по реконструкции городов обеспечивают функционирование Африканской сети умных городов, которая внедряет передовые цифровые технологии городского управления. Немецкое агентство развития через Международную сеть умных городов (в Латинской Америке и Индии) содействует обмену опытом между городами, профильными национальными ведомствами и научным сообществом, проводя онлайн-форумы, консультации по стратегическому планированию, регулярные сетевые встречи [5, с. 245–246]. Европейский Союз поддерживает сеть URBACT, в которую вовлечены его страны-члены, страны-партнеры и потенциальные кандидаты, а также Еврокомиссия, региональные и муниципальные администрации. Участники сети обмениваются мнениями о потребностях городов, тематических приоритетах, сопряжении своих планов и проектов развития с Городской инициативой и политикой сплоченности ЕС. Сеть содействует комплексному развитию городов и предлагает им ряд собственных процессов и инструментов управления [18].

* * *

Республика Корея давно уделяет большое внимание внедрению ИКТ в управление городским хозяйством. Начало этому положила инициатива "U-City" (Ubiquitous City, от *ubiquitous computing* – сплошная компьютеризация) 2003 г. В 2008 г. парламент РК принял специальный закон о строительстве таких городов. Многие муниципалитеты официально запустили у себя проекты U-City и стали активно создавать инфраструктуру ИКТ в сотрудничестве с телекоммуникационными компаниями и правительством страны. В те годы власти уделяли основное внимание внедрению цифровых технологий в сферах транспорта, общественной безопасности, предотвращения стихийных бедствий, экологического мониторинга. В 2014–2018 гг. цифровые услуги "умных городов", оказывавшиеся ранее разными административными институтами, стали переходить в ведение единых комплексных центров управления [13, с. 189–190]. Инициатива U-City (впоследствии Smart City) стала рассматриваться как образец, к которому должны стремиться все южнокорейские муниципалитеты.

В 2017 г. парламент Республики Корея принял закон "О создании умных городов и развитии промышленности", заложивший правовую основу цифровой трансформации муниципального управления. Принятый в 2019 г. Пятый Комплексный национальный территориальный план (основной до-

кумент планирования территориального развития РК) содержал новое видение умных городов, согласно которому общество должно принимать участие в выработке муниципальной политики посредством сообщения о проблемах и предложениях новых идей по совершенствованию городского хозяйства [21, с. 151]. Новый подход начал отрабатываться на двух пилотных проектах в городах Седжон и Пусан [12, с. 16–19]. План также содержал призыв к "обеспечению глобальной конкурентоспособности корейских умных городов и занятия ими лидирующих позиций на мировом рынке" [21, с. 158].

Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта (MOLIT), в ведении которого находится развитие умных городов, запустило информационную систему, где обобщается соответствующий опыт (smartcity.go.kr). Правительство РК также поддержало научно-исследовательский проект по созданию системы управления городским хозяйством на основе больших данных и искусственного интеллекта (Smart City Data Hub) [12, с. 21].

В 2019 г. был опубликован "План мероприятий по активизации зарубежной экспансии корейских умных городов", разработанный несколькими госорганами под общим руководством MOLIT [20]. Отмечая успехи в развитии умных городов в своей стране и постепенный выход национальных компаний на внешние рынки, составители плана сетовали на разрозненность их действий и призывали приводить отдельные технические решения в пакетную форму. Всего на 2019 г. 338 южнокорейских компаний в сфере ИКТ экспортировали технологии умного города. Среди них преобладали технологии электроэнергетики, транспорта, бытового и социального обслуживания. На 11 крупнейших компаний приходилось 76% экспорта, в то время как общий список экспортёров наполовину состоял из малых и средних компаний и стартапов. Помимо частных компаний, строительные работы за рубежом вела государственная Корейская корпорация по землепользованию и жилищному строительству (LH).

В пакетной форме, или "модели умного города в корейском стиле", авторы документа предложили соединить технологии городского строительства, ИКТ и юридические решения. Иначе говоря, речь шла о выводе на мировой рынок комплексного продукта, который строится, оснащается необходимой электроникой и далее технически и юридически функционирует по южнокорейскому образцу. В плане были приведены примеры таких городов, в создании которых уже участвовали южнокорейские подрядчики:

- Южный Саад аль-Абдулла в Кувейте;
- Нью-Кларк на Филиппинах;
- "Бандра Курла Комплекс" в Мумбаи в Индии;
- Бисмайя в Ираке.

Было предложено семь основных услуг корейской модели умного города: умная энергия, умное администрирование, умная безопасность, умный транспорт, умное здравоохранение, умная экология, связь и обращение с электронными данными. Декларировалось создание кооперативной системы, соединяющей опыт госпредприятий в области городского строительства и управления ЖКХ с технологиями частных фирм по проектированию, строительству и информатизации. Государство обязывалось оказывать комплексную поддержку своему бизнесу, чтобы тот переходил от простых контрактов за рубежом к инвестиционным проектам развития с высокой добавленной стоимостью.

В плане содержался длинный перечень конкретных мер по активизации экспорта умных городов, в том числе:

- создание фонда PIS [Plant, Infrastructure and Smart City = завод, инфраструктура и умный город] на 1,5 трлн вон (около 1,3 млрд долл.), из них 0,5 трлн на умные города, для поддержки проектов частных компаний;

- увеличение максимального срока кредитования зарубежных проектов умных городов с 5 до 20 лет;

- установление исключений для стран с высоким уровнем риска при осуществлении совместных инвестиций с международными банками развития и институтами финансирования экспорта;

- предоставление малым и средним предприятиям льготных кредитов и кредитных гарантий, поддержки расходов на ведение деловых переговоров за рубежом;

- открытие специального счёта в Экспортно-Импортном банке Кореи для поддержки проектов в странах с высоким уровнем риска;
- включение проектов умных городов в официальную помощь развитию;
- создание сети международного сотрудничества, ориентированной на страны, проявляющие большой интерес к корейской модели умного города, главным образом, ЮВА, Латинской Америки, Ближнего Востока;
- разработка программы обучения для развивающихся стран по принципу G2G;
- создание порядка 30 центров поддержки заказов умных городов в зарубежных представительствах Корейского агентства по содействию торговле и инвестициям (KOTRA);
- создание в перспективных для экспорта странах представительств Корейской корпорации поддержки инфраструктурного и городского развития в зарубежных странах (KIND), поддерживающих проекты умных городов от строительства до эксплуатации;
- превращение выставки "World Smart City Expo" в третье по величине международное мероприятие в сфере умных городов в мире;
- приглашение ключевых государственных и корпоративных лиц из перспективных для экспорта стран в РК для наглядной демонстрации южнокорейских умных городов
- формирование консорциумов малых, средних и крупных фирм и проведение их коллективных презентаций за рубежом;
- централизованное участие южнокорейских фирм и госучреждений в рамках "Корейского павильона" в ключевых международных выставках;
- популяризация южнокорейских умных городов в ходе дипломатических мероприятий высокого уровня силами всего госаппарата, включая премьер-министра, в качестве "Команды Кореи" ("Team Korea");
- активизация подписания меморандумов о взаимопонимании с зарубежными правительствами;
- привлечение дипмиссий РК к поиску контрактов и реализации проектов за рубежом.

В 2020 г. примерно в таком же ключе подготовило свою "Стратегию зарубежной экспансии в секторе умных городов" Национальное агентство содействия развитию ИТ-индустрии (NIPA), ориентированное на поддержку компаний, экспортирующих программное обеспечение. В этом документе подчёркивалось, что госаппарату необходимо не только сопровождать компании, уже ведущие внешнеэкономическую деятельность, но и стимулировать к экспорту компании, пока ограничивающиеся внутренним рынком РК [23].

* * *

"План мероприятий по активизации зарубежной экспансии корейских умных городов" начал активно воплощаться в жизнь. Всемирная выставка умных городов, проводимая ежегодно под руководством MOLIT, стала крупнейшей в Азии, набрав уже в 2019 г. контрактов почти на 2 трлн вон в 2019 г. [24]. Технологии умных городов стали обсуждаться на Конференции по глобальному инфраструктурному сотрудничеству, проводимой ежегодно в Сеуле Ассоциацией зарубежных подрядчиков Кореи при участии высоких правительственных лиц.

В преддверие Всемирной выставки умных городов 2023 г. MOLIT сообщило, что умные технологии трёх южнокорейских компаний были экспортированы в 21 страну за последние три года при помощи сети K-City. Данная сетевая программа поддерживает разработки генеральных планов и технико-экономических обоснований проектов умных городов для иностранных правительств, а также делится опытом и знаниями РК в области развития умных городов. В качестве наилучшего примера подобных технологий MOLIT привело "умную интегрированную платформу", систему связи информации о правонарушениях и дорожном движении, которая ранее была внедрена в РК, а наиболее удачными направлениями экспорта назвало Таиланд и Индонезию. Статья в крупнейшем деловом издании РК утверждала, что "умный город в корейском стиле" вызывает поток звонков с выражением любви (러브콜) из-за рубежа и что иностранные клиенты просят южнокорейских подрядчиков обслужить их в первую очередь [25].

На сайте "smartcity.go.kr", поддерживаемом корпорацией KIND, в разделе о сети K-City зарубежным администрациям предлагается подавать заявки на помощь в разработке генеральных планов умных городов (Smart City Planning Program). Каждый такой проект может рассчитывать помощь южнокорейских специалистов за счёт бюджета РК в размере 400-600 млн вон (примерно 270-410 тыс. долл.).

РК обеспечила функционирование Всемирной организации умных устойчивых городов (WeGO), базирующейся в Сеуле, в состав которой вошли муниципалитеты, госучреждения и фирмы, разрабатывающие смарт-технологии. Президентом организации по должности является мэр Сеула. WeGO была основана в 2010 г. как Всемирная организация электронного правительства и на фоне растущей популярности концепции умного города в 2017 г. приобрела актуальное название. Несмотря на формально муниципальный характер, очевидно, что она работает на общегосударственные нужды: в 2024 г. её генеральным секретарем был назначен Ким Чжонги, занимавший ранее высокие посты в дипломатии и предвыборных штабах будущих президентов Ли Мёнбака и Юн Согёля.

7 марта 2025 г. WeGO провела своё первое дипломатическое мероприятие, собрав более 30 аккредитованных в РК иностранных дипломатов для презентации своей повестки на 2025 г. [2]. Вообще, на сайте WeGO публикуется много новостей о её международных событиях. Помимо секретариата в Сеуле, WeGO имеет 6 региональных офисов в разных макрорегионах мира. От России в 2010-2022 гг. в WeGO входила Ульяновская область. С 2023 г. WeGO помогает в составлении индекса умных городов швейцарскому Международному институту развития менеджмента (IMD). Также WeGO совместно с мэрией Сеула проводит международный конкурс муниципалитетов на соискание "Сеульской премии умного города", присуждаемой по двум категориям: "город технических инноваций" и "город, ориентированный на человека" [15].

MOLIT и подчинённое ему Корейское агентство по развитию инфраструктурных технологий (KAIA) издаёт ежегодный журнал "Smart City Top Agenda", куда приглашают местных и зарубежных экспертов высказываться о мировых трендах развития умных городов. Показательной является статья европейского эксперта М. Валсеран, где утверждается, что городская дипломатия – это настолько мощное явление современных международных отношений, что может идти параллельно государственной дипломатии и даже иногда ей противоречить. Большинство международных сетей умных городов, по мнению автора, выходит далеко за рамки протокольных мероприятий и наполнено реальными выгодами и взаимодействиями [5].

На сайте корпорации KIND опубликовано множество новостей о её международных мероприятиях, в том числе с вполне политическим содержанием, например, об Инфраструктурном форуме Республика Корея – Африка (2024), об открытии представительств KIND при южнокорейских посольствах за рубежом, о двусторонних встречах с иностранными министрами и послами, а также со своими коллегами из Японской корпорации по инвестициям в зарубежную инфраструктуру (JOIN) [10]. Мероприятия KIND адресованы, по большей части, странам Глобального Юга. Центры инфраструктурной кооперации KIND были открыты в Бангладеш, Кении, Вьетнаме, Индонезии, Польше. Кроме того, были открыты управляемые совместно KIND и KOTRA центры кооперации умных городов в Таиланде, Вьетнаме, Индонезии, Турции и Саудовской Аравии, а также два центра в ОАЭ и Перу, управляемые Корейской ассоциацией строительных подрядчиков за рубежом.

Наиболее политически конъюнктурной выглядит активность KIND на польско-украинском направлении. В Польше, среди прочего, KIND поддерживала южнокорейского подрядчика "Hyundai Engineering" при строительстве пропиленового завода стоимостью не менее 1,5 млрд долл. по заказу польской компании "Grupa Azoty" [8]. В июле 2023 г. во время своего визита в Польшу президент Юн Согёль заявил о том, что РК будет активно участвовать в восстановлении Украины. Свои общие расходы на это правительство РК оценило в 66 трлн вон (около 52 млрд долл.). Чхве Санмок, старший секретарь президента РК по экономическим вопросам, сообщил тогда прессе следующее: "Оказывается всесторонняя поддержка тем, кто стремится присоединиться к усилиям по восстановлению Украины. Была создана трёхсторонняя система

сотрудничества между Кореей, Польшей и Украиной, что заложило основу для согласованных действий по восстановлению Украины" [9].

В сентябре 2023 г. большая делегация чиновников и бизнесменов РК участвовала в проводимом Польшей Крыницком форуме (крупнейшем в Центрально-Восточной Европе ежегодном форуме политико-экономической направленности). Польско-корейский форум стал ключевым элементом Крыницкого форума в том году, его открывали президент Польши А. Дуда и премьер-министр РК Хан Доксу. К этому форуму был приурочен запуск Центра кооперации по восстановлению Украины при представительстве KIND в Варшаве 15 сентября 2023 г. [10].

Выполняя поручение Юн Согёля, в рамках поездки на Крыницкий форум делегация чиновников, руководителей KIND и крупных бизнесменов, которую возглавлял министр MOLIT Вон Хирён, посетила также и Киев. Делегация встретилась с высшим руководством киевского режима, в том числе В. В. Зеленским и Д. А. Шмыгалём, и обсудила перспективы работы южнокорейских компаний по шести конкретным объектам:

- городская транспортная система Киева,
- аэропорт Борисполь,
- очистные сооружения города Буча,
- плотина Каховской ГЭС,
- скоростные железные дороги (в особенности, Киев – Польша),
- превращение Умани в умный город.

Относительно райцентра Умань в Черкасской области Корейская государственная корпорация по управлению общественными системами водоснабжения (K-water) и KIND заявили, что совместно разработают его генеральный план и превратят его в умный город, внедрив новые средства мобильности, системы реагирования на чрезвычайные ситуации и энергосистему, основанную на возобновляемых источниках [11].

Правда, визит следующей делегации РК на Украину по данному вопросу, планировавшийся на декабрь 2023 г., не состоялся. MOLIT тогда пообещало продолжить работу по восстановлению Украины, когда получит результаты заказанного им исследования, которое должно было завершиться в июне 2024 г. [7]. Скорее всего, в 2024-2025 гг. на фоне турбулентности во внутренней политике США и мировой экономике, а также импичмента Юн Согёля, вопрос Украины для Сеула отошёл на второй план, однако очевидно, что такая помощь развитию Украины соответствовала бы общему проамериканскому курсу внешней политики РК.

Оценить эффективность экспорта умных городов РК – хотя бы в финансовом измерении – пока довольно сложно. Примечательно, что т.н. "Отчёт о стратегии зарубежного расширения умных городов", издававшийся в 2020, 2022 и 2024 гг. агентством KOTRA, не содержит сведений о результатах реализации вышеупомянутого плана экспорта умных городов. Он лишь обобщает тенденции развития отрасли и состояние мирового рынка умных городов, с акцентом на самых перспективных для южнокорейского бизнеса странах [22].

Насколько тернистым может быть путь экспортёра в данном виде бизнеса, показывает история участия южнокорейской корпорации "Hanwha" в строительстве умного города в Ираке. Проект "Новый город Бисмайя" был впервые представлен правительством Ирака в 2010 г. и передан на подряд "Hanwha" в 2012 г. Его общая стоимость оценивалась тогда в 10 млрд долл. Планировалось построить 100 тыс. единиц жилья на 1830 га земли со всей необходимой транспортной, водопроводной, образовательной, медицинской и энергетической инфраструктурой. В конце 2022 г. "Hanwha" остановила строительные работы после того, как иракская сторона в течение двух лет не вносила оговорённые платежи и задолжала ей 629 млн долл. "Hanwha" в тот момент настолько пессимистично оценивала ситуацию, что готовилась просто списать эту сумму со своего баланса. Правда, в начале 2024 г. MOLIT смогло договориться с иракской стороной о возобновлении работ. "Hanwha" получила от Ирака в счёт долга 230 млн долл., но, наученная опытом, согласилась за это лишь достраивать дома с высокой степенью готовности, пока Ирак не заплатит оставшуюся часть. Подписывал соответствующее соглашение в Багдаде сам министр MOLIT Пак Санъу, поскольку, как сообщила пресса, "корейское правительство рассматривает возобновление проекта "Бисмайя" как трам-

плин для корейских строителей к получению дальнейшего доступа к реализации Ираком 15 других новых проектов по развитию городов" [3].

Южнокорейские учёные внимательно анализируют национальный и иностранный опыт экспорта умных городов и предлагают свои рекомендации правительству РК. В частности, Ли Хёнгын и На Суёп, сотрудники Корейского института международной экономической политики (КИЕР), сформулировали шесть политических задач в данной связи:

- создать модель "умного города корейского образца";
- срочно (!) собрать конкретную и исчерпывающую информацию об умных городах за рубежом;
- рассмотреть возможность выхода на рынки умных городов третьих стран совместно с Китаем и Японией;
- строить бизнес-модели национальных компаний на внутреннем рынке с учётом их зарубежной экспансии в будущем;
- модернизировать закон "О создании умных городов и развитии промышленности";
- создать институциональную основу для использования и распространения соответствующих данных [26, с. 83-88].

Пан Сора и Ли Гванбок, сотрудники Корейского НИИ населенных пунктов (KRIHS), отметили, что через сеть K-City в 2020-2022 гг. было поддержано 33 совместных проекта в 19 странах по всему миру, их общий бюджет составлял около 4 млрд вон в год. В 2020 г. было получено 80 заявок из 23 стран, из них было поддержано 12 городов в 11 странах, т.е. конкурс составил примерно 8 заявок на 1 грант. Таким образом, с одной стороны, сеть K-City способствовала повышению осведомлённости зарубежной аудитории об "умных городах корейского образца". С другой стороны, некоторые специалисты критикуют эту программу за то, что методические мероприятия K-City не преобразуются в качественные бизнес-проекты. Они считают, что правительству следует поддерживать развитие собственных инициативных и самостоятельных компаний, а не идти на поводу у потенциальных стран-импортёров.

Кроме сети K-City, РК продвигает свои технологии умных городов за рубежом в составе официальной помощи развитию. Ежегодно MOIIT и Корейское агентство международного сотрудничества (KOICA) поддерживают около 8 проектов примерно на 7 млрд вон, предполагающих консультирование и проектирование умных городов за рубежом. При этом в общем составе данной помощи проекты выделяются не по типу умного города, а по отраслям экономики, поэтому многие проекты технических решений умных городов причисляются к сфере транспорта, энергетики и др.

Большинство зарубежных проектов умных городов, в которых участвует РК, являются в реальности проектами "умных кварталов", поскольку выстроить целый город представляет слишком масштабную задачу. Отслеживать их долгосрочную эффективность и использовать прошлый опыт в следующих проектах очень сложно, так как, в отличие от инфраструктуры, проекты городского развития слишком различны между собой по составу и площади. По сравнению с инфраструктурой, проекты городского развития иногда вообще не генерируют новых денежных потоков, а даже если это происходит, эти потоки очень трудно прогнозировать. Госорганы и фирмы не передают друг другу и не сравнивают между собой результаты зарубежных проектов. Право собственности южнокорейских строительных компаний на земельные участки за рубежом могут не признавать местные власти, а если и признают, то оценка стоимости земли всё равно остаётся сложным делом. Всё это затрудняет получение компаниями проектного финансирования. Тем не менее, южнокорейский частный бизнес умеет подстраиваться под эти сложные условия и окупать свои инвестиции в зарубежные умные города примерно за 5 лет. Его проекты лучше реализуются в тех деловых районах, где правительство принимающей страны уже разработало планы развития и построило некоторую общую инфраструктуру [19].

Заключение

Проведённый анализ южнокорейского опыта показывает, что страна, продвигающая на мировой арене свои методики, технологии и технические инструменты строительства умных городов, помимо роста своего экспорта в

денежном выражении, может извлекать из этого пользу в двух внешнеполитических аспектах:

- улучшение своего имиджа как развитой державы, способной помочь отстающим партнёрам, и, как следствие, укрепление дружественных отношений, прежде всего, с развивающимися странами;
- получение доступа к системам жизнеобеспечения и соответствующим большим данным умных городов страны-покупателя.

В планах РК говорится лишь о внешнеторговой составляющей экспорта умных городов. Однако её имиджевые приобретения подтверждаются тем, что у РК сложился стабильный круг импортёров из числа развивающихся стран и что в процесс импорта вовлечён широкий круг представителей политико-экономической элиты этих стран, по всей видимости, не остающихся без своей части ренты с проектов "умных городов в корейском стиле". Информационные же приобретения прямо утверждаются в дискуссии западных алармистов относительно Китая. В любом случае, сегодня в промышленных проектах, аналогичных по сложности умным городам, поставщик обязательно закладывает возможность удалённого доступа, необходимую для обновления программного обеспечения и диагностики поломок.

Судя по опыту РК, строительство настоящих городов за рубежом с нуля несёт в себе слишком высокий риск. Политически стабильными и платёжеспособными заказчиками на мировом рынке являются немногочисленные процветающие монархии Персидского залива, но гораздо чаще покупателями выступают менее надёжные страны Глобального Юга. Рисковать миллиардами долларов в строительстве целого города не может себе позволить даже великая держава. Поэтому, если речь идёт именно о строительстве за рубежом, то реалистичным вариантом для экспортёра является небольшой модельный квартал. Другим возможным вариантом представляется разработка генерального плана и установка систем ИКТ в городе, где основные строительные работы ведут местные подрядчики. Для государства же самым реальным вариантом извлечения внешнеполитической выгоды из развития умных городов представляется методический трансфер: обучающие семинары, практики, стажировки и т.п. мероприятия для целевой иностранной аудитории. Отметим, что экспорт умных городов – это, в первую очередь, экспорт методик, технологий и технических решений, так как экспортёр едва ли может гарантировать, что в зарубежном умном городе будет осуществляться диалог администрации и общественности или что его экономика будет основана на знаниях.

Господдержка бизнеса в рассматриваемой сфере – при всех организационных усилиях и финансовых затратах РК – не даёт очевидного и быстрого результата. Учитывая, что южнокорейские экспортёры умных городов имели определённый коммерческий успех ещё до того, как их стало поддерживать правительство, первостепенную роль в их продвижении за рубежом играет качество бизнеса, а не государственных институтов поддержки экспорта. Поэтому главное, что позволит государству получать позитивный международный эффект от собственных умных городов, – это наличие конкурентоспособных национальных фирм на внутреннем рынке.

Литература / References

1. Костюнина Г. М. "Умные города" в странах АСЕАН: опыт Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. 4. № 4 (65). С. 89–101.
<https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-089-101>
Kostyunina G. M. "Smart Cities" in ASEAN Countries: Indonesia's Experience. // Southeast Asia: Current Development Issues. 2024. Vol. 4. No. 4 (65). P. 89–101.
<https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-089-101> (In Russ.).
2. WeGO проводит первое дипломатическое мероприятие по укреплению глобального сотрудничества в области умных городов // WeGO. 07.03.2025. URL: <https://ru-we-gov.org/Новости-2023/> (дата обращения: 01. 04. 2025).
WeGO Hosts First Diplomatic Kick-Off Event to Strengthen Global Smart City Cooperation // WeGO. 07.03.2025. URL: <https://ru-we-gov.org/Новости-2023/> (accessed 01. 04. 2025). (In Russ.).
3. An Jung-Rak. Hanwha resumes \$10 billion Bismayah new city project in Iraq // Korea Economic Daily. 27.02.2024. URL: <https://www.kedglobal.com/construction/newsView/ked202402270005> (accessed 01. 04. 2025).

4. Ekman A. China's Smart Cities: The New Geopolitical Battleground / Etudes de l'Ifri. Paris, 2019. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/chinas-smart-cities-new-geopolitical-battleground> (accessed 17.05.2024).
5. Galceran M. Smart City Diplomacy: Fostering the Digital Transition through International Cooperation // Smart City Top Agenda. Anyang, 2022. P. 230–251.
6. He Y., Tritto A. Chinese-Invested Smart City Development in Southeast Asia – How Resilient Are Urban Megaprojects in the Age of Covid-19? / University of Kentucky. Diplomacy and International Commerce Reports. 1. Lexington, 2021. URL: https://uknowledge.uky.edu/patterson_reports/1 (accessed 17.05.2024).
7. Herh M. Korean Gov't Delays Next Dispatch of Ukraine Reconstruction Cooperation Team // BusinessKorea. 26.12.2023. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=208493> (accessed 01.04.2025).
8. Hyundai Engineering submits another proposal to postpone Polimery Police completion date // Grupa Azoty. 02.02.2024. URL: <https://grupazoty.com/en/news/> (accessed 01.04.2025).
9. Jang Kwan-Seok. Korean firms take part in Ukraine's reconstruction efforts // Dong-a Ilbo. 15.07.2023. URL: <https://www.donga.com/en/article/all/20230715/4291003/1> (accessed 01.04.2025).
10. KIND News // Korea Overseas Infrastructure & Urban Development Corporation. URL: <http://www.kindkorea.or.kr/pages/124> (accessed 01.04.2025).
11. Ko Dong-hwan. Korea signs agreement on post-war reconstruction of Ukraine // Korea Times. 15.09.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/113_359291.html (accessed 01.04.2025).
12. Korea's Smart City / Ministry of Land, Infrastructure, and Transport. Sejong, 2023. 34 p. URL: <https://smartcity.go.kr/wp-content/uploads/2022/09/2023-Smart-city-brochure.pdf> (accessed 30.04.2023).
13. Lim Yi-rang, Edelenbos J., Gianoli A. Dynamics in the governance of smart cities: insights from South Korean smart cities // International Journal of Urban Sciences. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 183–205. <https://doi.org/10.1080/12265934.2022.2063158>
14. Pettit H., White C. A glimpse into the future? \$39 billion high-tech smart city in South Korea turns into a 'Chernobyl-like ghost town' after investment dries up // Daily Mail. 28.03.2018. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-5553001/> (accessed 01.04.2025).
15. Seoul Smart City Prize. URL: <https://www.seoulsmartcityprize.com> (accessed 01.04.2025).
16. Wallace C. Japan's promotion of smart cities at home and abroad: socioeconomic and strategic considerations / European University Institute; Global Governance Programme. Working Paper. Fiesole, 2022. URL: <https://hdl.handle.net/1814/74973> (accessed 17.05.2024).
17. Weber V. China's Smart Cities and the Future of Geopolitics / Strategic Update. LSE IDEAS. London, 2023. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep49350> (accessed 17.05.2024).
18. Who we are // URBACT. URL: <https://urbact.eu/who-we-are> (accessed 01.04.2025).
19. 방설아, 이광복. 스마트도시 해외진출 성과제고 방안. 필리핀 클락 사업사례를 중심으로 / 국토연구원 Working Paper 22-14. 세종, 2022 = Пан Сора, Ли Гванбок. Меры по повышению эффективности зарубежной экспансии "умных городов". Исследование города Нью-Кларк, Филиппины / Корейский научно-исследовательский институт населенных пунктов. Рабочий документ 22-14. Седжон, 2022. 37 с.
Bang Seol-ah, Lee Gwang-bok. A plan to improve the performance of overseas expansion of smart cities. Focusing on the case of Clark, Philippines / Korea Research Institute for Human Settlements. Working Paper 22-14. Sejong, 2022. 37 p. (In Kor.).
20. 「스마트시티 해외진출 활성화 방안」 발표 // 국토교통부. 세종, 08.07.2019 = Извещение об утверждении "Плана мероприятий по активизации зарубежной экспансии корейских умных городов" // Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта. Седжон, 08.07.2019. URL: http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?cmspage=1&id=95082517 (дата обращения: 30.04.2023).
Announcement of "Smart City Overseas Expansion Activation Plan" // Ministry of Land, Infrastructure and Transport. Sejong, 08.07.2019 (accessed 30.04.2023). (In Kor.).
21. 제5차 국토종합계획 (2020~2040) // 국토교통부. 세종, 2019 = Пятый Комплексный национальный территориальный план (2020–2040) // Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта. Седжон, 2019. 266 с.
5th Comprehensive National Territorial Plan (2020–2040) // Ministry of Land, Infrastructure and Transport. Sejong, 2019. 266 p. (In Kor.).
22. 2024 SMART CITY 해외진출 전략보고서 / KOTRA자료 24-109. 서울, 2024 = Отчёт о стратегии зарубежного расширения SMART CITY за 2024 год / Данные KOTRA 24–109. Сеул, 2024. 458 с.
2024 SMART CITY Overseas Expansion Strategy Report / KOTRA Data 24-109. Seoul, 2024. 458 p. (In Kor.).
23. 스마트시티 분야 해외 진출 전략 - 소프트웨어 플랫폼, 솔루션을 중심으로 / 정보통신산업진흥원. 진천, 2020 = Стратегия зарубежной экспансии в секторе умных городов. Фокус на программных платформах и решениях / Национальное агентство по содействию развитию ИТ-индустрии. Чинчхон, 2020. 17 с.
Overseas expansion strategy in the smart city sector - Focusing on software platforms and solutions / National IT Industry Promotion Agency. Jincheon, 2020. 17 p. (In Kor.).

24. 김건우. '스마트 도시' 어디까지?... '스마트시티 엑스포' 개막입력 // KBS뉴스. 01.09.2022 = Ким Гону. Насколько далеко зайдет "умный город"? Открытие выставки "Smart City Expo" // Новости KBS. 01. 09. 2022. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=5546492> (дата обращения: 01. 04. 2025).
Kim Gun-woo. How far will the "smart city" go? ... Introducing the "Smart City Expo" // KBS News. 01.09.2022. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=5546492> (accessed 01. 04. 2025). (In Kor.).
25. 김유신. "우리 먼저 만들어주세요" 러브콜 쏟아지는 '한국형 스마트시티' // 매일경제. 08.06.2023 = Ким Юсин. "Пожалуйста, сделайте это для нас в первую очередь" ... "Умный город в корейском стиле" получает поток звонков с выражением любви // Мэиль Кёнчже [Ежедневная экономическая газета]. 08.06.2023. URL: <https://academy.mk.co.kr/news/view.php?sc=90000001&year=2023&no=436272> (дата обращения: 01. 04. 2025).
Kim Yu-shin. "Please make it for us first"... "Korean-style smart city" receiving a lot of love calls // Economic Daily. 08.06.2023. URL: <https://academy.mk.co.kr/news/view.php?sc=90000001&year=2023&no=436272> (accessed 01. 04. 2025). (In Kor.).
26. 이형근, 나수엽. 한·중·일의 스마트시티 해외진출 전략 비교 연구 / 대외경제정책연구원, 연구 자료 19-07. 세종, 2019 = Ли Хёнгын, На Суёп. Сравнительное исследование стратегий зарубежной экспансии умных городов в Корее, Китае и Японии / Корейский институт международной экономической политики, Данные исследований 19-07. Седжон, 2019. 104 с.
Lee Hyeong-geun, Na Su-yeop. Comparative Study on the Overseas Expansion Strategies of Smart Cities in Korea, China, and Japan / Korea Institute for International Economic Policy, Research Data 19-07. Sejong, 2019. 104 p. (In Kor.).

Информация об авторе

Леонид Евгеньевич Козлов, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Information about the author

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received 15.04.2025

Одобрена после рецензирования 05.05.2025

Approved 05.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Accepted 26.05.2025

Рыбохозяйственный комплекс южнокорейской Особой самоуправляемой провинции Канвон: региональные ограничения и международное взаимодействие

Вадим Сергеевич Акуленко
Дальневосточный федеральный университет, vakulenco@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить факторы, ограничивающие развитие рыбохозяйственного комплекса провинции Канвон, и оценить перспективы его трансформации в устойчивую экспортноориентированную модель в условиях климатических, ресурсных и институциональных ограничений. Установлено, что регион утратил статус крупного производителя и в значительной мере зависит от импорта, прежде всего из России. В качестве ключевых направлений устойчивого развития выделены развитие лососёвой аквакультуры, модернизация перерабатывающих мощностей и логистической инфраструктуры, а также институциональная адаптация к климатическим вызовам.

Ключевые слова: провинция Канвон, рыбохозяйственный комплекс, аквакультура, переработка морепродуктов, рыбная промышленность Республики Корея.

Для цитирования: Акуленко В. С. Рыбохозяйственный комплекс южнокорейской Особой самоуправляемой провинции Канвон: региональные ограничения и международное взаимодействие // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 56–65. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/56-65>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/56-65>

The Fisheries Sector of the Special Self-Governing Province of Gangwon: Regional Constraints and International Interactions

Vadim S. Akulenko
Far Eastern Federal University, vakulenco@mail.ru

Abstract. This article attempts to identify the factors constraining the development of the fisheries sector in Gangwon Special Self-Governing Province and to assess the prospects for its transformation into a sustainable, export-oriented model under climatic, resource-related, and institutional constraints. It is established that the region has lost its status as a major producer and is now largely dependent on imports, particularly from Russia. Key directions for sustainable development include the expansion of salmon aquaculture, modernization of processing capacities and logistics infrastructure, and institutional adaptation to climate-related challenges.

Key words: Gangwon Province, fisheries sector, aquaculture, seafood processing, fisheries industry of the Republic of Korea

For citation: Akulenko V. S. The Fisheries Sector of the Special Self-Governing Province of Gangwon: Regional Constraints and International Interactions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 56–65. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/56-65>

Введение

Особая самоуправляемая провинция Канвон располагается в северо-восточной части Южной Кореи. Она имеет довольно протяжённую береговую линию (около 212 км) и весьма гористый ландшафт – только 5,6% её территории расположена на высоте ниже 100 м над уровнем моря. Интересно, что и в КНДР существует провинция с тем же названием, так как 38 параллель, разделившая некогда единую Корею, оставила часть провинции Канвон в КНДР [16].

Несмотря на значительную площадь – вторую после провинции Северная Кёнсан – и соседство со столичной провинцией Кёнги, население провинции сравнительно небольшое и составляет всего 1,5 млн человек или около 3% от общего числа жителей Республики Корея (РК). Дефицит рабочих рук, усугубляющийся старением населения, тяжким бременем лежит на развитии местного рыбохозяйственного комплекса, на который также существенно влияют природно-климатические, экономические и даже политические факторы.

Цель исследования – проанализировать текущее состояние и перспективы межрегионального и международного взаимодействия рыбохозяйственного комплекса Особой самоуправляемой провинции Канвон в контексте климатических, ресурсных и инфраструктурных ограничений, а также оценить перспективы перехода к устойчивой модели хозяйствования.

Объектом исследования выступает рыбохозяйственный комплекс провинции Канвон, а предметом – механизмы взаимодействия на межрегиональном и международном уровнях, включая торговые потоки, логистическую ин-

фраструктуру и отраслевую политику. Для достижения данной цели будут рассмотрены структура и текущее состояние рыбохозяйственной отрасли региона; выявлены климатические, инфраструктурные и институциональные ограничения; оценены торговые и логистические связи с другими регионами и странами.

В исследовании используется комплексный подход, включающий элементы контент-анализа официальных документов, сравнительно-территориального анализа и вторичного анализа статистических данных. Сравнительно-территориальный анализ применён для сопоставления показателей провинции Канвон с провинцией Северная Кёнсан, обладающей схожими географическими и демографическими характеристиками, а также относимой Корейским статистическим управлением вместе с провинцией Канвон к регионам, прилегающим к Японскому морю. Обработка и интерпретация информации, представленной в источниках, осуществлялись с применением методов структурного и контент-анализа, что позволило систематизировать данные о развитии рыбохозяйственного комплекса региона и оценить характер его межрегиональных и международных взаимодействий.

В качестве источниковой базы исследования были использованы официальные сайты правительства провинции [16] и других государственных агентств [3; 11], отчёты, подготовленные Корейским статистическим управлением [13; 14] и Канвонским исследовательским институтом [4; 6; 7], данные Корейской статистической информационной службы [19], Корейской торговой ассоциации [18] и Национальной федерации рыболовных кооперативов [8], а также некоторые информационные сообщения южнокорейской прессы [5; 9; 10; 12].

Тенденции производства водных биоресурсов в провинции Канвон

На развитие рыболовной отрасли в провинции оказывают значительное влияние недостаток трудовых ресурсов и изменения в природной среде, в том числе вызванные деятельностью человека. Так, температура воды в прибрежной зоне Японского моря с 1961 по 2015 г. выросла на 1,6°C, а уровень моря с 1977 по 2016 гг. увеличился на 15,7 см, что привело к ускорению прибрежной эрозии. Кроме того, из-за изменения климата и антропогенного воздействия ускоряется опустынивание морского дна. Все эти факторы негативно влияют на естественную среду обитания многих морских промысловых видов [7, с. xiii], что имеет решающее значение для рыбохозяйственного комплекса провинции Канвон, где промысловое рыболовство преобладает над другими типами производства гидробионтов.

Несмотря на некоторое сокращение его доли за последние 20 лет, промысловое рыболовство по-прежнему обеспечивает более 84% производства гидробионтов (по состоянию на 2024 г.). Ранее этот показатель составлял 99% в 1980 г., 94% в 1990 г., 92% в 2000 г. и 93% в 2010 г. [19]. При этом в расположенной южнее на восточном побережье Кореи провинции Северная Кёнсан, имеющей в целом схожие географические и демографические характеристики, даже сейчас промысловое рыболовство приносит 93,5% улова [19]. В то же время в среднем по стране этот показатель не превышает 23% [19].

Что касается прибрежной аквакультуры, то она в провинции Канвон составляла лишь 12% общего объёма, тогда как средний показатель по стране превышает 62%. При этом в соседней Северной Кёнсан развитие аквакультуры находится на ещё более низком уровне и не превышает 5% от общего объёма производства [19]. Исключения составляют небольшие хозяйства по разведению гребешков, асцидий и водорослей (в основном ламинарии), включая участки вблизи электростанций. В то же время за последние 10 лет доля аквакультуры выросла в 4 раза (с 3%), и в настоящее время в провинции реализуется масштабный проект по развитию лососеводства, который может стать переломным для рыбохозяйственного сектора провинции Канвон [10]. Таким образом, благодаря активной позиции администрации провинции за предыдущее десятилетие была проделана масштабная работа по увеличению доли аквакультуры.

Внутреннее рыболовство стабилизировалось на уровне 2–3 тыс. т в год с 1999 г. и практически не влияет на общий объём рыбной продукции. В 2024 г. вылов составил 1870 т, включая форель (1217 т), угря (142 т), симу (139 т),

карася (108 т), малоротую корюшку (64 т), закко (81 т), окуня (22 т), сома (11 т) и др., а также некоторые виды улиток [19]. Стагнация во внутреннем рыболовстве в целом наблюдается по всей РК. В соседней провинции Северная Кёнсан объёмы уловов колеблются на уровне 1-2 тыс. т в год, а в целом по РК – 40 тыс. т [19].

Из-за сильной зависимости от морского промысла объёмы производства водных биоресурсов в провинции Канвон демонстрируют колебания с преобладанием нисходящего тренда. В 2024 г. произведено 47297 т, что составляет лишь 1,31% общенационального объёма, тогда как 10 лет назад этот показатель составлял 51560 т (1,56%), а до 1982 г. доля провинции Канвон превышала 5% [19]. Примечательно, что общий вылов соседей – кёнсанских прибрежников – выше и составляет более 108 тыс. т, поэтому и доля Северной Кёнсан в общем производстве составляет 3,5%. При этом 10 лет назад она была 4% при 133,6 тыс. т, а в 1970-е и 1980-е гг. стабильно держалась выше 5% [19].

Основной причиной снижения производства считается истощение запасов минтая: в 1974 г. его вылов достигал 55 тыс. т, в 1981 – 41 тыс. т, а с 2000 г. упал ниже 1 тыс. т, достигнув всего 10 т в 2005 г. и утратив промысловое значение. Это повлекло за собой сокращение числа и размеров судов, а также кадровый отток, усугублённый старением работников, по всему северо-востоку страны.

На 2024 г. ключевыми промысловыми видами для канвонских рыбаков остаются красный краб-стригун опилио (7180 т), камбаловые (3146 т), тунцы (1766 т), жёлтохвостая лакедра (4516 т), скумбрия (2063 т), треска (2339 т), сельдь (3896 т), рыба-фугу (1341 т), песчанка (1375 т), японская ставрида (1452 т), осьминоги (1 252 т), тихоокеанский кальмар (914 т) и трепанг (112 т) [19]. Этот набор в целом характерен для всего восточного побережья РК. В соседней Северной Кёнсан также по выловам лидирует краб-стригун опилио (21220 т), однако на втором месте находится сельдь (20384 т), а далее в десятку входят японская ставрида (9123 т), скумбрия (9053 т), камбаловые (8097 т), мелкопятнистая макрель (5499 т), жёлтохвостая лакедра (4875 т), тихоокеанский кальмар (2906 т), треска (2724 т) и сардина (2548 т) [19].

При этом нынешняя структура уловов довольно сильно изменилась по сравнению с ситуацией во второй трети XX в. из-за повышения температуры воды и антропогенного воздействия. Так, кроме катастрофического снижения уловов минтая, значительно сократились вылов тихоокеанского кальмара, сайры и японского волосозуба, а добыча теплолюбивой японской ставриды напротив выросла [19].

Особую тревогу вызывает сокращение поголовья тихоокеанского кальмара. Если в 2000-х гг. его улов превышал 20 тыс. т (за исключением 2003 г.), то после 2010 г. началось резкое снижение: в 2014 г. – ниже 10 тыс. т, в 2020 г. – 8691 т, в 2021 г. – 6232 т, в 2022 г. – 3657 т, в 2023 г. – лишь 1456 т [19]. Основные причины – перелов и климатические изменения. Рыбаки всё чаще вынуждены выходить на его промысел в воды российского Приморья.

Учитывая высокий уровень технологического развития аквакультуры в РК, провинция делает ставку на расширение морских ферм и огородов. Производство в этом сегменте постепенно растёт, хотя и отстаёт от общенациональных темпов. Оно делится на пресноводное и морское: первое связано с выращиванием водорослей, двустворчатых моллюсков и рыбы, второе – преимущественно с рыбой.

Производство водорослей (ламинарии и ундарины) началось в 1970-х гг. и достигало 2450 т, но к 2015 г. снизилось до 185 т, а в 2021 г. – до 3 т. К 2024 г. немного восстановилось до 79 т [19]. Разведение рыбы началось в 1987 г., пик – 923 т в 1997 г. Тайфун "Меми" в 2002 г. нанёс значительный ущерб, и к 2024 г. объёмы упали до 81 т – самый низкий уровень среди южнокорейских провинций [13, 14]. Также с 1991 г. развивается разведение двустворчатых моллюсков. Пик – 2371 т – был достигнут в 2000 г., с тех пор объёмы держатся на уровне 150–200 т; в 2023 г. – 180 т. Попытки разведения морского ушка не дали результата (не более 4 т) [19].

В разное время провинция Канвон делала ставку на выращивание ложного палтуса (1997–2019 гг.), камбаловых (2009–2022 гг.), форель (2016–2022 гг.). Сейчас производится только лакедра (54 т) и лосось (27 т) [19]. В 2020-х гг. начат масштабный проект с привлечением норвежских технологий.

В Чхунчхоне строится завод на 2 млн мальков, в Каннине – экспериментальный центр, в Янъяне – крупный наземный центр мощностью 20 тыс. т в год [12]. В случае успеха значительно возрастёт вклад аквакультуры в рыбопроизводство региона и уровень продовольственного самообеспечения.

Интересно, что в лососеводстве канвонцы внезапно испытали мощную конкуренцию со стороны крупнейшего рыбопромышленного хаба страны – Пусана, где в конце апреля 2025 г. южнокорейский строительный гигант GS Engineering & Construction запустил с помощью норвежских же технологий (AKVA group) первую в РК наземную ферму по выращиванию атлантического лосося по технологии рециркуляционной аквакультуры (RAS) [2].

Кроме того, Восточное управление Корейской корпорации водных ресурсов, где решаются административные вопросы, связанные с разведением рыбы, находится в городе Пхохан на территории провинции Северная Кёнсан. В этой связи Ассоциация председателей городских и районных советов провинции Канвон также в конце апреля 2025 г. приняла резолюцию с предложением о создании нового регионального управления в уезде Янъян, чтобы стимулировать продвижение проекта по развитию лососеводства [9].

Таким образом, основную долю производства гидробионтов в провинции Канвон обеспечивает прибрежное рыболовство. При этом именно оно наиболее уязвимо к климатическим изменениям, что уже выразилось в существенном сокращении производства. В этой связи власти провинции делают ставку на развитие лососеводства как будущего драйвера отрасли. Это решение своевременно, учитывая фактическую утрату минтая и кальмара – ключевых промыслов прежних десятилетий. Кроме того, статистика демонстрирует, что усилия властей уже приносят плоды, так как доля аквакультурного производства в провинции Канвон растёт, в то время как в соседней Северной Кёнсан остаётся на прежнем уровне, хотя природные условия в провинциях в целом сопоставимы.

Инфраструктура рыбохозяйственной отрасли провинции Канвон

Принимая во внимание преобладание морской добычи над остальными отраслями рыболовства, нетрудно предположить, что основные производственные мощности провинции сосредоточены в её восточной части вдоль побережья Японского моря. Главным производственным центром здесь является город Каннин, который одновременно выполняет функции экономического и административного центра региона. Из 379 предприятий отрасли, зарегистрированных в провинции в 2023 г., на которых работали 4 510 человек, 161 предприятие (1560 сотрудников) находилось именно в Каннине. К северу от него расположен ещё один важный центр – город Сокчхо (38 предприятий, 884 сотрудника), а к югу – город Тонхэ (31 предприятие, 479 сотрудников). Именно эти три муниципалитета отвечают за обработку и распределение основной части добытых в провинции гидробионтов [19].

Вдоль всего побережья располагаются т.н. "рыболовецкие деревни" (кор. очхон) - небольшие сообщества профессиональных рыбаков, официально выделенные в каждом муниципалитете. Согласно законодательству РК, такие деревни считаются территориями, расположенными вблизи рек, озёр или моря, либо в зонах, прилегающих к рыболовным портам, где основной деятельностью населения является рыболовство и/или другие виды использования морских ресурсов. Эти территории признаются носителями самобытной культуры и традиций, подлежащих сохранению и передаче будущим поколениям [11]. В провинции Канвон насчитывается всего 74 такие деревни, причём большинство из них – морские, и только 14 связаны с внутренним рыболовством [3]. При этом по всей РК в 2023 г. насчитывалось 2076 подобных поселений, а в соседней Северной Кёнсан – 174 [19]. Несмотря на малонаселенность, эти деревни играют важную роль в туристической и рыболовной инфраструктуре как центры традиционного кустарного рыболовства.

Значимость этих сообществ становится особенно очевидной при анализе состава промыслового флота провинции. Из 2749 рыболовных судов, зарегистрированных в 2023 г., 2525 или 92% относились к категории маломерных. Лишь одно судно имело водоизмещение более 100 т, остальные относились к среднетоннажным [19]. Для сравнения: в 2000 г. флот провинции насчитывал 4240 судов, из которых 3783 были маломерными, 434 – среднетоннажными, а

23 – крупнотоннажными [19]. При этом рыболовный флот Северной Кёнсан, составлявший в 2000 г. 4796 судно, к 2023 г. сократился до 3172, однако в нём доля маломерных судов составляла 87%, а также было сразу 8 судов водоизмещением более 100 т [19]. Таким образом, сейчас значимость кустарного рыболовства и рыбацких сообществ в обеих провинциях выросла, хотя в провинции Канвон она всё же находится на чуть более высоком уровне. Для функционирования этого флота вдоль побережья провинции обустроено 58 рыбных портов, в том числе: 14 – государственного значения, 14 – местного, 22 – при рыбацких деревнях и ещё 8 – малых. Вблизи этих портов работают 64 рыбных рынка аукционного типа, где рыбаки могут сразу продавать свой улов [19].

Однако одного вылова недостаточно – морепродукты необходимо сохранить до переработки или транспортировки. Поэтому объёмы и состояние холодильных и морозильных установок являются ключевыми индикаторами состояния логистической инфраструктуры отрасли. Без развитой системы хранения невозможны ни стабильная торговля, ни индустриализация распределения. На побережье Японского моря каждый рыболовецкий кооператив располагает холодильным, морозильным, ледогенераторным и льдохранилищным оборудованием. Эти мощности эксплуатируются в соответствии с объёмами переработки в каждом регионе. Помимо кооперативов, часть инфраструктуры была создана частными компаниями в коммерческих целях [6, с. 18].

По данным Национального союза рыболовецких кооперативов, на начало 2023 г. в провинции Канвон действовали 61 предприятие, обеспечивающих: замораживание 739 т в сутки (2,38% от общенационального показателя), охлаждённое хранение 78218 т (2,61%), производство 164 т льда в день (4,9%) и хранение 3765 т льда (9,33%) [8]. Учитывая, что доля провинции в общенациональном вылове составляет около 1,3%, можно заключить, что существующих мощностей достаточно для хранения всех добытых в регионе морепродуктов. Интересно, что в соседней Северной Кёнсан, несмотря на наличие почти такого же числа предприятий (62), было больше возможностей для заморозки морепродуктов (861 т в день), производства (283 т в день) и хранения льда (5995 т), но меньше площадей под хранение морепродуктов (66684 т). И это при двукратном превышении объёмов производства морепродуктов по сравнению с провинцией Канвон.

Что касается распределения улова, то в 2024 г. водные биоресурсы из провинции Канвон распределялись по форме хранения во время продажи следующим образом: 27957 т (59,11%) – как свежее выловленные, 18906 т (39,94%) – как живые и лишь 434 т (0,92%) – в замороженном виде [19]. В соседней Северной Кёнсан это 81528 т (75,4%), 26212 т (24,16%) и 759 т (0,7%) соответственно. Более высокая доля реализации живых морепродуктов в провинции Канвон может указывать на важное значение туристической составляющей, подразумевающей продажу морепродуктов конечному потребителю сразу после вылова. На это же указывает высокая доля маломерных судов.

Одновременно провинция Канвон сталкивается с ограничениями по приёму импортных объёмов водных биоресурсов, особенно из России, из-за нехватки мощностей для хранения замороженной и живой продукции. Например, значительная часть импорта замороженного минтая из России разгружается не в провинции Канвон, а в Пусане, где имеется соответствующая инфраструктура, и уже оттуда продукция распределяется по стране. Что касается краба, то даже при увеличении поставок из РФ, провинция неспособна принять значительные объёмы этой продукции. В последние годы в городе Тонхэ предпринимаются усилия по решению данной проблемы путём строительства крупного холодильного склада мощностью хранения 14641 т с прилегающими цехами для переработки, включая шоковую заморозку [1]. Этот проект стал особенно значимым после неудачной попытки реализовать подобную идею в Сокчхо, где планировалось построить "Город красного краба-стригуна" [5]. Реализация проекта в Тонхэ в период пандемии открыла новые возможности для региона. В 2023 г. была предпринята попытка использования паромной линии Тонхэ-Владивосток для импорта охлаждённого минтая [15], который ранее более десятилетия поступал в РК только из Японии, а с марта 2024 г. его поставки стали регулярными [17].

Следующим этапом после вылова и распределения продукции является её переработка. В 2023 г. в провинции действовали 379 предприятий в сфере переработки водных биоресурсов. Большинство из них располагались в Каннине (161 предприятие). Также производства есть в Чхунчхоне (47), уезде Косон (42), Сокчхо (38), Тонхэ (31), Самчхоке (16), уезде Инчже (15) и других муниципалитетах [19]. Доля предприятий, занимающихся переработкой водных биоресурсов, в общем количестве производственных предприятий провинции в последние годы составляет 4,5-5,0%, а доля занятых в отрасли – 7-8%. Это свидетельствует о высокой средней численности работников в данной сфере по сравнению с другими производственными секторами региона [6, с. 27].

Примечательно, что большинство перерабатывающих предприятий специализируются на минтае и кальмаре – видах, которые либо больше не добываются в регионе (минтай), либо вылавливаются в уменьшающихся объёмах (кальмар). Это связано как с традициями корейской кулинарии, так и с исторически сложившимися производственными паттернами, в которых минтай и кальмар занимали ключевые позиции. То есть значительная часть выловленных морепродуктов реализуется конечному потребителю в свежем или охлаждённом виде, в то время как минтай и кальмар подвергаются дополнительной переработке.

Таким образом, производственная инфраструктура рыбохозяйственного сектора провинции Канвон развита на достаточно высоком уровне. Вдоль побережья располагается значительное число портов, в том числе малых – при рыбацких деревнях, что соответствует структуре промыслового флота, ориентированного на маломерные суда. Хорошо развита инфраструктура хранения и охлаждения улова, включая современные логистические и распределительные центры. В регионе действует разветвлённая сеть предприятий переработки, ориентированная в основном на традиционные морепродукты. Однако ввиду резкого сокращения местных уловов минтая и кальмара, устойчивое функционирование части этих предприятий возможно только при условии импорта сырья.

Межрегиональное и международное взаимодействие

Согласно данным Министерства сельского хозяйства, продовольствия и сельских дел и Корейской корпорации по дистрибуции продовольствия, доля отечественного сырья в производстве переработанных продуктов из водных биоресурсов по кальмару снизилась с более чем 70% в 2011 г. [6, с. 22] до исторического минимума в связи с сокращением уловов. По минтаю она и вовсе отсутствует. В то же время 100% водоросли ким, как в свежем, так и в сушёном виде, поступают из других провинций РК и являются продукцией отечественного происхождения.

В этой связи основными точками роста для рыбохозяйственного комплекса провинции Канвон являются развитие аквакультуры, переработка импорта, укрепление логистической инфраструктуры и экспортноориентированная индустриализация. Объёмы экспорта в последние годы остаются на уровне около 40 млн долл., тогда как импорт достигает 200 млн долл. [18]. Тем не менее, отрицательное сальдо торгового баланса практически не изменилось за последние десять лет, несмотря на прогнозы увеличения импорта и роста дефицита после вступления в силу соглашения о свободной торговле между РК и КНР [6, с. 28], и РК и США [4, с. 54].

Согласно данным Корейской ассоциации международной торговли (категория МТГ 04 – морепродукты), экспорт рос до 2019 г., достигнув 54,87 млн долл., резко упал в период пандемии, снова вырос до 54 млн долл. в 2023 г., однако по итогам 2024 г. упал до 45,63 млн. Основными экспортными позициями остаются прочая переработанная продукция и краб. Причём краб стабильно занимает ключевое место в экспорте с начала 2000-х гг., достигнув пика в 2019 г. (21 млн долл.). В 2023 и 2024 гг. объёмы вновь превысили 11 млн долл. [18].

Ключевыми экспортными рынками в 2024 г. стали США (9,2 млн долл.), Гонконг (7,8 млн долл.) и Япония (6,5 млн долл.), тогда как десять лет назад лидировала Япония. Другими крупными направлениями были Вьетнам, Китай, Таиланд, Индонезия, Тайвань, Франция, Малайзия и Канада (на 2024 г.) [18]. Импорт водных биоресурсов в провинции Канвон представлен,

прежде всего, прочими крабами, переработанной продукцией, кальмаром, икрой минтая, моллюсками, сушёными морепродуктами и осьминогом. На протяжении последнего десятилетия лидером остаются прочие крабы, объёмы импорта которых неуклонно росли и достигли пика в 2021 г. – 220 млн долл. [18]. Крупнейшим поставщиком водных биоресурсов в провинцию Канвон является Россия. Импорт из неё увеличился с 27,77 млн долл. в 2010 г. до 143,34 млн долл. в 2024 г. Далее следуют Перу (32,88 млн долл.), Китай (5,85 млн долл.), Япония (4,9 млн долл.), Вьетнам (2,4 млн долл.), Филиппины (1,9 млн долл.) и Великобритания (1 млн долл.). Рост импорта с 2010 по 2015 гг. составил 190,3%, после чего темпы стабилизировались [18].

Экспорт соседней провинции Северная Кёнсан в целом повторяет динамику провинции Канвон, однако в стоимостном выражении выше, что неудивительно, учитывая большие объёмы производства морепродуктов. Так, в 2024 г. общая стоимость экспорта морепродуктов достигла 70 млн долл. При этом импорт морепродуктов в провинцию примерно сопоставим со стоимостью экспорта и в 2024 г. достиг лишь 84,86 млн долл. Причина большей сбалансированности импорта и экспорта в провинции Северная Кёнсан заключается прежде всего в том, что через порт Тонхэ провинции Канвон поставляются значительные объёмы дорогостоящего краба-стригуна опилио из РФ, которые после ввоза не только перерабатываются в провинции, но и поступают на внутренний рынок РК, не отражаясь таким образом в экспортной статистике. К примеру, в 2024 г. из 196,45 млн долл. импорта в провинцию Канвон 131,63 млн долл. или 67% составляли крабы. Для сравнения, поставки крабов в провинцию Северная Кёнсан в 2024 г. находились на уровне в 1,5 млн долл. или 1,8% от общей стоимости импорта, а основную долю (60%) составляла продукция рыбопереработки [18].

Информации о межрегиональном взаимодействии значительно меньше. Последний отчёт по этой теме был опубликован Канвонским исследовательским институтом в 2016 г. Согласно его данным, в 2014 г. 36% водных биоресурсов, произведённых в провинции Канвон, потреблялось внутри региона, 28% отправлялось в Сеул, 26% – в другие провинции, 9% – на заморозку и хранение, 1% – в Пусан [6, с. 17]. Распределение по видам продукции варьировалось. Например, 35% кальмара поставлялось в Сеул, 33% оставалось внутри региона, остальное – в другие провинции. В то же время 79% японского волосозуба потреблялось на месте, а только 21% вывозилось [6, с. 17]. Из этих данных можно заключить, что столичная агломерация является главным рынком сбыта морепродуктов из провинции Канвон, что объясняется как масштабом спроса, так и географической близостью. Пусан, как второй по значимости порт, меньше нуждается в поставках из провинции Канвон, так как сам является центром импорта.

Анализ на 2024 г. показывает, что уровень самообеспечения провинции морепродуктами составляет около 50%, что сопоставимо с показателями десятилетней давности. Это указывает на стабильность межрегиональных потоков, несмотря на изменения по отдельным видам, в частности, кальмару. Таким образом, сокращение уловов, особенно по ключевым видам, таким как минтай и кальмар, привело к снижению доли отечественного сырья в переработке и росту зависимости от импорта. При этом объёмы экспорта стабильны (около 40 млн долл. в год), но сохраняется отрицательное торговое сальдо, обусловленное ростом импорта, прежде всего из России, Перу и Китая.

Ключевыми экспортными продуктами остаются переработанные морепродукты и краб. Последний удерживает стабильную позицию в экспорте на протяжении двух десятилетий. География сбыта сместилась от Японии к США и Гонконгу, отражая глобальные изменения в потреблении. С учётом низкого самообеспечения и ограниченности сырья, стратегическими направлениями развития для рыбохозяйственного комплекса провинции Канвон являются: активное расширение аквакультуры, углубление переработки импортного сырья, оптимизация логистических процессов и экспортно-ориентированная индустриализация с акцентом на продукцию с высокой добавленной стоимостью. Учитывая близость к Сеулу и наличие базовой инфраструктуры, провинция располагает устойчивыми предпосылками для перехода от ресурсозависимой модели к более устойчивой и высокотехнологичной системе с акцентом на аквакультуру.

Заключение

Рыбохозяйственный комплекс Особой самоуправляемой провинции Канвон представляет собой важную, но уязвимую отрасль региональной экономики, развитие которой во многом определяется ограниченностью природных ресурсов, старением трудовых кадров, а также последствиями климатических изменений. Сильная зависимость от прибрежного промысла и фактическая утрата ключевых промысловых видов, таких как минтай и кальмар, поставили перед провинцией задачу переориентации отрасли на новые источники сырья и формы хозяйствования. В этой связи особую значимость приобретает развитие аквакультуры, прежде всего – проектов в сфере лососеводства, потенциально способных компенсировать спад традиционного рыболовства и повысить уровень продовольственного самообеспечения региона.

Несмотря на наличие развитой инфраструктуры – сети маломерного флота, рыбацких деревень, холодильных и перерабатывающих мощностей, – провинция остаётся весьма чувствительной к колебаниям сырьевой базы. Статистика указывает на стабильный, но ограниченный объём экспорта (около 40 млн долл. в год) при устойчивом отрицательном сальдо внешней торговли, обусловленном ростом импорта, прежде всего из России, Перу и Китая. При этом доля отечественного сырья в переработке неуклонно снижается, а уровень самообеспечения провинции морепродуктами на протяжении последних 25 лет остаётся приблизительно на уровне 50%.

Межрегиональное взаимодействие рыбной отрасли сосредоточено преимущественно на поставках продукции в Сеул и прилегающие регионы, тогда как международные связи определяются логикой импорта сырья и экспорта краба и переработанной продукции. География экспорта сместилась от Японии к США и Гонконгу, что отражает глобальные изменения в структуре спроса. В этих условиях развитие логистической и перерабатывающей инфраструктуры становится ключевым направлением, особенно при ограниченном доступе к собственным ресурсам.

Таким образом, Канвон стоит перед стратегическим выбором: либо сохранить инерционную ресурсозависимую модель, рискуя дальнейшим спадом отрасли, либо совершить качественный переход к высокотехнологичной и устойчивой системе морского хозяйства, интегрированной в национальные и международные цепочки добавленной стоимости.

Литература / References

1. Idovalue+. URL: <https://donghae.yido.com> (дата обращения: 16.04.2025).
2. Oma A. South Korea's first land-based salmon farm begins operations with AKVA group technology // AKVA group. URL: <https://www.akvagroup.com/news/south-korea-s-first-land-based-salmon-farmbegins-operations-with-akva-group-technology> (дата обращения: 16.04.2025).
3. 강원 어촌마을 현황 정보 시스템 = Система информации о рыбацких деревнях Канвондо. URL: <https://gwsealife.or.kr/map/index.php> (дата обращения: 16.04.2025). Gangwon Fishing Village Information System. URL: <https://gwsealife.or.kr/map/index.php> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
4. 강종원, 황규선, 김충재. FTA체결에 따른 강원도 농수산업의 대응방안. 한-미 FTA를 중심으로 = Кан Чонвон, Хван Гюсон, Ким Чхунджэ. Ответные меры сельского и рыбного хозяйства Канвондо на заключение соглашения о свободной торговле: на примере соглашения Корея–США. Чхунчхон: Канвонский исследовательский институт, 2012. 140 с. Kang J., Hwang G., Kim C. Response strategies of Gangwon's agro-fisheries to the FTA with focus on the Korea-US agreement. Chuncheon, 2012. 140 p. (In Kor.)
5. 구민혁. 속초 옛 붉은대게타운 웅지 민자 유치 답보 = Ку Минхёк. Привлечение частных инвестиций в территорию бывшего "Города красного краба" в Сокчхо затормозилось // KBS뉴스. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7836890> (дата обращения: 16.04.2025). Ku M. Delays in private investment for redevelopment of former Red Crab Town in Sokcho // KBS News. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7836890> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
6. 김충재. 강원도 수산업 경쟁력 강화 방안 = Ким Чхунджэ. Пути повышения конкурентоспособности рыбной промышленности Канвондо. Чхунчхон: Канвонский исследовательский институт, 2016. 116 с. Kim C. Strategies to strengthen the competitiveness of Gangwon's fisheries. Chuncheon, 2016. 116 p. (In Kor.)

7. 김충재. 강원도 수산업의 기후변화 적응과 대응 방향 = 김 Чхунджэ. Адаптация и меры реагирования рыбной промышленности Канвондо на изменение климата. Чхунчхон: Канвонский исследовательский институт, 2017. 186 с.
Kim C. Adaptation and response strategies of Gangwon's fisheries to climate change. Chuncheon, 2017. 186 p. (In Kor.)
8. 냉동냉장업 통계자료 = Статистические данные по холодильной и морозильной промышленности // 냉동냉장수협 = Ассоциация заморозки и хранения Национальной федерации рыболовных кооперативов. URL: http://www.n-suhyup.co.kr/getHtmlPageUrl.do?jspFile=/guide/naengdong/08_17_1&leftMenuCode=08_17&leftMenuIdx=08_17_1 (дата обращения: 16.04.2025).
Statistical data on refrigeration and freezing industry // Korea Federation of Cold Storage & Refrigeration Cooperatives, NFFC. URL: http://www.n-suhyup.co.kr/getHtmlPageUrl.do?jspFile=/guide/naengdong/08_17_1&leftMenuCode=08_17&leftMenuIdx=08_17_1 (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
9. 박현철. 한국수산자원공단 강원본부 양양 신설 촉구 = Пак Хёнчхоль. Призыв к созданию нового офиса Канвондо Корейской корпорации водных ресурсов в уезде Яньян // 강원도민일보 = Канвон томин ильбо. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1308170> (дата обращения: 16.04.2025).
Park H. Call for establishing a new Gangwon branch of the Korea Fisheries Resources Agency in Yangyang // Gangwon Domin Ilbo. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1308170> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
10. 배석환. 강원도, 강원형 케이-연어 산업 생태계 조성 박차 = Пэ Сокхван. Канвондо ускоряет создание промышленной экосистемы К-лососа // 수협뉴스 = Новости Сухён. URL: <http://www.suhyupnews.co.kr/news/articleView.html?idxno=32830> (дата обращения: 16.04.2025).
Bae S. Gangwon accelerates creation of the K-salmon industry ecosystem // Suhyup News. URL: <http://www.suhyupnews.co.kr/news/articleView.html?idxno=32830> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
11. 수산업 · 어촌 발전 기본법 = Основной закон о развитии рыболовства и прибрежных деревень // 국 가법령정보센터URL: https://www.law.go.kr/법령/수산업_어촌%20발전%20기본법 (дата обращения: 16.04.2025).
Framework Act on the Development of Fisheries and Fishing Villages // National Law Information Center. URL: https://www.law.go.kr/법령/수산업_어촌%20발전%20기본법 (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
12. 심예섭. 강원 수산식품 클러스터 조성사업 예타 선정... K-연어산업 생태계 조성 '청신호' = Сим Йесоп. Проект создания кластера морепродуктов в Канвондо прошёл предварительную оценку // 강원도민일보. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1290176> (дата обращения: 16.04.2025).
Sim Y. Gangwon's seafood cluster project selected for feasibility study — green light for K-salmon ecosystem // Gangwon Domin Ilbo. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1290176> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
13. 이정수. 2023년 어류양식동향조사 결과(잠정) = Ли Чонсу. Результаты анализа тенденций в аквакультуре за 2023 год (предварительные данные). 한국통계청. URL: https://kostat.go.kr/board.es?mid=a10301080400&bid=225&act=view&list_no=430057 (дата обращения: 16.04.2025).
Lee J. Results of the 2023 Aquaculture Trends Survey (Preliminary) // Statistics Korea. URL: https://kostat.go.kr/board.es?mid=a10301080400&bid=225&act=view&list_no=430057 (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
14. 이정수. 2024년 어업생산동향조사 결과(잠정) = Ли Чонсу. Результаты анализа тенденций в рыбной промышленности за 2024 год (предварительные данные). 한국통계청. URL: https://sri.kostat.go.kr/board.es?mid=a10301010000&bid=225&list_no=435155&act=view&mainXml=Y (дата обращения: 16.04.2025).
Lee J. Results of the 2024 Fisheries Production Trends Survey (Preliminary) // Statistics Korea URL: https://sri.kostat.go.kr/board.es?mid=a10301010000&bid=225&list_no=435155&act=view&mainXml=Y (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
15. 유형재. 러시아산 생대구, 동해항 첫 반입... 원전 오염수 우려 일본산 대안 = Ю Хёнчжэ. Свежевыловленный минтай из России впервые поступил в порт Тонхэ... Альтернатива японской продукции на фоне опасений по поводу сброса радиоактивных вод с АЭС // 연합뉴스. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230421061800062> (дата обращения: 16.04.2025).
Yu H. Fresh pollack from Russia arrives for the first time at Donghae Port... Alternative to Japanese products amid concerns over nuclear wastewater // Yonhap News. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230421061800062> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
16. 자연환경과 지역구분 = Природная среда и административное деление // 강원특별자치도. URL: <https://state.gwd.go.kr/portal/introduce/gangwon-do/survey> (дата обращения: 16.04.2025).
Natural Environment and Administrative Division // Gangwon Special Self-Governing Province. URL: <https://state.gwd.go.kr/portal/introduce/gangwon-do/survey> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
17. 전인수. 러시아산 생대구, 동해항에 매주 반입해 전국 출하... 일본산 대체 가능성 = Чон Инсу. Свежий российский минтай еженедельно поступает в порт Тонхэ и распределяется по всей стране... Возможная альтернатива японской продукции // 강원도민일보. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1232252>

Jeon I. Fresh pollack from Russia now arriving weekly at Donghae Port for nationwide distribution... Possible replacement for Japanese products // Gangwon Domin Ilbo. URL: <https://www.kado.net/news/articleView.html?idxno=1232252> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)

18. 한국무역협회. K-stat = Коре́йская торго́вая ассо́циация. URL: <https://stat.kita.net> (дата обращения: 16.04.2025).
Korea International Trade Association (KITA). K-stat database. URL: <https://stat.kita.net> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)
19. 한국통계청. 국가통계포털(KOSIS) = Коре́йская статисти́ческая служба. Национальный статисти́ческий портал (KOSIS). URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 16.04.2025).
Statistics Korea. Korean Statistical Information Service (KOSIS). URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (accessed 16.04.2025). (In Kor.)

Информация об авторе

Вадим Сергеевич Акуленко, канд. ист. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vakulenco@mail.ru

Information about the author

Vadim S. Akulenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vakulenco@mail.ru

Поступила в редакцию 17.04.2025

Одобрена после рецензирования 19.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 17.04.2025

Approved 19.05.2025

Accepted 26.05.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Vol. 19, № 2. С. 66–72.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 66–72.

Круглый стол
УДК 316.334.2:316.334.56:316.728:39(571)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока

Анна Юрьевна Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хакасский научно-исследовательский институт языка литературы и истории,
Абакан, Россия, vinokurova77@mail.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@togudv.ru
Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com
Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, me@serdjukov.ru
Елена Евгеньевна Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка литературы и истории,
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Ключевые слова: социальные границы, локальные сообщества, посёлки городского типа, повседневность, региональные практики, мигранты и миграции, Сибирь, Дальний Восток

При поддержке гранта РНФ № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

Для цитирования: Ардальянова А. Ю., Бляхер Л. Е., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Леонтьева Э. О., Сердюков К. Н., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И. Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 66–72.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

Round Table
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-72>

The Boundary in the Everyday Life of Regional Communities in Siberia and the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, leonid743342@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia, vinokurova77@mail.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, 012551@togudv.ru
Elvira O. Leontyeva
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com
Konstantin N. Serdyukov
Pacific Geographical Institute, FEB RAS, Vladivostok, Russia, me@serdjukov.ru
Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru
Aital I. Yakovlev
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Key words: social boundaries, local communities, urban-type settlements, regional practices, migrants and migrations, Siberia, the Russian Far East

Supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

For citation: Ardalyanova A. Yu., Bliakher L. E., Vinokurova A. V., Kovalevskii A. V., Leontyeva E. O., Serdyukov K. N., Tinikova E. E., Yakovlev A. I. The Boundary in the Everyday Life of Regional Communities in Siberia and the Russian Far East" // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 66–72. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/66-94>

Круглый стол "Граница в повседневности региональных сообществ Сибири и Дальнего Востока" проходил в разных форматах (оффлайн, онлайн, смешанный) и на разных площадках: в ноябре 2024 г. в рамках VIII всероссийской научно-практической конференции с международным участием "Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР"; в марте 2025 г. на полях XV Международной Грушинской социологической конференции, а также в марте 2025 г. на межрегиональном семинаре "Посёлки городского типа на Востоке России: социально-демографические процессы и повседневные практики локальных сообществ". Мероприятие объединило исследователей из Владивостока, Хабаровска, Якутска и Абакана. Его проведение представляется нам, с одной стороны, неким завершающим итогом реализации гранта РНФ: № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи". С другой стороны, это дальнейшее развитие темы продолжающихся и новых грантовых проектов РНФ: № 24-18-20038 "Мигранты в структуре населения Хабаровского края: социальные позиции, социальные практики и механизмы адаптации"; № 24-28-00554 "Внутри региональных миграций в России: путь с Востока на Запад"; № 25-28-00500 "Ни к селу ни к городу: трансформация образа жизни жителей посёлков городского типа в республиках Сибири и Дальнего Востока". Предлагаем читателям краткое изложение материалов данной дискуссии.

Винокурова А. В.: Уважаемые коллеги! Для начала хотелось бы прояснить понятийные основания изучения границ применительно к локальным сообществам: что такое "граница" в контексте их повседневной жизни?

Леонтьева Э. О.: Вопрос о границах – один из фундаментальных в социально-гуманитарном знании. В самом широком смысле, применимом к повседневным реалиям, граница – это то, что делает возможным существование нормы и саму процедуру нормирования, поскольку разделяет допустимое от недопустимого, дозволенное от запретного. Это социальный конструкт, задающий различие между "своими" и "чужими", между странами, территориями, собственностью, культурами, мировоззрениями и другими формами коллективной принадлежности. Различия между такими границами определяются разными типами договорённостей. Некоторые из них, например, государственные и административные, можно установить, опираясь на формальные правовые нормы. В символическом, социальном и культурном пространстве договориться о том, как провести границы, намного сложнее: здесь сталкиваются различные системы ценностей, нормы и представления, и сама возможность диалога о границе часто ставится под сомнение. Дихотомия "свой – чужой" является ключевой для конструирования границы. В целом, границы между "своими" и "чужими" представляют собой системы маркеров, позволяющие выделить (или исключить) из группы тех, кто не поддерживает её культурные образцы. При этом границы не только фиксируют различия, но и активно воспроизводят их, формируя нормативные представления о порядке, идентичности и принадлежности. Таким образом, они выполняют не столько описательную, сколько регулирующую функцию, определяя, кто является "своим", а кто – "чужим", границы очерчивают допустимые формы поведения и участия в коллективной жизни. Особенно важно понимать, что границы могут быть подвижными и изменяться в зависимости от социального контекста, политических условий или исторического момента. Они могут становиться жёсткими барьерами или, наоборот, размываться, превращаясь в зоны контакта, гибридности и культурного обмена. Исследование границ становится ключом к анализу социального взаимодействия, повседневных практик. В конечном счёте вопрос о границах – это вопрос о правилах включения и исключения, о том, кто, где и на каких условиях имеет право быть.

Винокурова А. В.: А как эти символические механизмы разграничения проявляются в конкретном социальном пространстве? Насколько чётко маркируется дихотомия "свой – чужой" в повседневной жизни небольших населённых пунктов, например, в таком гибридном, промежуточном формате, как посёлки городского типа (пгт)?

Тиникова Е. Е.: Символические границы между селом и городом в пгт проходят не столько по формальным административным линиям, сколько по устойчивым социальным представлениям, повседневным практикам и идентичностным ориентирам жителей. Пространственно "город" ассоциируется с центром: асфальт, многоэтажки, магазины и учреждения; "село" – с окраинами, индивидуальной застройкой и огородами. Повседневный уклад также различается, городской стиль жизни больше ассоциируется с потреблением услуг и культурной мобильностью, а сельский – с замкнутостью и цикличностью, подчинённой природным и аграрным ритмам. В пгт наблюдается переплетение границ городского и сельского уклада, это затрагивает и сферу досуга. Граница между досуговыми практиками города и села, конечно, является условной. Тем не менее, принято считать, что типично городскими видами досуга являются посещение театров, музеев, походы по развлекательным центрам, кафе, шопинг. К сельским видам проведения досуга, как правило, относят его различные "домашние" формы, выезды на природу и проч. В качестве "универсальных", характерных как для города, так и для села, вариантов организации свободного времени можно назвать встречи с друзьями, прогулки, занятия спортом. Результаты исследований, проведённых в республиках Саяно-Алтая (Хакасия, Тува, Алтай), показывают снижение интереса к посещению культурно-досуговых учреждений, особенно среди молодёжи. Жители пгт больше ориентируются на "сельский" досуг. Поездки в город с целью посещения театров, музеев, концертов, кинотеатров и т. п. не имеют широкого распространения, в отличие от поездок с целью совершения покупок в торговых центрах. А повсеместное распространение интернета привело к всеобщей цифровизации досуга, что ещё больше привязывает людей к дому, "одомашнивает" их свободное время.

Яковлев А. И.: В дополнение можно отметить, что символическая граница между городским и сельским в пгт – это динамичная линия, проходящая через физическое пространство, социальные различия и коллективные представления. Она может быть различной для разных групп жителей и трансформироваться в зависимости от внешних условий, например, от изменений в деятельности градообразующего предприятия или появления нового объекта соцкультбыта. В своих нарративах жители посёлков часто маркируют свою территорию как "ближе к городу" или, наоборот, как "почти деревню". Как показал наш экспедиционный опыт в пгт Якутии Жатай и Мохсоголлох, дихотомия "свой – чужой" носит сложный, многоуровневый характер. С одной стороны, компактность сообщества, высокая плотность социальных связей, пересечение семейных и профессиональных кругов создают плотное "поле узнавания", где "свой" – это тот, кого знают лично или знают, "чьих он будет". Здесь "чужой" часто определяется не только как приезжий или мигрант, но и как человек, не встроенный в локальные отношения, например, новый сотрудник, переехавший из другого населённого пункта или региона, или даже местный, но "не наш" по стилю жизни или поведению. С другой стороны, именно гибридность пгт как промежуточного формата между городом и селом создаёт дополнительные оттенки восприятия "своих" и "чужих". Жители центра нередко воспринимаются как "чужие" на окраинах и наоборот. В свою очередь, новые группы, например, "улусные", вахтовики, сезонные работники, мигранты из стран СНГ могут быть восприняты как временные "чужие", которым не приписывается полномасштабное членство в сообществе, даже если они активно включены в его экономику. Таким образом, в повседневной жизни пгт "чужой" – это не только тот, кто пришел извне, но и тот, кто по каким-либо причинам "не вписался" в норму, привычный ритм, локальные ожидания. Дихотомия "свой – чужой" здесь жива, но её границы постоянно переопределяются и опираются на культурные, социальные и пространственные критерии одновременно.

Винокурова А. В.: Особый интерес представляет вопрос о влиянии границы на мобильность населения, какие здесь возникают барьеры и воз-

возможности? Как воспроизводятся границы в локальных нарративах и каковы повседневные практики взаимодействия с границей?

Бляхер Л. Е.: В качестве одного из основных механизмов преодоления барьерных свойств границы и, напротив, реализации её контактных функций выступает миграция. Однако, представляется, что всё большее усложнение структуры миграции, высокая гетерогенность миграционных потоков ведёт не столько к преодолению границ, сколько к формированию новых в исходно едином пространстве. Модельными ситуациями в этом смысле могут выступать небольшие периферийные города, которые служат точками входа миграционных потоков, связанных с "новым освоением" северных территорий Сибири. Так, малый город Усть-Кут (около 36 тыс. жителей) на севере Иркутской области, является не только отправной точкой БАМа и "северного завоза" в Якутию по р. Лене, но и площадкой для реализации крупного промышленного проекта – строительства Иркутского завода полимеров. Масштабы проекта существенно превосходят человеческие ресурсы города: число занятых в строительстве оценивается в 7 тыс., в эксплуатации – более 1,5 тыс. человек. Учитывая нерелевантность профессионально-образовательной структуры местного населения профилю проекта, строительство и последующая эксплуатация завода порождает значительную входящую миграцию. В результате в последнее десятилетие в городе постоянно находятся довольно крупные группы мигрантов из России и зарубежья. Несмотря на то, что подавляющая часть мигрантов в городе присутствуют лишь транзитом, городские локальности, через которые он проходит, всё более отчётливо маркируются как "мигрантские". И это не только привокзальная площадь города – локальность традиционно пограничная, но и значительная часть центральных улиц, с которыми совпадает маршрут транзитного потока. Временные для города мигранты становятся постоянным "социологическим фактом, который принимает пространственную форму" [6], выделяя мигрантскую локальность из тела города. Ещё более рельефная граница образуется при строительстве нового микрорайона для будущих сотрудников завода. Вынесенная за пределы сложившейся застройки и предназначенная исключительно для сотрудников предприятия, эта локальность не просто конструирует границу между "местными" и "пришлыми", но буквально манифестирует её барьерную функцию. Мощные миграционные потоки стирают границы между периферией и "центром", включают город в "большой мир". Но одновременно они же конструируют новые границы в пространстве повседневности. И если первые редко оказываются значимыми для жителей, то вторые прямо определяют не только набор практик, но доминирующие дискурсы о мигрантах, миграции и границах.

По сути, границы должны препятствовать мобильности, как уже было отмечено выше, задавать различие между "своими" и "чужими". Важнее здесь факт признания различия в качестве границы. И форма поддержания границы, и форма пересечения связана с системой ритуалов (от поведения на таможне при пересечении государственной границы, до знания местных речевых и культурных особенностей при пересечении границы локального сообщества). Большая часть населения благополучно существует внутри границ. Но возможна ситуация, когда сообщество начинает осознавать само своё существование как проблему. Нечто подобное произошло в начале 1990-х гг. на Дальнем Востоке (ДВ) России, при исчезновении смысла "региона-крепости". Люди, связанные с этой идеологемой, составили основу "западного дрейфа" 90-х. В этот период трудоизбыточный регион сбросил "лишнее" население. Оставшееся вполне успешно адаптировалось через использование трансграничных связей и обретения новой идентичности ("мы – те, кто выжили"). Сложилось то, что можно обозначить как территориальное сообщество и локальную экономику. Но специфика центр-периферийных связей в стране такова, что локальная, обслуживающая нужды территориального сообщества экономика просто не видна из центра. В "пустом" регионе начинает реализовываться мегапроект. Возникает острая нехватка трудовых ресурсов. Она возполняется трудовыми мигрантами, в основном из Центральной Азии (ЦА). Как показывают результаты наших исследований (грант РНФ № 24-18-20038, <https://rscf.ru/project/24-18-20038>), поток из этого региона на ДВ шёл весь постсоветский период. Но в тот момент миграция осуществлялась в основном через "земляков", прибывших ещё в период СССР, адаптированных в терри-

торияльном сообществе. В этом виде миграция проблемой не являлась. "Чужими" в тот период воспринимались выходцы из Китая. А после 2010–2012 гг. место "чужих" прочно занимают мигранты из ЦА. Относительно этих "чужих" и выстраиваются новые границы: этнические, религиозные, языковые.

Винокурова А. В.: А вот насколько миграция разрушает, а не воссоздаёт границы: физические, символические, нормативные? И не становится ли она в ряде случаев тем самым механизмом, с помощью которого "граница" не только репродуцируется, но и обретает новые формы?

Ковалевский А. В.: За последние годы, в рамках ряда научных проектов (грант РНФ № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554>; грант РНФ № 24-18-20038, <https://rscf.ru/project/24-18-20038>), мы раз за разом фиксировали единый сюжет, в центре которого стоит идея миграции как попытка обретения свободы. В числе прочего свобода отмечается как ключевой ресурс, получаемый при перемещении через границу. Парадоксальным становится то, что часто ощущение свободы сопровождается включённостью в новые системы ограничений. Наши исследовательские кейсы – трансмиграция жителей ДФО России в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) и трудовая миграция из стран ЦА в РФ – демонстрируют, как ограничения принимающего сообщества могут интерпретироваться мигрантами как временные, незначимые или даже желательные. Здесь мы использовали метафору "клетки", понимаемую как система формализованных правил, ограничивающих действия индивида [3]. В данном контексте "чужая клетка" – это институциональное и нормативное пространство принимающего сообщества, в которое включается мигрант. Так, например, молодёжь в возрасте 20–35 лет из российских дальневосточных регионов, переезжая в ЮВА, описывают свою миграцию в категориях свободы и психологического комфорта [4]. Пространства, где действует внешний контроль, например, визовый режим, культурные табу, не воспринимаются как ограничивающие, поскольку не затрагивают ключевые повседневные практики мигранта. Следовательно, контроль выполняет роль "чужой клетки", которая не способна ограничивать привычные сценарии. А вот мигранты из ЦА, первоначально воспринимавшие российское общество как более свободное, сталкиваются с растущим институциональным контролем и социальной стигматизацией [2]. Усиление миграционного регулирования, этнизация правоприменительной практики и культурная дистанция усиливают восприятие "чужой клетки" как репрессивной, превращая её в "клетку для чужих".

Винокурова А. В.: Тем самым встаёт вопрос: каким образом мигранты оказываются не только в пространстве правовых или, допустим, экономических ограничений, но и в символической изоляции, задаваемой коллективными представлениями и медийными штампами?

Сердюков К. Н.: Контент-анализ российских СМИ уже много лет демонстрирует чрезвычайно высокий уровень негативной риторики, связанной с иностранными мигрантами, в первую очередь из стран ЦА. Основными темами публикуемых материалов являются административные правонарушения и уголовные преступления, а также результаты деятельности правоохранительных органов, направленной на предотвращение угроз, исходящих от мигрантов. Сформировался масштабный и весьма устойчивый стереотип, согласно которому иностранные мигранты в России опасны, необычайно криминогенны и являются мощным источником социальной дестабилизации. Паттерн **"мигранты – преступления"**, стабильно повторяющийся в информационной повестке, создаёт впечатление о наличии чёткой причинно-следственной связи. Однако есть ли доказательства того, что иностранцы в нашей стране совершают преступления чаще, чем местные жители? Как показывает проведённый нами анализ [5], вопреки распространённому мнению, криминальная активность иностранных граждан **не превышает аналогичные показатели** постоянного населения России в целом. Всё это свидетельствует о явной подмене рациональной оценки негативным нарративом, который, вопреки имеющимся статистическим данным, определяет отношение местного населения к приезжим. Данные обстоятельства выталкивают мигрантов за пределы символического социума, сводя всю миграционную тематику к риторике противопоставления **"мы – они"**, а сам процесс иностранной миграции рассматривается принимающим сообществом лишь как системная проблема. Вместо интеграции мы получаем маргинализацию, вместо диалога – отчуж-

дение. Ключевым вектором преодоления этого кризиса репрезентации могла бы стать переориентация медиадискурса с конфронтационной риторики на **просветительскую** парадигму.

Винокурова А. В.: А как ещё нарративы о мигрантах, присутствующие в медийной повестке и в общественном сознании, вплетаются в ткань повседневной региональной жизни? Например, как религиозность мигрантов становится одним из ключевых маркеров, определяющих границы "своих" и "чужих"?

Ардальянова А. Ю.: С появлением мигрантов постепенно меняется религиозный ландшафт региона. В этой связи мне бы хотелось переключить наше внимание на границы, которые отделяют как религиозные сообщества друг от друга, так и "религиозное" от "светского". Для ДВ характерно больше второе, нежели первое. В медиадискурсе и общественном сознании особо чётко ощущается граница, возводимая не между "чужими" мигрантами-мусульманами и, скажем, "своими" православными, а между проявлениями религиозности кого бы то ни было и рутинной повседневностью местных сообществ. Жители дальневосточных регионов маркируют всех мигрантов как мусульман и всех мусульман как мигрантов. И возникает вопрос: а насколько религиозны мигранты-мусульмане? Опираясь на данные проведённых нами исследований (грант РНФ № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113>), можно утверждать, что религиозность мигрантов, особенно молодых, сводится скорее к традиции, чем к острой потребности [1]. Религиозные практики входят в пространство личных границ, но из-за специфики ислама они имеют свойство нарушать личные границы других людей. Именно коллективная молитва и именно в пятницу вечером, намаз по расписанию пять раз в день, необходимость омовения перед молитвой, особые пищевые практики и т. п., всё это элементы, соприкасаясь с которыми граница как минимум становится ощутимой, а порой и нарушается. Хотелось бы озвучить ещё один тезис. Сегодня обозначается граница между реальным и виртуальным пространством религиозной практики мигрантов-мусульман. Молодёжь всё больше предпочитает смотреть и слушать проповеди в сети. Однако каково содержание этих проповедей? Понимают ли сами слушатели во что они вовлекаются? В связи с этим возрастает роль того реального религиозного сообщества, которое доступно мусульманам в регионе в виде мечети или молельного дома, так как когда мигрант-мусульманин посещает мечеть, он пересекает эту виртуальную границу и "выходит из телефона". При этом сами представители религиозных организаций готовы осуществлять медиасопровождение своей деятельности и создавать "виртуальные" мечети, для чего создают специальные каналы и сайты, снимают ролики, ведут подкасты.

Винокурова А. В.: Подводя итоги нашей дискуссии, отмечу, что социальные, культурные, символические границы играют ключевую роль в организации повседневности локальных сообществ. Показательным примером являются посёлки городского типа, где границы между "своими" и "чужими" обретают особую чувствительность. Также границы переопределяются в зависимости от миграционных потоков, медийных нарративов, различных повседневных практик. Современные вызовы требуют более глубокого анализа механизмов включения и исключения, а также переосмысления роли границы как инструмента не разделения, а диалога и сотрудничества.

Коллеги, большое спасибо за интересные выступления, считаю, что обмен мнения состоялся и был весьма содержательным.

Литература / References

1. Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. "Каждую пятницу в мечеть ребята ходят": религиозные практики молодых мигрантов в условиях якутской повседневности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 23–30. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30>
Ardalyanova A. Yu., Yakovlev A. I. "Every Friday Guys Go to the Mosque": Religious Practices of Young Migrants in the Context of Yakutian Everyday Life // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 23–30. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/23-30> (In Russ.).
2. Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В., Леонтьева Э. О. Этничность как стигма: взаимодействие волн миграции на Дальнем Востоке России // Вестник Томского государственного

- го университета. *Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 163–181. <https://doi.org/10.17223/1998863X/76/16>
- Bliakher L. E., Kovalevskii A. V., Leontyeva E. O. Ethnicity as a Stigma: Interaction of Migration Waves in the Russian Far East // *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024. Vol. 76. P. 163–181. <https://doi.org/10.17223/1998863X/76/16> (In Russ.).
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016–2019.
Weber M. *Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology*. Vols. 1–4. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016–2019. (In Russ.).
 4. Ковалевский А. В. Мерцающий город: взгляд на Хабаровск у различных поколений трансмигрантов // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 10. С. 1863–1874.
Kovalevskii A. V. The Shimmering City: a View of Khabarovsk by Different Generations of Transmigrants // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 17. Issue 10. P. 1863–1874. (In Russ.).
 5. Сердюков К. Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11. № 3. С. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716>
Serdyukov K. N. Crime of Foreign Migrants in Russia: Facts and Speculation // *Demographic Review*. Vol. 11. Issue 3. P. 88–101. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22716> (In Russ.).
 6. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: "Владимир Даль", 2008. 285 с.
Filippov A. F. *Sociology of space*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008. 285 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: leonid743342@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@togudv.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Константин Николаевич Сердюков, канд. соц. наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: me@serdjukov.ru

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: leonid743342@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@togudv.ru

Elvira O. Leontyeva, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Social and Medical Geography, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: me@serdjukov.ru

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Научная статья
УДК 327:001.891
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

О холистическом подходе в теории международных отношений

Татьяна Александровна Алексеева

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва, Россия, ataleks@mail.ru

Александр Петрович Минеев

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва, Россия, mineyev@list.ru

Аннотация. Отталкиваясь от явления оптической голографии, обсуждается онтологическая проблема "целое–части" применительно к теории международных отношений. Делается попытка переосмысления устоявшегося в ТМО взгляда, подразумевающего под "целым" совокупность "частей" – суверенных государств. Рассмотрены "кейсы" этнической и религиозной составляющих в современных политических процессах. Делается предположение, что "целое" в ТМО раскрывается тем или иным наблюдателем и / или способом лишь частично – в меру оснащённости определённым культурным тезаурусом, что, в свою очередь, указывает на необходимость межкультурного диалога и его ключевой роли в сборке и постижении "целого", по-видимому, принципиально недоступных отдельным субъектам международных отношений в отсутствие диалога между ними.

Ключевые слова: *проблема "целое–части", голография, холизм, скрытый порядок, межкультурный диалог*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-01045, <https://rscf.ru/project/23-18-01045>

Для цитирования: Алексеева Т. А., Минеев А. П. О холистическом подходе в теории международных отношений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 73–84.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

On the Holistic Approach in the Theory of International Relations

Tatyana A. Alekseeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, ataleks@mail.ru

Alexander P. Mineyev

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, mineyev@list.ru

Abstract. Based on the phenomenon of optical holography, the ontological problem of the "whole-part" is discussed in relation to the theory of international relations. An attempt is made to rethink the established view in the IR theory, which implies by the "whole" a set of "parts" – sovereign states. The "cases" of ethnic and religious components in modern political processes are considered. An assumption is made that the "whole" in the IR theory is revealed by this or that observer and/or method only partially – to the extent of being equipped with a certain cultural thesaurus. This, in turn, indicates the need for intercultural dialogue and its key role in the assembly and comprehension of the "whole", which are inaccessible to the subjects of international relations separately – in the absence of dialogue.

Key words: *whole-part problem, holography, holism, implicate order, intercultural dialogue*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant № 23-18-01045, <https://rscf.ru/project/23-18-01045>

For citation: Alekseeva T. A., Mineyev A. P. On the Holistic Approach in the Theory of International Relations // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 73–84.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

Введение

Изначальным импульсом к написанию предлагаемой статьи послужила работа Пэн Чэнсиня [15], опубликованная в специальном выпуске *Европейского журнала международных отношений*, посвященном 25-летию этого издания. Представленные в этом выпуске статьи, согласно анонсированному редакцией девизу, объединял акцент на междисциплинарные аспекты ТМО. В это же время и ряд наших публикаций был сосредоточен на этих аспектах, а точнее – на тех переосмыслениях ТМО, которые представляются необходимыми в связи с кардинальными изменениями в "картине мира", произошедшими вследствие революционного развития физики (в частности, квантовой механики) за последнее столетие [3; 4; 5]. О стремительно нарастающем исследовательском интересе к квантово-механическим концепциям применительно

к ТМО свидетельствует и недавно изданный в Оксфорде сборник статей под редакцией Дж. дер Дериана и А. Вендта [16]. Эти и ряд других публикаций дают основания говорить о "квантовом повороте" (и даже о "перманентно происходящей квантовой революции" [12]) в теории международных отношений, который в работе [15] сопоставляется (а в определенном смысле противопоставляется) с так называемым "реляционным поворотом".

Суть последнего Пэн Чэнсинь определяет формулой: фундаментальная реальность – это не независимые вещи, но – отношения (*the fundamental reality is not independent things, but relations*) [15, с. 15]. Очевидно, более или менее расширенное толкование столь лаконичного утверждения неизбежно уводит на необозримые просторы онтологической дискуссии, уходящей корнями в глубокую античность. Но, если всё же попытаться найти прикладной смысл фундаментального главенства "отношений" над "независимыми вещами" в контексте МО, то вполне приемлемо в качестве "нулевого приближения" сказать: то, что привычно принято считать субъектами МО (государства, международные союзы и блоки), – вовсе не "независимые твердые бильярдные шары", взаимодействующие между собой по определенным законам и тем самым рисуящие мировую картину международных отношений, а всего лишь продукты, производные отношений, при том – не только международных в принятом смысле этого слова. Эволюционируя по присущим им законам, которые ещё только предстоит постичь (как, впрочем, и дать строгое определение самой реляционности [12; 15]), эти отношения формируют переменчивый узор мировой политики.

Но в таком случае может возникнуть соблазн утверждать, что "отношения" предшествуют "вещам", в то время как здравый смысл подсказывает, что отношения существуют всё-таки между вещами и потому не могут не испытывать обратного воздействия на себя со стороны последних.

Пэн Чэнсинь усматривает в такой постановке проблемы полную аналогию с неразрешаемой дилеммой "яйцо–курица" и предлагает выйти из создавшегося затруднения при помощи привлечения к рассмотрению явления голографии, где соотношение частей и целого наглядно демонстрируют их неразрывность и тем самым, по мнению автора работы [15], дают ключ к более глубокому онтологическому пониманию природы взаимопроникновения "вещей" и "отношений", в том числе и применительно к ТМО.

В настоящей статье мы хотели бы проанализировать некоторые положения, содержащиеся в работе Пэн Чэнсиня, не ограничиваясь при этом лишь указанием на ряд слабых мест в основополагающих посылах предпринятого им исследования, но, скорректировав и упрочив их, попытаться уточнить и развить предложенные автором работы [15] идеи о применении подсказанных современной физикой онтологических основ к теории международных отношений.

Начать следует с того, что термин "квантовая голография" (*quantum holography*), используемый в работе [15] в качестве ключевого, если не сказать – опорного, как минимум, не релевантен, поскольку явление голографии описывается в рамках чисто классической физики [13], а именно – теорий Френеля и Фурье, созданных в первой трети XIX в., когда о квантовой механике не было и слуху. Другое дело, что широкое применение голографии стало возможным лишь с изобретением лазеров (которые иначе называются оптическими квантовыми генераторами), способных обеспечить высокую монохроматичность излучения – необходимого условия получения голограмм высокого качества. Так что голография связана с квантовой физикой скорее технологически – через использование лазеров, основанных в своём устройстве на квантовых эффектах.

В то же время имеется ещё одна сторона этой опосредованности, которую можно обозначить как онтологическую. Дело в том, что сам феномен голографии разрушает статус строго определенной локализации в пространстве и времени субъектов физического взаимодействия, что подсказывает и вовсе эпатирующее здравый смысл направление онтологических размышлений, а именно указание на некое *пре-пространство* (*pre-space*), в котором отсутствуют категории как координат, так и времени, но они, тем не менее, проявляются в нашем привычном мире благодаря непрерывному процессу сворачивания явного порядка (*enfolding of explicated order*) – в неявный, скрытый

(*implicated*) и непрерывного "встречного" разворачивания (*unfolding*). Процессов, в совокупности определяемых как голодвижение (*holomovement*) [10; 14, с. 20–21].

Перечисленный понятийный набор был введён в научный обиход физиком Дэвидом Бомом и получил законченное концептуальное оформление в ставшей широко известной книге, написанной им в соавторстве с Бэзилем Хайли "*Неразделенная вселенная: онтологическая интерпретация квантовой теории*" [11].

Пэн Чэнсинь сполна опирается в своей работе [15] на терминологию Бома, чтобы обосновать присутствие голографических черт в контексте ТМО. Однако, по нашему мнению, делает это не всегда достаточно убедительно. Тем не менее, нам представляется важной попытка автора работы [15] связать фундаментальные онтологические идеи учения Бома с задачами, стоящими перед теорией международных отношений.

Явление голографии: краткое повторение и онтологические перспективы

Слово "голография" сегодня уже привычно ассоциируется со способом получать объёмное изображение объекта, которое нередко именуют голограммой. Между тем, если первое требует уточнения: "далеко не единственного способа", то второе просто неверно, поскольку голограмма – не изображение объекта, а некоторый, мало что говорящий наблюдателю узор штрихов, который может быть превращён в изображение объекта лишь при помощи так называемого реконструирующего луча.

Сам же "узор" представляет собой интерференционную картину от наложения двух других лучей – объектного и опорного. Это две идентичные половины исходного луча, разделенного полупрозрачным зеркалом, так что один из лучей, отражаясь от объекта, направляется на экран, а второй – поступает туда в своём первоначальном виде. В результате в каждой точке экрана, в качестве которого обычно используется фотопластинка, световые волны двух лучей либо усиливают друг друга (в случае совпадения или близости их фаз), либо – ослабляют (вплоть до нуля), когда оказываются в данной точке в противофазе. Таким образом, на проявленной фотопластинке – голограмме – тёмные участки будут чередоваться со светлыми. Для получения объёмного голографического изображения объекта этот узор необходимо осветить реконструирующим лучом той же длины волны, что и объектный, и опорный.

При этом реконструкция изображения объекта может быть осуществлена при освещении *любого* участка голограммы: если фотопластинка разобьётся, мы сможем получить изображение объекта, освещая реконструирующим лучом *любой* из осколков.

Не удивительно, что столь наглядный физический эффект инициировал творческую активность исследователей, размышлявших о проблеме "целое–части" в её социологическом измерении, в частности, в контексте международных отношений. Склонности оттолкнуться в научных построениях от феноменологической аналогии не обошёл и такого мэтра ТМО, как известного конструктивиста А. Вендта, утверждающего, что государство – это голограмма, в которой части-граждане неразрывно связаны воедино при помощи общего языка, и что такой концептуальный подход содержит в себе мощный потенциал для понимания неисследованной пока природы международных отношений [18 с. 271]. Пэн Чэнсинь, следуя в фарватере мысли Вендта, распространяет эту аналогию на международное сообщество, приписывая ему роль "целого", голографически связанного с "частями" – отдельными государствами [15].

Вполне допуская перспективность подобного ассоциативного направления исследований в ТМО, мы все же предлагаем прежде внимательно взглянуть на проблему "целое–части", оставаясь поначалу в рамках явления оптической голографии как такового и лишь затем пытаться рассматривать возможные азимуты распространения голографического подхода к иным феноменам, в том числе – социальным.

Итак, в отличие от обычной фотографии, которая, как известно, даёт поточечное изображение объекта съёмки, голография считывает объект целиком, кодируя информацию о нём в виде интерференционной картины (голограммы), не имеющей с нашим зрительным восприятием объекта ничего

общего, и лишь затем расшифровывает её при помощи реконструирующего луча – восстанавливает до узнаваемого изображения. Попробуем разобраться, что в этой череде преобразований играет роль "целого", а что – "частей".

В качестве пробного шага представляется резонным отвести роль "целого" *изображению* объекта. Тогда при рассмотрении обычной фотографии ответ на поставленный вопрос достаточно очевиден: "целое" будет слагаться из его отдельных фрагментов, независимо от способа фрагментации: по каким бы случайным линиям ни разорвать фотографию, мы можем восстановить изображение, аккуратно сложив обрывки, т.е. "целое" окажется суммой "частей".

Иное дело голография. Здесь, говоря об изображении объекта как о "целом", необходимо будет уточнить, что мы имеем в виду под *изображением* – зримый и узнаваемый результат действия реконструирующего луча или хитросплетение штрихов интерференционного узора на фотопластинке. В первом случае нас безусловно будет смущать упомянутое выше свойство получать изображение *всего* объекта на основе любого из осколков (участков) фотопластинки. Здравый смысл, кажется, должен будет отказаться от такого "целого", реконструированного из произвольно выбранного фрагмента промежуточного продукта – ведь это всего лишь фрагмент и, значит, при его формировании исходная целостность должна быть хотя бы отчасти утрачена. Но коль скоро при освещении *фрагмента* голограммы реконструирующим лучом изображение объекта *целиком* всё-таки узнаваемо проявляется, остаётся предположить, что оно не содержит информационной полноты, закодированной не в отдельных её участках, а лишь во *всей* голограмме. Однако, приняв последнюю за "целое", мы неизбежно испытаем трудности, попытавшись разделить его на "части", ведь из вышесказанного вытекает, что всякая из них в своем происхождении будет содержать информацию, собранную со *всей* площади исходного объекта. И где тогда проходит черта сущностно отделяющая такое "целое" от его частей?

Таким образом, разбираясь в проблеме "целое-части" в её голографическом контексте, целесообразнее принять за "целое" именно голограмму – интерференционный узор, возникающий при наложении объектного и опорного лучей на *всей* площади экрана, т.е. взятый *целиком*, без изъятия хоть малейшего его фрагмента.

Но, как следует из изложенного выше, выбор того или иного набора "частей" голограммы потребует определенного обоснования в отличие, скажем, от разборки часового механизма на отдельные шестеренки и пружинки, которые самими своим структурно-функциональным содержанием подсказывают, что именно они являются "частями целого". Их нетрудно пересчитать, в отличие от "частей" голограммы, множество которых несчётно. Действительно, выбирая какой-либо фрагмент, мы можем затем мысленно "подвинуть" его в любую сторону и на любую (в пределах экрана) дистанцию и вновь обретём информацию, необходимую для воспроизведения изображения исходного объекта. Понятно, что таких "смещений", как и случайных очертаний и месторасположений начального, наугад выбранного фрагмента, мы можем произвести в несчётном количестве вариантов. Но главное различие в том, что "целое" голограммы *присутствует в каждой* из своих частей, как бы мы их ни выделили из этого "целого", а "целое" часов – ни в одной.

Тут, правда, следует сделать важную оговорку, касающуюся самого существа холизма. Что мы пытаемся вложить в утверждение "целое – главное, важнее, фундаментальнее своих частей"? Что оно предшествует им – то ли хронологически, то ли как-то сущностно, если угодно – "конституционно"? Что оно неразрывно с ними, неотделимо от них? Нетрудно видеть, что, пытаясь ответить на эти вопросы, нам следует постоянно оглядываться на принимаемые определения "целого" и "частей", по необходимости уточняя их.

Так, например, если под часовым механизмом мы подразумеваем "целое", то вряд ли станем настаивать на его хронологическом предшествовании частям-шестерёнкам: представляется достаточно очевидным, что прежде чем собрать часы, надо изготовить детали. Но, если "целое" это – *замысел* механизма, точно определяющего время, то и изготовление *каждой* шестерёнки потребует точного соответствия этому замыслу, и, значит, "целое" часов в этом смысле действительно будет хронологически предшествовать его "частям".

Пэн Чэнсинь, пытаясь по его собственному выражению "заполнить концептуальный пробел" между голографией и международными отношениями, тем не менее, избегает точного определения "целого" в МО, подразумевая под ним то международное сообщество в расхожем смысле этого словосочетания, то дополняя его экологической составляющей, то говоря о некоей, не постигнутой пока до конца целостности, включающей по умолчанию буквально всё на свете.

В настоящей статье мы хотели бы несколько аккуратнее исследовать саму правомерность, а значит и потенциальную плодотворность холистического подхода к ТМО, с тем, чтобы попытаться обозначить возможные азимуты его дальнейшей применимости.

Холизм в международных отношениях

Первое, что хотелось бы обсудить, это постоянно присутствующий в работе [15] соблазн уподобить политическую карту мира голограмме в том смысле, что всякая страна ("часть") несёт в себе черты мирового – "целого". Однако, во-первых, далеко не всякое государство (в отличие от *любого* участка голограммы) полновесно и равновелико предъявляет *все* черты "целого". Скажем, изобразительное искусство исламских государств не может дать нам полного представления о мировой живописи в силу коранического запрета изображать людей и животных. Во-вторых, сам по себе выбор государств как "частей" не может считаться *a priori* бесспорным, он скорее сродни не голограмме, а шестерёнкам часового механизма, предопределяющим структуру "целого". В-третьих, если сворачивание "целого" в "части" (*enfolding* по Бому) при формировании голограммы происходит одинаковым для *всех* её участков способом, то вряд ли можно утверждать, что подобное единообразие механизмов имеет место при проекции общемирового устройства на отдельные участки политической карты мира.

Мы полагаем, что более обстоятельное обдумывание приведенных возражений сможет указать на иные основания приложимости холистических идей к теории международных отношений.

Выше на примере механических часов мы отмечали определенную зависимость конечных умозаключений от начального приписывания свойств частей и целого тем или иным сущностям. Вернёмся к этому рассмотрению и представим себе, что, приняв за "целое" часов циферблат, мы руками подвигнем минутную стрелку к некоторому выбранному положению. При этом мы обнаружим, что и часовая стрелка будет вращаться в том же направлении. Одной из гипотез, объясняющих наблюдаемое явление, будет предположение, что под видимым циферблатом скрыто нечто, сцепляющее стрелки каким-то замедляющим ход часовой стрелки по отношению к минутной способом. Но ещё до того, как заглянуть под крышку часов, чтобы разобраться в природе такого сцепления, можно будет сделать чисто феноменологический вывод: всякому положению минутной стрелки соответствует лишь двенадцать положений часовой – в одинаковой пропорции, делящим промежуток между цифрами циферблата. Иными словами, "целое" не есть простая, по нашему произвольному выбору композиция автономных частей, но – нечто иное, взаимосвязанное с ними какими-то скрытыми законами.

Если мы теперь заглянем под крышку часов, то наши онтологические выводы будут несколько иными, если не сказать противоположными: целое вполне объяснимо взаимодействием автономных частей – механических деталей, – и взаимозависимость их движения может быть строго описана причинно-следственными цепочками. Иначе говоря, целое будет сводимо к своим недвусмысленно определенным отдельным частям.

Этот пример может служить наглядной (пусть и несколько грубоватой) иллюстрацией противопоставления двух мировоззрений: холизма и редукционизма.

Последний подразумевает следующее: отыщите части, откройте законы, по которым они взаимодействуют, и вы получите полную и предсказуемую (детерминированную) картину целого. Принципиальных ограничений в познании мира здесь нет, лишь – технические, связанные с усложнением по

мере увеличения количества частей. Такой подход принято ещё обобщенно обозначать как ньютонианство¹.

Холизм, в свою очередь, как учение, постулирующее первичность, главенство целого по отношению к частям, размывает контуры самого понятия "части", поскольку отныне они становятся не строго очерченными, автономными сущностями, но зависимыми от состояния целого и, следовательно, от – совокупного состояния их самих. Возрождению холизма как онтологии в решающей степени послужила квантовая теория, особенно рельефно и артикулировано проявленная в этом измерении Д. Бомом [9]. В учении Бома фундаментальную роль играет так называемый *скрытый порядок* (*implicate order*), который содержит множество равнозначимых ипостасей, но проявляется в виде *явного порядка* (*explicate order*), доступного для наблюдения (измерения), лишь в одной из них – круциально зависящей от "ракурса" наблюдения и / или инструмента, прибора измерения.

В нашем примере с часами можно сказать, что неделимое целое это – совокупно и циферблат, стрелками показывающий время, и весь ансамбль шестерёнок, собранных в движущийся механизм. Последний для наблюдателя, смотрящего на циферблат и наблюдающего *явный порядок* в виде расположения стрелок, представляет собой одну из составляющих *скрытого порядка* – наряду с конструкторским замыслом, технологическим процессом изготовления деталей и механизмом передачи вращения шестерёнок во вращение стрелок, которое и видит наблюдатель. Но *онтологически* неделимое целое это – вся совокупность перечисленных и, возможно, упущенных из перечисления составляющих скрытого порядка. Для наблюдателя, заглянувшего под крышку часов, *явным порядком* будет представляться картина сцепленных между собой шестерёнок передающих вращение друг другу. А скрытым – тот же набор, что и для наблюдателя циферблата.

Иначе говоря, *скрытый порядок* и есть *целое*. При этом, называя его составляющие, мы никогда не можем быть уверенными в полноте перечня и, значит, в полном понимании того, как *части* соотносятся с *целым*? В ньютонианском подходе определение частей и полнота их набора представляются довольно очевидными. Принимая холистический подход, мы вынуждены давать определение его частям, формулировать критерии, признаки, обеспечивающие обоснование самого понятия *часть*, а значит, через него и – уточнение понятия *целого*.

Невольно могут возникнуть сомнения в самой востребованности идеологии холизма – ведь в рамках ньютонианского редукционизма (атомизма) мы прекрасно можем понимать, конструировать и даже предсказывать не только ход часов, но и великое множество иных вещей, объясняющих окружающую действительность. Вот и в теории международных отношений мы как будто отыскивали "атомы"-государства, *части*, из которых состоит *целое* – "международное сообщество". Осталось только установить и / или уточнить законы их взаимодействия и мы получим стройную науку, способную объяснить, предсказать и даже регулировать мировое общежитие в его *целом*, т.е., по принятому умолчанию – в совокупности отношений между государствами-*частями*.

Всё бы так, но призрак холизма уже воплотился в мощную силу, которая разрушает ньютонианство не только на поле естественных наук [11], но всё заметнее вторгается в общемировоззренческую сферу (см., напр., [17]), обещая кардинальное переосмысление наших сложившихся было представлений.

Мы хотели бы здесь поделить рядом соображений и примеров, которые, на наш взгляд, дают основания для холистического подхода к ТМО. Мы полагаем, что подобные рассуждения могут содержать в себе определённый потенциал дальнейшего углубления и расширения трактовки проблемы *целое-части* в контексте ТМО.

Два кейса в пользу холистического подхода к международным отношениям

Начать хотелось бы с довольно щекотливого примера, обнаруживавшего одну из потенциальных угроз прочности конструкции Евросоюза. Речь идёт о

¹ О глубоком влиянии ньютонианства на европейскую философию, культуру, не говоря уже о технической цивилизации, см., напр., [17].

появлении В. Орбана на футбольном матче Венгрия–Греция в ноябре 2022 г. в шарфе, на котором карта Венгрии была представлена в границах, охватывающих территории, входящие в состав четырёх государств-членов ЕС и ещё двух стран, находящихся в процессе евроинтеграции. Оставляя скандальность этого демарша дипломатам и журналистам (чья профессиональная реакция не замедлила проявиться [7]), попытаемся взглянуть на шарф Орбана в контексте наших размышлений о целом и частях в международных отношениях.

На первый взгляд можно утверждать, что прослеживается стремление пересмотреть конфигурацию государств-членов внутри ЕС, не затрагивая внешние очертания самого Союза. Однако, ряд обстоятельств заставляет усомниться в такой трактовке.

Так, территориальная претензия на Трансильванию естественно вызывает протест со стороны Румынии, которая, тем не менее, всё чаще напоминает про "исторические основания" принадлежности ей Бессарабии (территория, ныне входящая в Молдову и в Украину) и Северной Буковины (Черновицкой области Украины), что с очевидностью расширяет контекст проблемы в направлении России.

Кроме этого, охват границами Венгрии на шарфе Орбана Воеводины, не может не напомнить, что этот автономный край Сербии в СФРЮ имел тот же статус, что и Косово – со всеми возникающими при этом геополитическими ассоциациями.

Можно также отметить, что Венгрия состоит членом Всемирного Конгресса финно-угорских и самодийских народов, куда входят и коренные народы более десятка субъектов РФ. Причём "угорская фракция" этой международной организации состоит всего из трёх народов, дополнительно солидаризированных общей субэтничностью: венгров, манси и хантов [1]. И как тут не вспомнить об удельном весе в экономическом потенциале РФ, которым обладает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Приведённый пример демонстрирует своего рода неполноту подхода, в котором роль частей целиком отведена государствам, а целого – их ограниченной определённым числом совокупности – в данном случае ЕС и двух интегрирующихся в него стран. "Целое" при ближайшем рассмотрении оказывается больше изначально предполагавшегося – не только по количеству "частей", но и по их субъектности.

Для нашего рассмотрения здесь важно отметить, что характерная для ньютонианства модель однородных бильярдных шаров становится небесспорной, т.к. отчётливо проявляется зависимость общей картины от эндогенных факторов – от внутреннего "состава" шаров. Можно сказать, что ситуация запутывается в своего рода не расплетаемую конфигурацию: всякая трансформация "внешней" диспозиции влечёт за собой изменения внутренних балансов взаимодействующих участников. И наоборот: "целое" становится онтологически неотделимым от "частей".

Тут уместно вспомнить, что сходный кризис размышлений возник в ходе становления квантовой механики, которой мы обязаны возрождением холизма как фундаментальной онтологической основы миропонимания [11, 17]. Упомянутая выше запутанность получила в квантовой теории устойчивый терминологический статус (*entanglement*), означающим, в частности, принципиальную невозможность изменить что-либо в какой бы то ни было из частей системы, не нарушив состояний всех остальных.

Скрытый порядок (*implicate order*) – категория, введенная Д. Бомом для кодификации холизма [11], его фундаментальной всеохватности требует, тем не менее, определенной конкретизации всякий раз, когда мы хотим прояснить, каким именно образом предполагаемая вселенская целостность скрытого порядка проявляется в тех или иных ипостасях явного (*explicate*) порядка. Подобное требование, по-видимому, должно возникать и в ходе попыток описывать международные отношения в рамках гипотезы о скрытом порядке.

Следующий пример, возможно, указывает на ещё один механизм запутывания частей в неразделяемое "целое" международных отношений.

Речь пойдёт о протестах российских мусульман по поводу событий в Мьянме в августе–сентябре 2017 г. [8]. Как и в предыдущем примере мы постараемся сосредоточиться в нашем рассмотрении не столько на действиях

и высказываниях отдельных политиков, сколько на том *скрытом порядке*, который рельефно проявился в результате этих действий и высказываний. Напомним лишь, что власти Мьянмы, страны, где большинство составляют буддисты, прибегли к насильственным мерам в отношении мусульманского меньшинства. В ответ в Грозном был проведен миллионный митинг. На состоявшейся накануне акции протеста у посольства Мьянмы в Москве звучали обещания джихада и призыв: "Начнём с Калмыкии!" [8]. (Как известно, традиционная религия калмыков – буддизм, а Республика Калмыкия граничит на юго-западе с Республикой Дагестан, где подавляющее большинство исповедует ислам).

Если в первом случае развитие возможного конфликта локализовано вдоль единственной – этнической – координаты, то во втором – ситуация становится не столь однозначной, а пространство конфликта не столь одномерным. В него потенциально могут оказаться вовлеченными миллиарды людей (именно таков порядок совокупной численности мусульман и буддистов в мире) во многих десятках стран.

Отмечая многомерный и поистине глобальный характер скрытого порядка международных отношений, обнаруживаемый во втором примере, мы хотели бы несколько подробнее остановиться на природе той целостности, которая, возможно, и лежит в основе этого порядка, тем самым оправдывая холистический подход к ТМО.

В то время как демарш В. Орбана можно рассматривать как буквальную иллюстрацию десятой главы – "Перепись, карта, музей" – знаменитой книги Б. Андерсона "Воображаемые сообщества" [6], когда манипулятивные действия с помощью отработанных политтехнологий внушают ту или иную идентичность фактически "с чистого листа", апелляция к принадлежности к определённой религии предполагает сакрально освящённую культурно-психологическую традицию, сложившиеся навыки восприятия органичной в своей полноте конструкции образов и идей. Несколько огрублённо это можно уподобить радиовещанию, когда посылаемый сигнал обладает той же частотой (длиной волны), что и собственная частота приёмника. Возникающий резонанс и его отсутствие с сигналами иной длины волны, предопределяют иллюзию единственности и непреложной истины исключительно данного сигнала. Вспомним, к слову, что и голографическое изображение становится возможным лишь при использовании реконструирующего луча той же длины волны, что и – опорного и объектных лучей, *когерентного* с ними.

Развивая предложенную метафору, мы хотели бы ввести понятие *культурной когерентности*, которое, как нам представляется, может оказаться плодотворным в понимании причин и механизмов выбора того или иного решения в международных отношениях. На этой стадии нашего собственного понимания нам представляется уместным начать рассмотрение при помощи следующего примера.

Старуха и девушка: видимая и скрытая реальности. Роль межкультурного диалога

Хотелось бы начать с цитаты: "Как мы узнаём то, что знаем? И вообще, что такое знание? Но тогда что же такое *реальность*? <...> Или, иначе: *поллагаем ли мы знание как абсолютное, не зависящее от познающего, т.е., свяzano оно с соответствующей сферой внешней реальности; или же, наоборот, рассматриваем его как некий опыт того, кто исследует мир?*" [2, с. 566].

Надо сразу признать, что определённого ответа до сих пор не получено: между сторонниками и противниками обозначенной альтернативы не утихают ожесточённые споры. Очевидно потому, что придумать тест, который обеспечил бы эмпирическую верификацию одной из оппонирующих позиций представляется весьма затруднительным, если не невозможным. Иными словами, вопрос этот следует отнести к метанаучной или метафизической сфере, в противоположность чисто научной или физической, предполагающей в своём арсенале средства экспериментальной проверки той или иной гипотезы. Напомним: префикс *мета-* означает "более всеобъемлющий, превосходящий".

В то же время, хотя научный подход, кажется, не пригоден для того, чтобы окончательно исключить из мыслительного обихода ту или иную метафизическую парадигму, история науки знает немало примеров, когда её дости-

Рис. 1. Картина "Девушка или Старуха?".

Fig. 1. Optical illusion "My Wife and My Mother-in-Law".

Источник: архив авторов.

Source: authors archive.

жения исподволь подтачивали авторитет устоявшихся, было метафизических воззрений. Достаточно вспомнить декартову концепцию "светоносного эфира" – всепроникающей среды, колебания которой проявляют себя как электромагнитные волны. Совсем свежий пример: благодаря развитию квантовой теории вновь обретает вес мировоззрение *холизма*, противопоставляющего себя ньютоновскому редукционизму.

Изложенные соображения побудили нас на конкретном примере проследить соотношения между "абсолютной", не зависящей от исследователя реальностью, и той "конструкцией", которую он в неё привносит. Нисколько не преувеличивая верифицирующий потенциал предлагаемого "кейса", мы, тем не менее, находим его, как минимум, небесполезным, во всяком случае – в дидактическом измерении.

Речь идёт о довольно известной картинке "Девушка или Старуха?", авторами которой считаются психологи Е. Г. Боринг и Р. В. Липер (рис. 1.).

Тем, кто с первого взгляда не увидел в изображении либо девушки, либо старухи, либо ни той, ни другой, спешим сказать, что они обе здесь присутствуют и, чуть приглядевшись, вы непременно сумеете их различить. Правда, не обеих сразу, а поодиночке: либо девушку, либо старуху.

Осведомлённость, что этих видимых реальностей *две* даёт серьёзные основания предположить, что ни та, ни другая не являются подлинной, а суть производные от некоей *скрытой* реальности. Впрочем, не такой уж скрытой: вспомним тех, кто поначалу не видел ни девушки, ни старухи, а лишь – достаточно хаотически расположенные чёрные пятна и линии. Вот этот "орнамент", возможно, и следует считать подлинной реальностью, а образы двух леди – всего лишь продукт, конструкт нашего сознания, который опирается на познания о фасоне капора старухи, горжетки девушки и т. п. Вспомним о голограмме – наборе штрихов и просветов, малоинформативных для построения узнаваемого образа, пока в дело не вступает реконструирующий луч – *когерентный* объектному и опорному. Очевидно, младенец, инопланетянин или обитатель дебрей Амазонки не смогут разглядеть ни девушки, ни старухи: у них нет инструмента, аналогичного реконструирующему голограмму когерентному лучу – тезауруса в части женских одеяний конца XIX в. Они будут всегда видеть только пятна и штрихи в убеждении, что этот узор и есть подлинная и единственная реальность. Они – *культурно некогерентны* картинке, её авторам, которые, конечно же, наносили штрихи и пятна не наобум, а опираясь на свой культурный тезаурус.

Попытаемся теперь представить себя на месте зрителя, увидевшего первой старуху. Очевидно, что он уже не сумеет впредь отрешиться от этого образа – не сможет, глядя на "орнамент", не видеть старуху. Можно с достаточной уверенностью предположить: коль скоро некто X увидел старуху, он её и будет отныне почитать за *реальность*. Притом – единственную, ибо мотивов и поводов искать в "орнаменте" иную у него нет. Очевидно, такие же рассуждения применимы и к зрителю Y, который, вглядываясь в "орнамент", первой высмотрел девушку.

Можно сказать, что сообщества X-подобных индивидуумов и Y-подобных будут существовать в двух параллельных царствах: старухи и девушки. В случае возникновения между ними общения можно спрогнозировать несколько сценариев их взаимоотношений:

1. Категорическое отрицание с обеих сторон самой возможности увидеть в "орнаменте" что-либо, кроме уже наблюдаемого.

2. То же – одной из сторон при различных позициях другой:

- Поиски форматов диалога;

- Поиски способов и попытки внедрить знание об альтернативном видении в общественное сознание другого царства;

- Стратегия давления на противника с целью (вслед за формальным взаимным признанием) создания иерархии "реальностей", предполагающей собственное главенство.

3. Взаимное признание права на существование отличной точки зрения (видения).

4. Взаимное признание иного восприятия "орнамента" и последующий диалог "на тему".

В случае реализации п. 4 можно предсказать, что главными в повестке "межкультурного" диалога станут вопросы, прописанные в приведённой в начале этого раздела цитате.

При всей кажущейся курьёзности предложенного "кейса" и отсутствия в нём мощного доказательного (в научном смысле) потенциала нам представляется, что его рассмотрение способно инициировать ряд содержательных направлений для дальнейших изысканий. В частности, – подробного рассмотрения соотношения "целого" и "частей" в приведённой картинке и ожидаемого вытекающего из него обобщения понятий спутанности, когерентности и скрытого порядка на "нефизическую" область знаний.

В то же время, с учётом сказанного выше о соотношении научного и метанаучного нельзя исключить, что подходы, проистекающие из гуманитарной сферы, в частности, сосредоточенные на проблеме "целое – части" в ТМО, могут оказать плодотворное воздействие на развитие других наук, в том числе – естественных.

Заключение

Отталкиваясь от явления оптической голографии, мы попытались обсудить онтологическую проблему "целое–части" применительно к теории меж-

дународных отношений. Главное, к чему подвигает такой подход, это переосмысление взаимозависимости "целого" и его "частей" на фоне устоявшегося, в том числе и в ТМО, взгляда, когда "целое" может быть представлено в виде фиксированной совокупности "частей", каждая из которых строго очерчена в пространстве и автономна в своих свойствах. Соответственно, свойства "целого" однозначно выводятся из свойств "частей", коль скоро нам известны законы, по которым они взаимодействуют между собой. Феномен голографии нарушает универсальность такой точки зрения, что, в свою очередь, заставляет в ряде случаев скорректировать сами понятия как "целого", так и его "частей".

Устоявшийся в ТМО взгляд, подразумевающий под "целым" совокупность "частей" – суверенных государств, подвергается в последнее время всё углубляющимся сомнениям. Главное среди них – сомнение в полноте такого "целого", не включающего иных, негосударственных составляющих (неявных частей), влияние которых всё заметнее проявляется в международных отношениях.

Конечно, обнаружение какого-либо количества таких "неявных частей" и доказательное обоснование их присутствия и заметной роли в наблюдаемой картине "целого" ещё не будет означать *полноты* этого "целого". Как и полноты понимания обратного, нисходящего действия "целого" на свойства образующих его "частей". Напротив, успешное отыскание ряда прежде не учитываемых составляющих должно лишь укрепить стремление продолжить поиск. Приводимые нами "кейсы" этнического и религиозного компонентов в современных политических процессах могут обозначить возможные направления такого поиска "неявных частей" пока ещё скрытого "целого" международных отношений.

В то же время упомянутые кейсы наталкивают на мысль, что такому "целому" имманентно присуща непреодолимая до конца "скрытость", раскрываемая тем или иным наблюдателем и / или способом лишь частично – в меру оснащённости определенным культурным тезаурусом и в зависимости от ракурса наблюдения. Подобные соображения, в свою очередь, обозначают настоятельную необходимость межкультурного диалога и его ключевой роли в сборке и постижении "целого", по-видимому, принципиально недоступных отдельным субъектам международных отношений – в отсутствие диалога.

Литература / References

1. Алексеев В. Сотрудничество Югры и Венгрии выходит на новый уровень. // Новости Югры. URL: https://ugra-news.ru/article/sotrudnichestvo_yugry_i_vengrii_vykhodit_na_novyy_uroven/ (дата обращения: 06.02.2019).
Alekseev V. Cooperation between Ugra and Hungary reaches a new level. // Ugra-news.ru. URL: https://ugra-news.ru/article/sotrudnichestvo_yugry_i_vengrii_vykhodit_na_novyy_uroven/ (accessed 06.02.2019). (In Russ.).
2. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука / Учеб. пособие для вузов. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. 608 с.
Alekseeva T. A. Theory of international relations as a political philosophy and science / Textbook for universities. M.: Publishing house "Aspect Press", 2019. 608 p. (In Russ.).
3. Алексеева Т. А., Минеев А. П. Натурализм и политическая наука: адаптация к неклассической картине мира // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 1 (54). С. 14–27.
<https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-14-27>
Alekseeva T. A., Mineyev A. P. Naturalism and political science: adaptation to the non-classical world picture // Law and management. XXI century. 2020. Vol. 16. № 1 (54). P. 14–27.
<https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-14-27> (In Russ.).
4. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д. "Земля смятения": квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). С. 13–14.
Alekseeva T. A., Mineyev A. P., Loshkaryov I. D. "Land of Confusion": Quantum Theory in International Relations? // Bulletin of MGIMO-University. 2016. №3 (48). P. 13–14. (In Russ.).
5. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д., Ананьев Б. И. "Квантовый подход" к международным отношениям / Отв. ред. Т. А. Алексеева. М.: АНО "Редакция журнала "Знание–сила", 2018. 110 с.
Alekseeva T. A., Mineyev A. P., Loshkaryov I. D., Ananyev B. I. "Quantum approach" to international relations" / Edited by T. A. Alekseeva. Moscow: Publishing house "Editorial Board of the journal Znanie – sila", 2018. 110 p. (In Russ.).

6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Transl. from English by V. G. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. 416 p. (In Russ.).
7. Орбан ответил Киеву и Бухаресту на критику его фанатского шарфа // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/article/3055652> (дата обращения: 22.11.2022).
Orban responded to Kyiv and Bucharest criticism of his fan scarf // Vesti. URL: <https://www.vesti.ru/article/3055652> (accessed 22.11.2022). (In Russ.).
8. Черненко Е., Юсин М., Джорджевич А., Коробов П., Краснов А., Лукьянова О. Всё глубже в Мьянму // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402410> (дата обращения: 04.09.2017).
Chernenko E., Yusin M., Jorgevich A., Korobov P., Krasnov A., Lukyanova O. Deeper into Myanmar. // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402410> (accessed 04.09.2017). (In Russian).
9. Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. 304 p.
10. Bohm D. Time, the Implicate Order and Pre-Space / Physics and the Ultimate Significance of Time, ed. D. R. Griffen. N.Y.: SUNY Press, 1986. P. 172–208.
11. Bohm D., Hiley B. The Undivided Universe: An Ontological Interpretation of Quantum Theory. London: Routledge, 1993. 397 p.
12. Derian J. der, Wendt A. "Quantizing international relations": the case for Dialogue, 2020. Online First. P. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0967010620901905>
13. Gabor D. A new microscopic principle // Nature. 1948. Vol. 161. P. 777–778.
14. Hiley B. Process and the Implicate Order: their relevance to Quantum Theory and Mind. URL: https://www.researchgate.net/profile/B-Hiley/publication/228588700_Process_and_the_Implicate_Order_their_relevance_to_Quantum_Theory_and_Mind/links/0deec52c7473eb0958000000/Process-and-the-Implicate-Order-their-relevance-to-Quantum-Theory-and-Mind.pdf (accessed 03.01.2014).
15. Pan Chengxin. Enfolding wholes in parts: quantum holography and International Relations // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26 (S1). P. 14–38.
<https://doi.org/10.1177/1354066120938844>
16. Quantum International Relations: A Human Science for World Politics // Ed. by J. der Derian, A. Wendt. Oxford: Oxford University Press, 2022. 416 p.
17. Seager W. The philosophical and scientific metaphysics of David Bohm // Entropy. 2018. Vol. 20 (493). P. 1–13. <https://doi.org/10.3390/e20070493>
18. Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алексеева, д-р полит. наук, заведующий кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru
Александр Петрович Минеев, канд. физ.-мат. наук, преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: mineyev@list.ru

Information about the authors

Tatyana A. Alekseeva, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: ataleks@mail.ru

Alexander P. Mineyev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Lecturer, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: mineyev@list.ru

Поступила в редакцию 07.11.2025

Одобрена после рецензирования 19.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 07.11.2025

Approved 19.05.2025

Accepted 26.05.2025

Научная статья
УДК 94(571+575)"15/16":325.254:39:930.85
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/85-94>

"Между двух огней": сибирские бухарцы между ханствами и Россией в конце XVI–XVII вв.

Ольга Николаевна Науменко
Ургенчский инновационный университет, Ургенч, Республика Узбекистан;
Университет Мамун, Ургенч, Республика Узбекистан, oolgann@mail.ru

Уткир Исмаилович Абдуллаев
Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни,
Ургенч, Республика Узбекистан, utkir112@mail.ru

Умрбек Бахтиёрович Махмудов
Ургенчский инновационный университет, Ургенч, Республика Узбекистан, umrbekmaxmudov0088@gmail.com

Аннотация. В статье с позиции "имперских посредников" на основе законодательных, архивных и нарративных источников рассматривается положение сибирских бухарцев, вынужденных в XVII в. эмигрировать с исторической родины в Западную Сибирь. Авторы анализируют мотивы царской власти, побудившие регулярно подтверждать сибирским бухарцам льготы и государственную защиту и приходят к выводу, что причины таких решений состояли не только в выгодах торгово-экономического и политико-дипломатического характера, но и в кровопролитных войнах на территории Средней Азии, а также в идеологии первых Романовых, где присутствовал религиозно-православный компонент "царской милости" и защиты обратившихся за помощью.

Ключевые слова: сибирские бухарцы, Западная Сибирь, жалованные грамоты, Романовы, Средняя Азия, ханства, мигранты

Для цитирования: Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Махмудов У. Б. "Между двух огней": сибирские бухарцы между ханствами и Россией в конце XVI–XVII вв." // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 85–94. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/85-94>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/85-94>

"Between two fires": the Siberian Bukharians between the Khanates and Russia at the end of the XVI–XVII centuries

Olga N. Naumenko
Urgench Innovation University, Urgench, Republic of Uzbekistan;
Mamun University, Urgench, Republic of Uzbekistan, oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev
Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Republic of Uzbekistan, utkir112@mail.ru
Umrbek B. Makhmudov

Urgench Innovation University, Urgench, Republic of Uzbekistan, umrbekmaxmudov0088@gmail.com

Abstract. The article examines the migration of Bukharians to Western Siberia using the "Imperial intermediaries", with an analysis of legislative, archival and narrative sources. The authors consider the motives of the tsarist government, which sought to regularly confirm benefits and state protection to the Siberian Bukharians. The authors conclude that the reasons for such decisions were not only the benefits of trade, economic, political and diplomatic character, but also, in particular, bloody wars in Central Asia and the ideology of the first tsars of the Romanov dynasty. This ideology included the religious-Orthodox component of "royal mercy" and the protection of those peoples who turned to Russia for help.

Key words: *Siberian Bukharians, Western Siberia, charters, Romanovs, Central Asia, khanates, migrants*

For citation: Naumenko O. N., Abdullaev U. I., Makhmudov U. B. "Between two fires": the Siberian Bukharians between the Khanates and Russia at the end of the XVI–XVII centuries" // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 85–94. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/85-94>

Введение

Исторически между Средней Азией и Россией складывались не только дипломатические и торговые отношения, но и военно-политические. Архивные документы конца XVI–XVII вв. зафиксировали многократные случаи обращения среднеазиатской титулованной знати к российским царям. Например, в 1622 г. в челобитной Хивинского шахзаде (наследника) Авгана Мухаммеда написано, что он "...просит Российского государя яко защитника...", а также он мог бы "...навсегда остаться со всеми своими владениями в

подданстве российском" (РГАДА. Ф. 134. Оп. 3. Л. 1)¹. Покровительства и поддержки России искали Хивинские и Касимовские царевицы, Чингизиды, представители элиты Казахского ханства и др. [2; 7; 12 и др.]. Эти факты свидетельствуют: Россия, будучи православным государством, рассматривалась знатью мусульманских ханств как защитница их жизни, имущества и даже престола.

В историографии военно-политический фактор учитывается при исследовании судеб среднеазиатских "царевичей", но для них действовали другие нормы и правила, не связанные с общими условиями эмиграции. Шахзаде не относились к этно-сословной группе "сибирских бухарцев": в конце XVI–XVII вв. это название означало принадлежность прежде всего к торговому сословию [26, с. 113]. В течение XVII в. в Сибирь постепенно прибывали и другие переселенцы из Средней Азии, в результате чего понятие "сибирские бухарцы" было распространено на крестьян, ремесленников, религиозных деятелей и другие группы эмигрантов, причём не только из Бухары, но также из других среднеазиатских ханств. В Сибири они получали новые возможности, а условия торговли отличались прежде всего отсутствием кровопролитных войн. Например, на родине бухарцев в середине XVII в. только лишь Ургенч перешёл в "разные руки" 4 раза за 7 лет, "...поэтому очень мало купцов, и те очень бедны; во всём городе я смог продать только четыре куска каразиев" [8].

В сотнях научных публикаций, посвященных сибирским бухарцам, значимость России практически не упоминается. Первые исследования, где войны в Средней Азии рассматриваются в качестве важнейшей причины эмиграции – это монографии Х. Зияева [9; 10], однако и в них отсутствует чёткое сопоставление кровавых конфликтов с этапами переселения, а сама информация о войнах ограничена одним абзацем. В публикациях других учёных фактор войны если и упоминается, то вскользь, без акцента на его важность в качестве мотива эмиграции. Анализ исследований приводит к выводу: в многочисленной российской и зарубежной историографии сложилось устойчивое мнение, что сибирские бухарцы были нужны России несоизмеримо больше, чем Россия им. Общий подход отражён в исследовании Э. Монахан (США), которая считает, что льготы бухарцам исходят из единственного соображения: "...это аномальное явление объясняется горячим желанием России сделать свои владения привлекательными для купцов" [13, с. 118–119].

В современной историографии отражены разные аспекты истории среднеазиатов-переселенцев, прибывших в Сибирь в конце XVI–XVII вв. Рассматривается их связь с Сибирским ханством, трансформация языка и культуры; роль в распространении ислама и мусульманского образования; экономическая и торговая деятельность; контакты с народами Западной Сибири и Средней Азии; содержание "жалованных грамот", деятельность Посольского приказа и др.: это работы А. Б. Беякова, А. К. Бустанова, Х. Зияева, А. С. Зуева, В. П. Ключевой, А. Ю. Конева, С. Н. Корусенко, Д. С. Кулмаматова, Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеева, Р. Ю. Почекаева, И. Д. Пузырёва, Н. Т. Рахимова, В. А. Слугиной, С. Ф. Татаурова, З. А. Тычинских, Н. А. Томилова, Г. Л. Файхрахманова, Г. Ч. Файзуллиной, Л. Х. Фаизовой, О. О. Чупонова, А. П. Яркова и др.

Фоном всех исследований является история взаимоотношений с российской властью. Учёные справедливо подчёркивают, что политика государства в отношении сибирских бухарцев носила выраженный покровительственный характер, создавая благоприятные условия для жизни и деятельности – от развития торговли до эволюции шариата. Между тем, для уроженцев Средней Азии пересечение российской границы часто означало не просто уход от комплекса проблем, а позволяло сохранить жизнь себе и своим семьям, а также максимально снизить риск попадания в рабство. Х. Зияев со ссылкой на И. Г. Георги пишет, что в Сибири "селились большей частью такие бухарцы, которым "удалось избавиться от киргизского рабства побегом в Россию" [9, с. 19]. Такой взгляд приводит к пониманию, что эмигранты нуждались в России не меньше, чем Россия в них, но этот аспект истории пока не стал предметом научного интереса.

¹ РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Хотя историография сибирских бухарцев включает множество публикаций, но все они выходят за проблематику данной статьи, которая посвящена связи "жалованных грамот" с военно-политическими конфликтами в Средней Азии, а также влиянию на судьбы переселенцев государственной православно-идеологии XVII в. Соответственно, авторы начинают исследование с 1595 г., когда Российское правительство впервые предоставило льготы среднеазиатским купцам.

Цель исследования: рассмотреть правовой статус сибирских бухарцев с учётом военно-политического состояния среднеазиатских ханств и религиозной идеологии России XVII в.

Источники исследования

Первая группа источников включает царские указы, указы, грамоты конца XVI–XVII вв. (общее название – "жалованные грамоты"), установившие льготы для сибирских бухарцев, ногайцев и европейцев. Содержание и даты документов установлены по ПСЗРИ и другим актам, опубликованным в XIX в. [1; 18], а также по исследованиям Х. Зияева, С. Н. Корусенко, Р. Ю. Почекаева, И. Д. Пузырёва [9; 11; 19; 20]. Грамоты 1595 и 1596 гг. общеизвестны и указываются во множестве публикаций [9, с. 11 и др.]. Р. Ю. Почекаев со ссылкой непосредственно на Полное собрание законов Российской империи приводит Наказ Петра I за 1697 г. и более раннюю "жалованную грамоту" бухарцам за 1686 г. [19, с. 56]. И. Д. Пузырёв ссылается на обширный список документов (перевод дат сделан авторами): это грамоты за 153 (1645 г.), 157 (1649 г.), 177 (1669 г.) и 195 (1687 г.). Их перечень содержится в тексте прошения сибирских бухарцев Петру I, которое автор цитирует [20, с. 255], поэтому наличие этих грамот не вызывает сомнения. Сопоставление текстов между собой позволило выявить стандартный набор льгот для "иностранцев", к которым относились сибирские бухарцы, а также сгруппировать грамоты по датам принятия, получив 4 этапа: 1) середина 1590-х; 2) 1640-е гг.; 3) 1660-е гг. 4) 1680-е – 1890-е гг. (табл. 1).

Вторая группа источников – свидетельства и научные труды XVII в. о войнах, происходивших на родине сибирских бухарцев. Среди них – отчёт о поездке в Бухару, Балх и Ургенч братьев Пазухиных, которым царь поручил выкупить русских пленных [15]. История Бухарского ханства от лица учёного-очевидца отражена в работе "Та'рихи Муким-Хани" ("История Мукин-Хани") авторства Мухаммада Юсуфа Мунши [14]. Третий источник – работа Искандарбека Мунши "Та'рихи 'аламарайи 'Аббаси" ("Мироукрашающая Аббасова история) об истории жизни и деятельности персидского шаха Аббаса [21]. Эти материалы характеризуют сложное экономическое и военно-политическое положение на родине бухарцев в XVII в., что позволяет лучше понять мотивы их эмиграции в Россию.

Третья группа источников – документы РГАДА, Ф. 134 – Посольский приказ и Посольская канцелярия (Хивинские дела), описи 1, 2, 3. Выполненные в дореволюционный период, эти описи достаточно полно и подробно отражают содержание документов; всего в них включено 114 дел. Для проведения исследования нами выбраны только те записи, которые указывают на заинтересованность хивинцев в контактах с Россией (прибытие послов из Хивы, грамоты Хивинского хана Российскому царю, челобитные о принятии в российское подданство, о желании креститься и т.д.). Отметим, что количество этих документов больше, чем исходящих из России в Хиву. Данная группа источников позволила выявить усиление или снижение дипломатической активности Хивинского ханства в разные исторические периоды (табл. 1).

Четвертая группа источников – родословные (*шаджара*) из Ургенча и Западной Сибири, которые на примере конкретных судеб могут проиллюстрировать историю эмиграции. В эту группу включены только те *шаджара*, которые относятся к прямым потомкам *сейидов* – сподвижников Пророка Мухаммеда. В Ургенче они принадлежат Абдуллаеву Уткиру Исмаиловичу, Ходжанязову Сардору Умаровичу (Ургенчский государственный университет) и представителям других родов, сохранившимся после революции (есть пример смены фамилии рода *сейидов* и переезда из Ферганской долины в Ургенч в 1920 г.). Собранная информация показала, что ни в XVII в., ни в последующий период никто не стал сибирским бухарцем, т. к. в силу высокого социаль-

ного статуса все они находили применение на родине: из потомков *сейидов* избирался глава религиозной власти, подбирались жены для Хивинских ханов, формировался дипломатический корпус и т. д. Однако опубликованная "Шаджара рисаласи", обнаруженная в Западной Сибири, зафиксировала историю эмиграции из Ургенча Дин-али-ходжи – тоже потомка *сейидов*, что произошло по приглашению хана Кучума ещё до российского завоевания Сибири [5]. Таким образом, анализ *шаджара* позволил выявить, что эмиграция в Западную Сибирь прямых потомков сподвижников Пророка имела особенности. Если при хане Кучуме переезд был возможен, актуален и почётен, то в XVII в. ситуация изменилась: высокий религиозный и социальный статус *сейидов* был плохо совместим с жизнью в православном государстве, и эмиграция не получила выраженного характера.

Методы исследования

В основе методологии исследования лежит модель "имперских посредников" [3], согласно которой правители государств нуждались в потенциале народов, оказавшихся под их влиянием. Сибирские бухарцы обладали нужными знаниями и навыками, необходимыми для стабильного поступления в Россию товаров не только из Средней Азии, но также из Китая, Индии и других стран. Зная тонкости местных обычаев и языков, бухарцы могли проводить разведывательную деятельность, выкупать русских пленных и выполнять иные функции, порученные государством. В то же время их деятельность в интересах России, как и эмиграция, исходила из комплекса мотивов, один из которых был связан со сложной военно-политической обстановкой на родине. Таким образом, желание Российского государства использовать потенциал сибирских бухарцев совпало с их стремлением обеспечить себе надёжную защиту, что в конечном итоге привело к эффективному взаимодействию обеих сторон.

В качестве методов исследования авторы использовали сравнительно-исторический и сравнительно-правовой. Первый позволил провести сравнительный анализ условий жизни сибирских бухарцев в Средней Азии и в Западной Сибири (по степени военной опасности), определить наличие духовно-религиозного компонента в отношении к ним первых Романовых. С помощью второго метода были выявлены группы нормативных документов с привилегиями сибирских бухарцев, проанализировано содержание этих актов по сравнению с льготами для других иностранцев, определён стандартный набор прав и сделан вывод об особенностях юридического статуса в Сибири представителей Средней Азии.

Результаты исследования

Сибирские бухарцы были не единственными, кто в конце XVI–XVII вв. получил льготы от российского правительства. В 1595 г. и 1596 г. такие же привилегии, связанные с развитием торговли, были дарованы ногайцам, на родине которых шли кровопролитные междоусобные войны. Российская власть была готова их расселить по своим территориям, предоставив государственную защиту (и многие эмигрировали), однако полностью план не удалось реализовать из-за политических противоречий с Крымским ханством [6, с. 53]. В 1614 г. царь Михаил Фёдорович предоставил "Жалованную грамоту компании Голландских гостей Марка Гевогеларь и Юрья Клинк на свободную торговлю в России в течение трёх лет и проч.". Речь тоже шла о беспопыльной торговле, о строительстве собственных дворов "у корабельной пристани на Двине в Коломогорском городе и в Устьколе", царь требовал голландцев никому не притеснять, им помогать и т. д. [1, с. 19–21].

Сравнение текстов "жалованных грамот" европейцам и бухарцам (также ногайцам) позволяет утверждать, что в XVII в. в России существовал установленный набор льгот для "иноземцев", и сибирские бухарцы их получили в стандартном объёме, т.е. не больше, чем другие иностранцы: 1) право на беспопыльную торговлю в течение определённого периода, который можно продлевать; бухарцы периодически подтверждали права, ссылаясь на предыдущие грамоты; 2) города, где разрешалось торговать; для бухарцев они находились в промежутке Сибирь – Астрахань – Казань – Архангельск – Коломгор – Соликамск [19, с. 56]; 3) право на постоянное проживание в России;

для сибирских бухарцев место жительства определялось личным прошением, а процесс завершился созданием бухарских слобод [27]; 4) освобождение от "тягла", неподсудность за незначительные преступления (в этой сфере для "иноземцев" действовало национальное право) и применение наказания за тяжкие преступления по российскому законодательству; этот же статус был у бухарцев: к ним применялось российское право лишь в случае "... заёмных кабал и татинных и разбойных дел с поличным" [19, с. 57].

В целом для царских "жалованных грамот" XVII в. не было характерно сохранение беспопытной торговли длительное время [17, с. 182]. Это же правило было применено и к бухарцам, которые к 1608 г. уже платили 5 % налог [13, с. 119]. В дальнейшем привилегии сибирским бухарцам подтверждались вновь и вновь, что свидетельствует об уникальности их правового статуса. В этой связи возникает вопрос: только ли торгово-экономические и дипломатические интересы лежали в основе покровительственного отношения Российского правительства к сибирским бухарцам? Сопоставление датировок "жалованных грамот" с периодами обострения военно-политических конфликтов в Средней Азии позволило выявить корреляцию: царские грамоты давались бухарцам на фоне кровопролитных войн, когда население подвергалось истреблению и продаже в рабство, а их имущество захватывалось в виде добычи (табл. 1).

Как показывает таблица, существует связь между обострением военных конфликтов в Средней Азии и датами "жалованных грамот" сибирским бухарцам; особенно отчётливо это проявилось при первых Романовых. Данное соответствие подтверждается усилением дипломатической активности Хивинского ханства в эти периоды: обращения к Российскому царю шли массово, а между войнами – значительно реже. Тенденция проявляется даже с учётом возможной неполноты документов.

На первом этапе, в 1620-е гг., (табл. 1) также наблюдалась дипломатическая активность со стороны Хивинского ханства. Россия вышла из Смутного времени и налаживала отношения с государствами Средней Азии, а они – с Россией. В начале 1620-х гг. в Хивинском и Бухарском ханствах побывала русская миссия, а "в первой четверти XVII в. тобольские бухарцы получили право ездить для торговли в Казань, Астрахань, Архангельск, имели возможность свободного передвижения по русским городам и слободам" [26, с. 113]. Это указывает на наличие ещё одной грамоты в начале правления Михаила Фёдоровича Романова, принятие которой совпало как с очередным военным обострением, так и с дипломатической активностью Хивы.

В качестве иллюстрации событий, происходивших в это время на родине бухарцев, приведём отдельные сюжеты. После падения Сибирского ханства начался возврат мигрантов на историческую родину, однако в 1598 г. умер хан Бухары Абдулла, вместе с ним прервалась династия Шейбанидов, а в Мавераннахре началась очередная война, включая борьбу за престол. Историк из Таджикистана А. Саидов, ссылаясь на более ранние источники, пишет о ситуации начала XVII вв.: "... разорённая страна, охваченная ожесточённой феодальной междоусобицей. Ташкент и Самарканд находились под влиянием казахских султанов... Положение в северных областях было тревожное. Казахские султаны грабили население Мавераннахра... За небольшие преступления людей бросали в котёл с кипящим маслом" [22, с. 47, 53–55]. В 1613 г., когда в России на престол вступила династия Романовых, ситуация в Средней Азии опять накалилась: "В 1613 г. ... Искандер-султан закабалил наголами население Ташкента, которое, не выдержав притеснений, восстало и убило его. За смерть сына Имамкулихан беспощадно отомстил жителям города, устроив чудовищную резню" [22, с. 58–59]. Убивали всех подряд, включая младенцев. Хан объявил, что не успокоится, пока кровь не дойдёт до стремени его коня. Местные богословы убедили хана остановиться, лишь придумав хитрость: они предложили поставить его лошадь в водоём, окрашенный кровью мирных ташкентцев [9, с. 12–13].

Несмотря на столь сложную ситуацию на родине и в то же время – наличие льгот для торговли в Сибири, активного возврата бухарцев не наблюдалось. В первой половине 1620-х гг. их численность составляла:

1621 г. – 13 семей в шести деревнях Тобольского уезда [9, с. 38];

Табл. 1. Хронологическое соотношение событий в конце XVI–XVII вв.
Table 1. Chronological Correlation of Events in the Late XVI–XVII Centuries

Этап	Периоды обострения военно-политических конфликтов (с акцентом на Хивинское ханство)	Даты принятия "жалованных грамот" (сибирские бухарцы)	Количество обращений к Российскому царю из Хивинского ханства (по годам)
1.	До 1598 г. в Сибири продолжались военные действия с ханом Кучумом [24], а с 1598 г. началась война в Бухаре и в целом на территории Мавераннахра, обострившись в 1613 г. [22, с. 47, 53–55, 58–59].	1595 г., 1596 г. [9, с. 11 и др.], после 1613 г. (1620-е гг.?) [27, с. 113].	1616 г. – 2; 1620 г. – 2; 1622 г. – 1; 1623 г. – 1; 1633 г. – 1. (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Л. 1–12; Оп. 2. Л. 1–4).
2.	В 1640 г. войско Джунгарии двинулось в сторону Ташкента и Туркестана [4, с. 57]. За 1643–1663 гг. Хивинское ханство 18 раз напало на Бухару с истреблением части населения и угоном его в рабство. Регулярны были ответные военные действия Бухары. Из Хивы также практиковались регулярные походы на Самарканд [23, с. 162].	1642 г. [19, с. 56]. 1645 г. [20, с. 255]. 1649 г. [20, с. 255].	1640 г. – 1; 1641 г. – 4; дело за 1639–1642 гг. – 1; 1642 г. – 4; 1643 г. – 3; 1646 г. – 1; 1647 г. – 2; 1648 г. – 2; 1654 г. – 1. (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Л. 14–23; Оп. 2. Л. 5–10).
3.	В 1666 г. Хива была завоёвана Бухарским ханством и временно вошла в её состав. Территория Хивинского ханства разорена, население частично истреблено и угнано в рабство [23], война продолжилась в 1670-е гг.	1669 г. [20, с. 255].	Дело за 1666–1669 гг. – 1; 1667 г. – 1; 1669 г. – 1; 1670 г. – 2; 1672 г. – 1; 1675 г. – 4; 1676 г. – 3; 1677 г. – 1; дело за 1677–1680 гг. – 1; 1678 г. – 1; 1679 г. – 4. (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Л. 24–30; Оп. 2. Л. 11–16).
4.	В 1684–1685 гг. со стороны Хивы возобновились нападения на Бухару и Самарканд. В 1685 г. Самарканд был захвачен [28], Ануша-хан "творил неслыханную жестокость по отношению к местным жителям" [23, с. 161]. Шла война Хивы с Бухарой, с участием Самарканда. Локальные военные действия длились до начала XVIII в. [22, с. 68–78].	1686 г. [19, с. 56]. 1687 г. [20, с. 255]. 1697 г. [19, с. 56].	1683 г. – 1; 1688 г. – 1; 1695 г. – 2. (РГАДА. Ф. 134. Оп. 2. Л. 17–18).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

1622 г. – 21 трудоспособный мужчина, а всего 80 человек (примерно 10–15 семей) во всем Тарском уезде [11, с. 21];

1624 г. – 3 юрты с общей численностью 21 человек в Таре Тобольской губернии – одном из традиционных мест поселения бухарцев [9, с. 51].

Вероятно, это были семьи, оставшиеся после гибели Сибирского ханства. Остальные оказались "между двух огней": с одной стороны – очередная война на исторической родине, с другой – полная неизвестность в Западной Сибири, где война закончилась, но территория стала российско-православной вместо золотоордынско-мусульманской. Для принятия решения о такой эмиграции требовалось время.

К 1640-м гг. стали очевидны четыре благоприятных обстоятельства: 1) отношение русского царя к сибирским бухарцам является покровительственным; 2) междоусобных войн на территории Западной Сибири нет и не предвидится; 3) котлы с кипящим маслом (и подобные экзекуции) в Сибири не применяются; 4) земельных пространств (а также воды) в Сибири достаточно, и царь заинтересован в заселении мало освоенных территорий.

Комплекс этих факторов не мог не вызвать новый миграционный поток из Средней Азии с учётом сложного там военно-политического положения. Если первые "жалованные грамоты" касались только торговли и правового иммунитета купцов, то теперь ситуация изменилась. Крестьяне-переселенцы (фактически беженцы) работали на земле, и встал вопрос о льготном землепользовании [20]. Именно с 1640-х гг. наблюдается активность Российского государства по подтверждению льгот сибирским бухарцам, что отражало активность самих просителей, а причины изменений становятся понятны после анализа событий этого периода.

В 1640 г. в Джунгарии произошло объединение кочевых племён, приняты "Монголо-ойратские законы" и утверждён "стратегический план" военного похода в Среднюю Азию, после чего войско двинулось на Ташкент и Туркестан [4, с. 57]. В Бухаре в 1642–1645 гг. хан Надир Мухаммад "проводил политику притеснения народа", а в 1645 г. произошло такое обострение, что "в окрестностях и районах Балха не осталось и следов от населённых пунктов... Это всё разоряло Бухарское ханство". Хивинцы также совершали регулярные нападения на Мавераннахр, а непосредственно на Бухару и Самарканд эти набеги (в тот период – О. Н., У. А., У. М) не прекращались вообще; в плен было захвачено много рабов для продажи на невольничьих рынках" [22, с. 60–64].

Более мелкие нападения на Бухару и её окрестности продолжались в 1650-х и в 1660-х гг. Наконец, после крупного похода в 1666 г. Хива временно была завоёвана Бухарским ханством с вхождением в его состав [23], но борьба лишь ожесточилась. По свидетельству братьев Пазухиных, посланных царём выкупить захваченных в рабство российских подданных, в 1670 г. "...из Бухары, из Балху на обе стороны проезду не было, и на дорогах всяких людей побивали и грабили" [15, с. 63].

Новое военно-политическое обострение в Бухаре началось в период правления Субхан-Кули-хана (1680–1702 гг.) [22, с. 68]. Именно в это время царь издаёт очередные нормативные документы с льготами для сибирских бухарцев: в 1686 г. (ПСЗРИ, Т. II, № 1209, с. 816–817)² и в 1697 г. (ПСЗРИ, Т. III, № 1585, п. 21, с. 316). Так появлялись всё новые и новые "жалованные грамоты".

Создаётся впечатление, что в XVII в. мотивация Российских царей не исчерпывалась торговыми и дипломатическими интересами, а включала такие компоненты, как сочувствие и православную милость, что в понимании церкви соответствовало христианским основам государства. Во времена первых Романовых такая позиция стала частью философии царской власти, её идеологии, с учётом, что отцом молодого Михаила Фёдоровича был глава Русской православной церкви Филарет. По выражению исследователя Д. А. Сысуева, "именно при первых Романовых великий христианский идеал симфонии властей – получил тогда в возрождённой России одно из самых лучших воплощений" [25, с. 53]. Даже с учётом политических реалий XVII в. эта христианская идея стала одним из факторов, обусловивших поддержку сибирских бухарцев: им была предоставлена российская территория и государственная защита.

Сложные военно-политические процессы ставили население мусульманских ханств перед сложным выбором эмиграции в православную страну, а самих мигрантов – в двойственную ситуацию. По замечанию Э. Монахан, "...сибирские бухарцы находились на грани между изменниками и союзниками" [13, с. 110], т. к. для осуществления торговли им приходилось поддерживать контакты с калмыками – врагами России из-за похищения русских. Кроме этого, сибирским бухарцам на протяжении всей своей истории приходилось существовать в двух правовых системах – шариата и российского права [16]. Лавирование между ханствами и Россией происходило также в контексте "ислам ~ православие", причём переход в новую веру был реальностью. Например, в 1647 г. (так в документе) Алексей Михайлович Романов ответил вдове Хивинского царевича Авгана Мухаммеда на её просьбу дать денег для "прокормления": "Выдать... оной и другим новокрещёным" (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Л. 20). Совсем необязательно, что смена веры происходила под давлением обстоятельств: трансформация религиозного мировоззрения могла происходить на фоне реального примера царской православной милости и предо-

² ПЗСРИ – Полное собрание законов Российской империи.

ставления защиты оказавшимся в беде. Такие противоречия свидетельствуют о неоднозначных процессах, связанных с историей сибирских бухарцев в XVII в., а их положение может пониматься как один из вариантов "исторического горя", создававшего ситуацию вынужденного лавирования между двумя религиями, государствами, законами и культурами.

Заключение

В рассматриваемый период система взаимоотношений между бухарцами и Российским государством, включая религиозную составляющую власти, была реализована максимально эффективно, что смогло обеспечить поступление на территорию России ценных товаров, а также привлечь среднеазиатов для выполнения других задач государственного значения. Сибирские бухарцы оказались тем ценным потенциалом для заселения Западной Сибири, который нужно было беречь, и российская власть это понимала. Однако присутствовал и встречный фактор: сложное военно-политическое положение на исторической родине бухарцев стало дополнительным мотивом их сближения с Россией. Первые Романовы старались опираться на православные принципы управления, насколько это было возможно в политических реалиях XVII в., и под российским покровительством сибирские бухарцы были защищены в финансовом, правовом, военном и даже религиозном плане, т. к. российская власть не препятствовала их мусульманскому вероисповеданию.

Миграция представителей Средней Азии в Западную Сибирь была выгодна обеим сторонам. Уникальность их положения состояла в сохранении привилегий достаточно долго; между тем, войны на исторической родине бухарцев также длились долго – весь XVII в., локально продолжившись в последующие столетия. С учётом комплекса рассмотренных факторов, можно утверждать, что для бухарцев-эмигрантов Россия обладала не меньшей ценностью, чем они для России, что содействовало росту переселения и формированию особой группы населения, получившей название "сибирские бухарцы".

Литература / References

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Российской Академии наук. Т. 3. 1613–1645 гг. Санкт-Петербург, 1836. 518 с.
Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the archaeological expedition of the Russian Academy of Sciences. Volume 3. 1613–1645. St. Petersburg, 1836. 518 p. (In Russ.).
2. Беляков А. В. Чингисиды в России XV – XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: "Мир", 2011. 512 с.
Belyakov A. V. The Genghisids in Russia of the XV–XVII centuries: a prosopographical study. Ryazan: "Mip", 2011. 512 p. (In Russ.).
3. Бёрбанк Дж., Купер Ф. Империи в мировой истории: власть и политика различий. Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2010. 528 с.
Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton University Press, 2010. 528 p. (In Russ.).
4. Бийлибаев К. Ш. Борьба народов Центральной Азии против Джунгарского ханства (XVII в.). 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/БОРЬБА-НАРОДОВ-ЦЕНТРАЛЬНОЙ-АЗИИ-ПРОТИВ-ДЖУНГАРСКОГО-Шеримкулович/620ab47d92c54412dac30d715734ef83e958917c> (дата обращения: 09.02.2025).
Bijlibayev K. S. The struggle of the peoples of Central Asia against the Dzungarian Khanate (XVII century). 2016. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/БОРЬБА-НАРОДОВ-ЦЕНТРАЛЬНОЙ-АЗИИ-ПРОТИВ-ДЖУНГАРСКОГО-Шеримкулович/620ab47d92c54412dac30d715734ef83e958917c> (accessed 09.02.2025). (In Russ.).
5. Бустанов А. К. Семейная хроника сибирских сайидов. Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. 2009. № 1–2 (13–14). С. 45–61.
Bustanov A. K. Family chronicle of the Siberian Sayyids. Shajara Risalasi (text, translation, commentary) // Islam in the modern world. 2009. No. 1–2 (13–14). P. 45–61. (In Russ.).
6. Джумагулова А. Т. Ногайцы в центре русско-крымско-османского соперничества // Современная наука и инновации. 2013. № 4 (4). С. 51–56.
Dzhumagulova A. T. Nogais in the center of the Russian-Crimean-Ottoman rivalry // Modern Science and Innovation. 2013. No. 4 (4). P. 51–56. (In Russ.).
7. Исхаков Д. М., Тычинских З. А. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз Мухаммеда в Касимовском ханстве // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 2. С. 397–410. EDN: LALYTB. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.397-410>

- Iskhakov D. M., Tychinskikh Z. A. Political and ideological prerequisites for the enthronement of the Kazakh Sultan Uraz Muhammad in the Kasimov Khanate // *Golden Horde Review*. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 397–410. EDN: LALYTB. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.397-410> (In Russ.).
8. Джеткинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг.: Бухара, Ургенч. URL: <https://mytashkent.uz/2018/07/24/puteshestvie-v-srednyuyu-aziyu-1558-1560-gg-buhara-urgench/> (дата обращения: 09.02.2025).
 - Jetkinson A. Journey to Central Asia 1558–1560: Bukhara, Urgench. URL: <https://mytashkent.uz/2018/07/24/puteshestvie-v-srednyuyu-aziyu-1558-1560-gg-buhara-urgench/> (accessed 09.02.2025). (In Russ.).
 9. Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: "Фан", 1968. 77 с.
Ziyaev H. Uzbeks in Siberia (XVII–XIX centuries). Tashkent: "Fan", 1968. 77 p. (In Russ.).
 10. Зиёев Ҳ. Сибир, Волга ва Урал бўйларидаги ўзбеклар (Энг қадимги даврлардан XX аср башларигача). Тошкент: "Шарқ", 2003. 320 с.
Ziyaev H. Uzbeks along the Siberian, Volga and Ural rivers (From ancient times to the early 20th century). Tashkent: "Sharq", 2003. 320 p. (In Uzbek).
 11. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: "Наука", 2011. 248 с.
Koruseenko S. N. Siberian Bukharians at the beginning of the 18th century. Omsk: Nauka, 2011. 248 p. (In Russ.).
 12. Лапин Н. С. Сибирское и Бухарское ханства в материалах казахско-русских переговоров 1595 года // *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12. № 3. С. 619–643. EDN: ILYLNF.
<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643>
Lapin N. S. Siberian and Bukhara Khanates in the materials of the Kazakh-Russian negotiations of 1595 // *Golden Horde Review*. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 619–643. EDN: ILYLNF.
<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643> (In Russ.).
 13. Монахан Э. Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 323 с.
Monakhan E. Siberian merchants. Trade in Early Modern Eurasia. Moscow: New Literary Review, 2016. 323 p. (In Russ.).
 14. Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Ташкент, 1956. 303 с.
Muhammad Yusuf Munshi. Mukim Khan History. Tashkent, 1956. 303 p. (In Russ.).
 15. Наказ Борису Андреевичу и Семёну Ивановичу Пазухиным на посольство в Бухару, Балх и Юргенч. 1669–1673. СПб.: Изд-во Аскалона Труворова, 1894. 91 с.
The order to Boris Andreevich and Semyon Ivanovich Pazukhin for the embassy to Bukhara, Balkh and Jurgench. 1669–1673. St. Petersburg: Ascalon Truvorov Publishing, 1894. 91 p. (In Russ.).
 16. Науменко О. Н., Абдуллаев У. И. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII – начале XX веков // *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 437–455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455>
Naumenko O. N., Abdullaev U. I. Adaptation of Sharia to Russian criminal law among the population of Western Turkestan and Siberian Bukharians in the late 18th – early 20th centuries // *Scientific Dialogue*. 2024. Vol. 13. No. 5. P. 437–455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455> (In Russ.).
 17. Острикова Э. В. Жалованные грамоты как средство закрепления феодальных иммунитетов в таможенном деле / Развитие таможенного дела Российской Федерации: Дальневосточный вектор. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. С. 178–185.
Ostrikova E. V. Chartered letters as a means of securing feudal immunities in customs / Development of Customs Affairs of the Russian Federation: Far Eastern Vector. Vladivostok: Director of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2011. P. 178–185. (In Russ.).
 18. Почекаев Р. Ю. Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII–XIX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2017. Т. 21. № 1. С. 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70>
Pochekaev R. Yu. Evolution of the legal status of Bukharians in Russian legislation of the 18th–19th centuries // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70> (In Russ.).
 19. Пузырев И. Д. К вопросу о землевладении сибирских бухарцев // *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*, 2021. С. 248–270.
Puzirev I. D. On the Issue of Land Ownership of Siberian Bukharians // *The System of Land Ownership and Social Categories of the Population of the Volga-Urals and Western Siberia of the 16th–19th Centuries. Issue 1. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*, 2021. P. 248–270. (In Russ.).
 20. Рахмани А. А. оғлы "Тарих-и алам арай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана / *Акад. наук АзССР. Ин-т истории. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР*, 1960. 192 с.
Tahmani A. A. oglu "Tarikh-i Alam Arai-i Abbasi" as a Source on the History of Azerbaijan / *Academy of Sciences of the AzSSR, Institute of History. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the AzSSR*, 1960. 192 p. (In Russ.).

21. Саидов А. Политическая история Бухарского ханства в XVII – первой половине XVIII вв. Душанбе: Ирфон, 2007. 149 с.
Saidov A. The Political History of the Bukhara Khanate in the 17th – First Half of the 18th Centuries. Dushanbe: Irfon, 2007. 149 p. (In Russ.).
22. Саидов А. Бархурдҳои низомӣ миёни хониҳои Бухоро ва Хева дар асри XVII // Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ. 2020. № 5 (88). С. 159–162.
Saidov A. Military Clashes between the Khanates of Bukhara and Khiva in the 17th Century // Message of the Pedagogical University. 2020. No. 5 (88). P. 159–162. (In Tajik).
23. Солоткин Я. М. Окончательный разгром Кучума (1598 г.) в сибирской летописной традиции // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2015. № 4. С. 23–28.
Solodkin Ya. M. The Final Defeat of Kuchum (1598) in the Siberian Chronicle Tradition // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2015. No. 4. P. 23–28. (In Russ.).
24. Сысуйев Д. А. 400 лет дому Романовых: развитие идеи русской христианской государственности // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 4 (24). С. 50–54.
Sysuev D. A. 400 Years of the Romanov House: Development of the Idea of Russian Christian Statehood // Humanitarium. Current Problems of Humanities and Education. 2013. No. 4 (24). P. 50–54. (In Russ.).
25. Татауров С. Ф. Бухарская слобода в Таре в XVII – XIX вв. // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. С. 152–164.
Tataurov S. F. The Bukhara Settlement in Tara in the 17th–19th Centuries // Military and Taxed People in Russia of the 15th–19th Centuries: Features of Land Ownership, Estate Nominations. Chelyabinsk: A. Miller Library, 2022. P. 152–164. (In Russ.).
26. Тимченко С. В. Международное положение Средней Азии и политическая борьба в Бухарском Эмирате в конце XVII – начале XVIII вв. // Вестник КАСУ. 2009. № 4. URL: <https://vestnik-kafu.info/journal/20/835/> (дата обращения: 09.02.2025).
Timchenko S. V. The International Position of Central Asia and the Political Struggle in the Emirate of Bukhara in the Late 17th – Early 18th Centuries // Bulletin of KASU. 2009. No. 4. URL: <https://vestnik-kafu.info/journal/20/835/> (accessed 09.02.2025). (In Russ.).
27. Тычинских З. А. О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI – XIX веках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 3. Археология и этнография. С. 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121>.
Tychinskikh Z. A. Features of Formation of the Tobolsk Bukharians Group in the 16th–19th Centuries // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2021. Vol. 20. No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121> (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Николаевна Науменко, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Ургенчского инновационного университета, Ургенч, Республика Узбекистан; Университет Мамун, Ургенч, Республика Узбекистан, профессор кафедры истории, e-mail: oolgann@mail.ru

Уткир Исмаилович Абдуллаев, Ph.D, заведующий кафедрой истории Ургенчского государственного университета им. Абу Райхана Беруни, Ургенч, Республика Узбекистан, e-mail: utkir112@mail.ru

Умрбек Бахтиёрович Махмудов, Ph.D, заведующий кафедрой истории Ургенчского инновационного университета, Ургенч, Республика Узбекистан, e-mail: umrbekmaxmudov0088@gmail.com

Information about the authors

Olga N. Naumenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Urgench Innovative University, Urgench, Republic of Uzbekistan; Mamun University, Urgench, Republic of Uzbekistan, Professor of the Department of History, e-mail: oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev, Ph.D., Head of the Department of History, Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Republic of Uzbekistan, e-mail: utkir112@mail.ru

Umrbek B. Makhmudov, Ph.D., Head of the Department of History, Urgench Innovative University, Urgench, Republic of Uzbekistan, e-mail: umrbekmaxmudov0088@gmail.com

Поступила в редакцию 15.10.2025

Одобрена после рецензирования 12.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 15.10.2025

Approved 12.05.2025

Accepted 26.05.2025

Имущественная дифференциация казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX веков

Алексей Сергеевич Чертков
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, alexchertkov@list.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и статистических данных анализируется процесс хозяйственного расслоения в среде якутского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. Автор определяет хозяйственную специализацию казачьих команд Якутской области, которой соответствовали три типа хозяйств: земледельческой-скотоводческий, скотоводческо-сенокосный и промыслово-сенокосный. Выводы о группировке хозяйств и социальной дифференциации у якутских казаков делаются автором на основе ряда признаков: размер земледелия, площадь посева, обеспеченность скотом, величина покосов, наличие орудий труда, найм рабочей силы, развитие арендных отношений, оценка домовладений.

Ключевые слова: якутские казаки, казачьи команды, казачье сословие, казачьи хозяйства, социальная дифференциация, хозяйственная специализация, землепользование, арендные отношения, найм рабочей силы
Для цитирования: Чертков А. С. Имущественная дифференциация казачьего сословия Якутской области во второй половине XIX – начале XX веков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 95–109. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/95-109>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/95-109>

Property differentiation of the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries

Alexei S. Chertkov
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia, alexchertkov@list.ru

Abstract. The article analyzes the process of economic stratification among the Yakut Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries based on archival materials and statistical data. The author defines the economic specialization of the Cossack teams of the Yakut region, which corresponded to three types of farms: agricultural-cattle breeding, cattle breeding-haymaking, and commercial-haymaking. The author draws conclusions about the grouping of farms and social differentiation among the Yakut Cossacks based on a number of features: by the size of agriculture, sown areas, provision with livestock, the size of mowing, the availability of tools, hiring of labor, the development of rental relations, and the assessment of households.

Key words: Yakut Cossacks, Cossack teams, Cossack estate, Cossack farms, social differentiation, economic specialization, land use, lease relations, hiring of labor

For citation: Chertkov A. S. Property differentiation of the Cossack estate of the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 95–109. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/95-109>

Введение

Служилые люди и казаки явились одной из основных движущих сил присоединения Северо-Востока Азии к Русскому государству в XVII в. В дальнейшем они внесли весомый вклад в хозяйственное освоение региона.

В историографической традиции было принято рассматривать служилых людей в концепции военно-правительственного присоединения Сибири к Русскому государству. Вместе с тем, как только исследования начали выходить на уровень изучения социально-экономического положения служилых людей по прибору – стрельцов, казаков, пушкарей и других групп населения, повёрстанных на службу, то обнаруживалось, что они находились в промежуточном положении между служилыми людьми по отчеству и тяглыми слоям [19, с. 194–198]. Одними из первых на данную особенность обратили внимание дореволюционные историки В. О. Ключевский [13] и П. Н. Павлов-Сильванский [22]. Тогда же было отмечено, что низшие разряды служилых людей по прибору "владели мелкими участками земли по сябренному (товарищескому) праву владения и платили пошлыны с промыслов, оброк с лавок... и сравнивались в податном состоянии с посадскими людьми" [22, с. 190, 204–205].

Н. Д. Чечулин [36, с. 293–296] и С. Ф. Платонов [25, с. 68–70], исследуя архивные документы по истории городского населения Смутного времени Московского государства периода XVI – XVII вв., выдвинули предположение о близости части приборных служилых людей к крестьянам. Советские историки К. В. Базилевич [2], С. В. Бахрушин [4], А. А. Новосельский [20],

М.Н. Тихомиров [32], Е. В. Чистякова [37], В. А. Александров [1] развили вывод предшественников о неоднородности служилого сословия и представляли его как эксплуатируемую часть населения феодального государства. "В процессе консолидации сословий, свойственном позднефеодальному государству, в XVII в. создавались предпосылки для утраты в XVIII в. населением стрелецких слобод своих привилегий и превращения его в часть податного населения страны" [1, с. 250].

В дальнейшем исследования советских историков, посвященные изучению социально-экономической истории Сибири, рассматривались сквозь призму определения характера и роли социальных слоёв в присоединении новых земель: торгово-промышленной – С. В. Бахрушин [3], крестьянской – В.И. Шунков [38], правительственной и вольной колонизации – Н.В. Устюгов [33, с. 67–68], В. Г. Мирзоев [18, с. 61–62] и др. Н. И. Никитин, говоря о промежуточном положении приборных служилых людей "между феодалами и трудящимися массами", указывал на близость их "к простому народу", добавляя: "но к каким именно слоям в массе своей они близки по характеру занятий (крестьянам, посадским, промышленным, гулящим людям или в отдельности ни к кому из них), ещё предстоит выяснить путём глубокого порайонного изучения положения приборных служилых людей во всем Русском государстве" [18, с. 6]. Настоящее исследование отвечает такой поставке задачи, так как рассматривает хозяйственную деятельность якутского казачества по командам, размещённым в различных улусах Якутской области.

Вопросы социально-экономического положения служилого сословия области в XIX – начале XX вв. рассматривались в исследованиях Г. П. Башарина [5], Ф. Г. Сафронова [29], А. С. Черткова [35]. На смежные процессы расслоения в казачьей среде в сибирских, забайкальских и дальневосточных войсках указывали А. Я. Воронина [7, с. 46–55], Т. В. Махниборода [16], О. И. Сергеев [30], Ю. Н. Осипов [21], Н. И. Никитин [19], А. Р. Ивонин [10] и др.

Предметом исследования являются социально-экономические отношения в казачьих хозяйствах Якутской области. Цель статьи – выявить степень имущественной дифференциации казачьих хозяйств в командах Якутского полка. Задачи исследования – на основе выявленного в архивах статистического материала, характеризующего обеспеченность казаков земельными наделами, посевом сельскохозяйственных культур, скотом, средствами производства, наличием арендных отношений и найма рабочей силы определить хозяйственную специализацию и установить уровень имущественной дифференциации в каждой из команд казачьего полка. Другие виды социальной стратификации якутского казачества, возникшие в процессе его взаимодействия в условиях дореволюционного общества (сословно-классовая, социально-культурная и др.), рассматриваются нами в составе другого исследования [35].

Методология исследования

Методологической основой статьи явились содержащиеся в трудах дореволюционных и советских ученых положения о выявлении базовых признаков специализации крестьянских хозяйств. В. Д. Халдеев настаивал на том, что группировка хозяйств по обеспеченности скотом "будет в большей мере отражать производственную сущность хозяйств Якутии" [34, с. 6–7]. Дифференциацию хозяйств по размерам посева он ставил на второй план, а также не признавал наличия земледельческо-скотоводческой и промыслово-скотоводческой направленности местных крестьянских хозяйств. М. К. Расцветаев выделял следующие типы якутских хозяйств: земледельческо-скотоводческий, скотоводческий с зачатками земледелия, чисто скотоводческий и промыслово-скотоводческий [26, с. 17]. Высказывания о казачестве В. И. Ленина как о "привилегированном крестьянстве" [14, с. 410], легли в основу марксистской методологии разработки теоретических проблем социально-экономической истории этого служилого сословия. Он подчёркивал неоднородность казачьих хозяйств, различавшихся "в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д." [14, с. 315–316].

Для русских крестьян Якутии второй половины XIX – начале XX вв. Ф. Г. Сафронов справедливо выделил два типа хозяйств: земледельческо-ско-

товодческий (у приленских) и скотоводческо-земледельческий (у амгинских и вилюйских крестьян) [27, с. 335–336]. В. Н. Иванов обосновал возникновение у служилых людей Якутского уезда в XVII в. скотоводческо-сенокосного хозяйства [9, с. 357–365]. Ф. Г. Сафронов рассмотрел вопросы казачьего землепользования, хлебопашества, скотоводства и занятия промыслами [28, с. 232–236].

Настоящее исследование социальной неоднородности казачества Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв. базируется на выше-названных методологических разработках, а также учитывает хозяйственную специализацию каждой казачьей команды, входившей в состав Якутского полка. Такой подход для выявления особенностей сословно-классовой дифференциации дальневосточного крестьянства и казачества применен в монографии Э. М. Шагина [39, с. 70]. Автор считает, что выделение какого-либо одного признака хозяйственной специализации хозяйств служилых людей и казаков не является единственно верным решением. Поэтому выводы о группировке хозяйств и социальной дифференциации у якутских казаков делаются нами на основе ряда признаков: размер земледелия, площадь посева, обеспеченность скотом, величина покосов, наличие орудий труда, найм рабочей силы, развитие арендных отношений, оценка домовладений. Выбор означенных переменных продиктован источниковой базой исследования – наличием данных количественных обследований казачьих хозяйств области на конец XIX в. и начало XX в., извлечённых из архивных хранилищ, что в целом соответствует существовавшей то время методике изучения хозяйственного состояния сословий в дореволюционный период. Подтверждением такого подхода является аналогичная группировка выбранных признаков, классифицированных в исследованиях О. И. Сергеева [30] и Т. В. Махнборода [16] при стратификации дальневосточных казачьих хозяйств периода развития в России капиталистических отношений. Размеры казачьих наделов, наличие скота, покосов, орудий труда являлись основой казачьего землепользования и необходимыми условиями выживания данной категории служилых людей в суровых условиях рискованного земледелия. Обнаруженные нами сведения о найме рабочей силы, развитии арендных отношений свидетельствуют о проникновении капиталистических элементов в казачью систему хозяйствования.

Сравнительно-исторический подход и базирующийся на сравнении количественных данных типологический анализ позволили стратифицировать различные уровни обеспеченности казачьих хозяйств.

Изучение хозяйственного состояния служилого сословия и казаков затруднительно, так как при всём многообразии документов, выявленных нами в архивных хранилищах (приказы и распоряжения по Якутскому казачьему полку, годовые отчеты, раздаточные списки, книги записи долгов, ведомости о посевах и уродившемся хлебе, переписка о выделении пахотных, сенокосных, промысловых угодий и др.), отсутствуют полные переписи казачьих команд, расположенных в разных городах Якутской области. Тем не менее, добротный собранный переписной материал также составляет источниковую базу исследования: подворные карточки хозяйственной переписи, осуществленной 10 апреля и 10 июля 1885 г. в окружных городах и хранящиеся в материалах Национального архива Республики Саха (Якутия), фонд №343 Якутского статистического комитета; статистико-экономический очерк, составленный канцелярией Якутского областного статкомитета на основе анкетирования в июле 1907 г. – июне 1908 г. 315 казачьих хозяйств [12].

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым трудом, в котором на основе архивных и документальных источников осуществлена социально-экономическая классификация казачьих хозяйств и выявлена специализация каждой команды, входившей в состав Якутского казачьего полка в изучаемый период.

Обеспеченность землёй, скотом и посевами в казачьих хозяйствах

Якутские казаки в первой половине XVIII – середине XIX вв. занимали значительное место в сословной структуре населения северо-восточных городов. Однако по мере образования самостоятельных административно-территориальных единиц Охотско-Камчатского края общая численность якутских казаков сокращается. В 1857 г. казачье население Якутской области составля-

ло 1203 душ м. п. 1171 ж. п., всего 2374 чел.; к 1906 г. оно сократилось на 953 чел. и насчитывало 1421 чел. обоего пола [35, с. 19–30]. При росте городского населения Якутской области в период с 1862 по 1911 гг. почти в два раза, удельный вес в нём казачьего населения края сократился: с 22% в 1862 г. до 13,2% в 1911 г. [23, с. 11–12].

В соответствии с реформой административно-территориального устройства Сибири М. М. Сперанского в 1822 г. в г. Якутске было учреждено Якутское Областное Правление, подчинявшееся Иркутскому губернскому правлению. С принятием 22 июня 1822 г. "Устава о сибирских городских казаках" была установлена военно-организационная структура казачьих формирований области, объединенных в Якутский пеший городской казачий полк (далее – ЯПГКП), состоявший из 5 сотен (команд): первая и вторая сотни располагались в г. Якутске, третья – в г. Гижигинске, четвертая – в г. Охотске и пятая объединяла команды, расположенные в городах Олёкминске, Верхоянске, Вилуйске, Колымском округе, Удском укреплении и при Алданском перевозе [35, с. 20–21].

Гижигинская казачья команда была выведена из подчинения якутского атамана в 1858 г. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 28. Л. 3)¹. Сокращение штата казаков Охотской команды началась сразу после императорского указа 2 декабря 1849 г. Окончательно Охотский округ был отделён от Якутской области в 1856 г. и стал частью Приморской области, однако казаки этой команды продолжали подчиняться якутскому полковому атаману, кому отправляли сведения о состоянии дел в отряде вплоть до начала XX в. [35, с. 19–30]. После выделения из состава полка двух этих команд ЯПГКП организационно состоял из Якутской, Олёкминской, Вилуйской и двух отдаленных северных команд – Верхоянской и Колымской. Такое устройство полка просуществовало в неизменном виде вплоть до его расформирования в результате революционных событий 1917 г.

Согласно Уставу 1822 г. для Якутского казачьего полка была определена предельная численность штатных служилых в количестве 571 чел.: атаман, 5 сотников, 5 хорунжих, 18 пятидесятников, 28 младших урядников, 7 писарей, 7 мастеровых и 500 казаков.

По мере закрепления первых служилых отрядов на Ленской земле, казаки стали претендовать на выделение им земельных угодий. В 1810 г. Якутской казачьей команде было отведено казенных оброчных земель по одним источникам – 358 дес. 290 саж. [5, с. 260], по другим – 780 дес. (НА РС(Я). Ф. 348. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–11; Д. 21. Л. 12–14). Казачьи команды, расположенные в других окружных городах, пользовались в основном неудобными землями, обретенными захватным путем.

В первой половине XIX в. из значившихся в реестре в Якутской области 1960 дес. 993 саж. пахотной земли в пользовании казаков находилось 102 дес. 1399 саж., что составляло 5,2% общего количества "мягкой пашни". В то же время на долю русских крестьян приходилось 15,2% плодородной земли, якутов – 77,6% [17, с. 157]. В 1858 г. якутские казаки имели в пользовании уже 7020 дес. 617 саж., из которых 2021 дес. 1722 саж. были непригодными для занятия сельским хозяйством.

Различия в обеспеченности пахотными землями, сложившиеся к середине XIX в., предопределили складывание социальной неоднородности в казачьей среде. Размеры посевных площадей влияли на экономику казачьих хозяйств. Сведения о размерах посевов в двух земледельческих командах края – Якутской и Олёкминской приведены в таблице 1.

Обращает внимание увеличение числа дворов без посева в Якутской команде: в 1877 г. – 52,2% хозяйств, в 1907 г. – 80,3%, что объясняется нами характерной для этой команды практики сдачи наделов в аренду и общим упадком земледелия в среде служилых центрального улуса. В Олёкминской команде, наоборот, земледельцами становилось больше казаков: количество беспосевных дворов сократилось с 63% в 1885 г. до 57,4% в 1907–1908 гг. Для казаков Якутской команды, занимающихся земледелием, характерно наличие значительного числа хозяйств, засевавших в 1877 г. до 3 дес. – 38,7%; в Олёкминской команде таких было 33,3%, что, по-видимому, являлось чертой

¹ НА РС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

бедности, позволявшей служилым обеспечивать себя минимальными запасами хлеба. По сравнению с данными конца XIX в. количество казаков, сеявших от 3 до 5 дес., в 1907–1908 гг. увеличивается только в Олёкминской команде – до 16,4%. В Якутске количество казаков, засевавших сельскохозяйственными в 1877 г. площади более 10 дес., составляет 3,6%; в 1907–1908 гг. участки с посевами более 10 дес. не зафиксированы, зато 5,1% хозяйств владели посевами на площади от 6 до 9 дес.

Занятие скотоводством являлось основным занятием коренных народов области, в основном якутов, важным показателем хозяйственной состоятельности населения. Для выполнения служебных обязанностей преимущество отдавалось верховым казакам. В первой половине 1650-х годов в разрядах служилых людей Якутского уезда выделяли "конных казаков", которым полагалось 4 четверти овса на лошадь в год (зачастую овёс заменялся толокном и крупой) [29, с. 76]. Однако данная практика не получила распространения поскольку покупка и содержание лошадей значительно превышали выделенные на них ресурсы и в последствии из реестров на получение довольствия данная категория казаков была вычеркнута.

Результаты реконструкции временных рядов значений шести переменных, представляющих распределение скота у четырёх казачьих команд ЯГП-КП в 1885 г. синхронизированы в *таблице 2*.

В конце XIX в. среди казачьих хозяйств особенно заметны различия в распределении лошадей. Доля безлошадных хозяйств остается высокой, что говорит о бедности большинства служилых. Так, число безлошадных достигает в Олёкминской команде 55,6%, Вилюйской – 64,1%, Верхоянской – 76,9% и Колымской – 80%. Следом идут малоимущие казаки, имеющие по одной лошади: Колымская – 2,2%, Верхоянская – 7,7%, Вилюйская – 15,4% и Олёкминская команда – 29,6%. Наибольшее число хозяйств, владеющих двумя лошадьми, было в Вилюйской команде – 10,3%. Наблюдается и наличие крупных хозяйств, сосредоточивших в своём владении 10 и более лошадей: Вилюйская – 5,1%, Верхоянская команда – 3,8%.

Подавляющее число казаков в 1885 г. не имело в своих хозяйствах крупного рогатого скота: в Вилюйской команде их насчитывалось 41%, Олёкминской – 51,9%, Верхоянской – 65,4%, Колымской – 77,8%. По 2 коровы или быка содержали 22,2% хозяйств Олёкминской команды, 12,8% – Вилюйской, 7,6% – Верхоянской, 2,2% – Колымской. Прослеживается и ещё одна закономерность: в некоторых командах увеличение численности хозяйств со скотом происходит за счёт повышения количества дворов, имеющих только 2 головы скота. В то же время во всех командах наблюдается наличие хозяйств, в которых было сосредоточено 10 и более голов крупного рогатого скота. Наибольшее количество их приходится на Верхоянскую команду – 23,1%. Для этой команды характерно положение, когда 30,8% хозяйств имели в пользовании одновременно и лошадей и рогатый скот.

Данные *таблицы 2*, основанные на сопоставлении сведений, содержащихся в подворных карточках переписи, проведённой 10 апреля и 10 июля 1885 г. в городах Якутской области, говорят о том, что казачьи команды не имели лошадей и крупного рогатого скота и представляли собой в основном беднейшую часть этого сословия.

Анкетирование 315 казачьих хозяйств, осуществлённое Якутским областным статистическим комитетом в июле 1907 г. – июне 1908 г. позволяет получить более детальные данные. Результаты реконструкции распределения рабочих лошадей и крупного и мелкого рогатого скота между якутскими казачьими командами в значении пяти переменных синхронизированы в *таблице 3*.

В 1907–1908 гг. в Якутском казачьем полку 37,1% казаков имели рабочих лошадей, на одного служилого в целом по полку приходилось в среднем по 1,3 головы. Обеспеченность крупным рогатым скотом составляла 38,1%, мелким – 29,2%. В среднем, на каждого казака приходилось по 2 головы рогатого скота. Наиболее обеспеченными скотом в эти годы оказались казаки Вилюйской команды – 56,1% с лошадьми, 68,4% – с крупным рогатым скотом, 35,1% – с мелким рогатым скотом. Следом по данным показателям идут Верхоянская и Якутская команды.

Материалы переписи 1917 г. по г. Якутску, основанные на данных лишь 21 хозяйства Якутской казачьей команды, привели её составителя М. П. Со-

Табл. 1. Посев сельскохозяйственных культур в казачьих хозяйствах Якутской и Олёкминской команд в 1877 г., 1885 г. и в 1907–1908 гг., %

Table 1. Sowing of agricultural crops in the Cossack farms of the Yakut and Olekminsk teams in 1877, 1885 and in 1907–1908, %

Название Название команд	Якутская команда		Олёкминская команда	
	1877 г.	1907–1908 гг.	1885 г.	1907–1908 гг.
Без посева	52,5	80,3	60,0	57,4
до 3 дес.	38,7	14,6	33,3	24,6
3–5 дес.	5,2	–	3,7	16,4
6–9 дес.	–	5,1	–	1,6
10 дес. и более	3,6	–	–	–

Источник: составлено автором на основе (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 183. Л. 5–62; НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–9; Ф. 343. Оп. 1. Д. 344. Л. 1–341; РГВИА. Ф. 1447. Оп. 3. Д. Л. 2–3)¹; [12, с. 51–54].

Source: compiled by the author based on (RGIA. F. 1290. Op. 4. D. 183. L. 5–62; ON RS(YA). F. 401. Op. 1. D. 230. L. 1–9; F. 343. Op. 1. D. 344. L. 1–341; RGVIA. F. 1447. Op. 3. D. L. 2–3); [12. p. 51–54].

колова к ошибочному выводу о том, что "на одно хозяйство казаков трёх южных округов Якутии приходилось по 8 лошадей и 10 голов рогатого скота", что "соответственно на 100 душ этого сословия составляет 165 и 211 голов" [31, с. 32]. Учитывая количество хозяйств, наличие скота у служилого и отставного казачества в 1907–1908 гг., приходим к выводу, что одно казачье хозяйство в среднем владело 1,3 лошади и 2 головами рогатого скота.

Таким образом в конце XIX – начале XX вв. выявляется социальная неоднородность казачьих хозяйств Якутской области во владении скотом: зажиточные казаки имели от 10 до 15 лошадей и 7–10 голов рогатого скота; к бедняцким относятся хозяйства, не имевшие скота, а также собственники не более, чем 5 голов рогатого скота и лошадей. Количество безлошадных казачьих хозяйств достигает в полку 69,1%, не имеющих рогатого скота – 59%.

Наличие орудий труда является одним из показателей, определяющих степень развития общественного производства. Результаты реконструкции временных рядов значений четырёх переменных – процент собственников орудий труда в полку, владельцев сох и плугов; борон; неводов, сетей и лодок, характеризующих обеспеченность казачьих команд ЯГПКП орудиями труда для занятия земледелием и рыболовным промыслом в 1907–1908 гг. синхронизированы в *таблице 4*.

В 1907–1908 гг. у казаков Якутской, Олёкминской и Вилюйской команд переписчики Якутского областного статкомитета зафиксировали всего лишь 48 сох с плугами и 100 борон. По количеству рыболовных орудий бесспорное лидерство принадлежало Колымской команде, где на каждого домохозяина приходилось в среднем по неводу, лодке и по 11 сетей (приведённый показатель собственников орудий труда в этой команде – 93,9%, составленный на основе донесений управляющего команды, скорее всего учитывает общее количество приспособлений для рыбной ловли и охоты, т. к. других промыслов в этом отделённом улусе развито не было). Во всех командах Якутского полка было переписано 57 неводов (стоимость одного невода составляла от 30 до 120 руб.) и 556 сетей. В среднем на одного казака приходилось по 0,8 лодок и 1,77 сетей. Всего по полку примерно 26,7% казаков являлись собственниками каких-либо орудий труда.

² РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Табл. 2. Обеспеченность скотом хозяйств Якутского казачьего полка в 1885 г., %
Table 2. Provision of livestock at the farms of the Yakut Cossack Regiment in 1885, %

Название Название команд	Олёкминская команда		Вилуйская команда		Верхоянская команда		Колымская команда	
	лошадей	роз. скот	лошадей	роз. скот	лошадей	роз. скот	лошадей	роз. скот
Без скота	55,6	51,9	64,1	41,0	76,9	65,4	80	77,8
с 1 гол.	29,6	3,7	15,4	2,6	7,7	–	2,2	–
с 2 гол.	7,4	22,2	10,3	12,8	7,7	7,6	6,7	2,2
с 3–5 гол.	3,7	11,1	5,1	23,1	–	–	4,4	13,3
с 6–9 гол.	3,7	7,4	–	12,8	3,8	3,8	2,2	2,2
с 10 и более	–	3,7	5,1	7,7	3,8	23,1	4,4	4,4

Источник: составлено автором на основе (НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 344. Л. 1–651; Ф. 23. Оп. 1. Д. 1133. Л. 1–129).

Source: compiled by the author based on (NA RS (Y). F. 343. Op. 1. D. 344. L. 1–651; F. 23. Op. 1. D. 1133. L. 1–129).

Арендные отношения и наём рабочей силы в казачьей среде

Наличие арендных отношений в казачьей среде в конце XIX в. является одним из показателей проникновения капиталистических элементов в экономику Якутской области. Сложившийся в казачьих хозяйствах "уравни- тельный принцип" распределения земельных наделов в Сибири и в Якутии на самом деле лишь прикрывал развивающуюся хозяйственную дифференци- ацию в служилой среде.

Первое упоминание о "сдаче земли под коуртам" ("коуртам", якут. – арендная плата, аренда) у коренных якутских народов относится к 1665 г. [9, с. 266, 268]. Во второй половине XVII в. арендные отношения в силу наделения служилых людей и крестьян первыми наделами земли стали практиковаться и у русского населения Якутского уезда. В исследованиях истории аграрных отношений более позднего периода допущено несколько неточностей. Так, Г. Г. Макаров считал, что свои земельные наделы казаки "в большинстве слу- чаев сдавали в аренду якутам-скотоводам" [15, с. 139]. Несомненно, во второй половине XIX в. между служилым сословием и якутскими скотоводами прак- тиковались такие сделки с землёй, но в менее развитой форме и причём лишь до начала 1860-х гг., т. к. с этого времени главными арендаторами казачьих наделов уже являются скопцы, первая партия которых прибыла в Якутск ле- том 1861 г. в количестве 319 чел. [11, с. 3]. В 1873 г. часть скопцов (41 чел.) была отправлена для развития хлебопашества в отдалённые северные улусы – Верхоянский и Колымский, естественно, из-за природно-климатических ус- ловий их опыты земледелия там не увенчались успехом и в 1877 г. они были переселены в Якутский и Олёкминский уезды (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 139. Л. 1–15; Д. 800. Л. 3–33), где стали производить хлеб не только для себя, но и на продажу, "создав при помощи наёмного труда торговое земледелие" [28, с. 94].

Следующее уточнение относится к утверждению З. В. Гоголева о том, что якутские казаки имели право сдавать земельный надел "в аренду на год" [8, с. 86]. Архивные документы свидетельствуют, что во второй половине XIX в. казаки сдавали землю в аренду безо всяких временных ограничений. Так, в 1879 г. 9 казаков Якутской команды сдавали свои наделы более зажиточным "собратьям-казакам" на срок от 2 до 10 лет, 2 участка передавали мещанам, 1 – якуту и 47 – скопцам (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 262. Л. 8). Плата за арендованные участки земли устанавливалась в договорном порядке: напри-

Табл. 3. Распределение рабочих лошадей и рогатого скота по казачьим хозяйствам Якутского казачьего полка в 1907–1908 гг., %

Table 3. Distribution of working horses and cattle among Cossack farms of the Yakut Cossack Regiment in 1907–1908, %

Название команды	Имели рабочих лошадей	На одного казака рабочих лошадей, гол.	Имели крупный рогатый скот	Имели мелкий рогатый скот	На одного казака крупн. и мелк. рогатого скота, гол.
Якутская	35,7	1,1	29,3	29,3	1,8
Олёкминская	27,9	0,7	29,5	26,2	0,9
Вилуйская	56,1	2,8	68,4	35,1	3,7
Верхоянская	25,0	0,5	41,7	37,5	2,6
Колымская	36,4	0,7	36,4	18,2	1,2
В среднем по полку	37,1	1,3	38,1	29,2	2,0

Источник: составлено автором на основе [12, с. 61–72].

Source: compiled by the author based on [12, p. 61–72].

мер, казаки Сивцев и Аммосов отвели скопцу Мархинского селения Рондела 9 дес. на 3 посева за 50 руб. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 300. Л. 14). Скопцы не только расширяли площади своих посевов, но и пасли на арендованных землях скот, чем вызывали неудовольствие казаков (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 617. Л. 23). Справедливо замечено, что успех скопческих поселений зависел и от степени хозяйственной "эксплуатации ими коренного населения и барышничества" [24, с. 192].

Только в 1911 г. дополнениями к "Правилам пользования хлебопахотными землями" администрацией области и полковым начальством стали регламентировать сроки сдачи земли казаками в аренду на установленный срок – не более, чем на 2 года. Наличие арендных отношений объясняется острой нехваткой свободной пахотной земли в области, усугубляющейся притоком сюда скопческого населения. Якутские казаки пользовались небольшого размера наделами, поэтому скопцы одновременно арендовали участки у нескольких хозяев. Например, в 1883 г. 44 скопца Мархинского селения взяли в аренду для хлебопашества 726 $\frac{1}{2}$ дес. земли в общей сложности у 114 чинов Якутского казачьего полка: 184 дес. были арендованы у офицерских чинов (в среднем по 9,2 дес. с одного служилого) и 448 $\frac{3}{4}$ дес. земли было арендовано у рядовых казаков, средний сдаваемый надел которых составлял 5,3 дес. (НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 328. Л. 8–9).

Следующей категорией казачьего сословия, практиковавшей сдачу земли в аренду, являлись отставные казаки. Средний сдаваемый надел отставных составлял 6,3 дес. Прослеживается и ещё одна закономерность: срок пользования передаваемых в аренду земель служилые казаки определяли для скопцов в среднем в 3 года, а отставные – от 4 до 8 лет. Стоимость десятины земли, сдаваемой скопцам в аренду, не превышала 3 руб. [6, с. 36]. В конце XIX в. сдача аренды земельных наделов всё больше происходит внутри казачьего сословия области, что говорит о выделении зажиточной части в служилой среде: в 1885 г. в г. Вилуйске 8% хозяйств арендовали или сдавали в аренду наделы своим "собратьям-казакам", в г. Верхоянске таких казаков-арендаторов было 42,3% от общей численности местной команды (НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 344. Л. 462–531).

В начале XX в. практика сдачи в аренду пахотной казачьей земли сохранилась. Согласно переписи 1907–1908 гг. из 2380 дес. удобных для хлебопашества наделов, приходившихся на Якутскую и Олёкминскую казачьи команды, 645 дес. или 27,1% сдавалось в аренду, этим занимались 56,7% казаков разных чинов. Пахотную землю самостоятельно обрабатывали 38,9% служилых Олёкминской команды и 0,1% Якутской команды. В пользу зем-

Табл. 4. Обеспеченность казаков Якутского казачьего полка орудиями труда в 1907–1908 гг., %
Table 4. Provision of Cossacks of the Yakut Cossack Regiment with tools in 1907–1908, %

Название команды	Собственники орудий труда	Сохи и плуги	Бороны	Невода, сети, лодки
Якутская	15,0	15,0	15,0	2,1
Олёкминская	19,7	18,0	19,7	12,0
Вилуйская	35,1	8,8	8,8	15,2
Верхоянская	–	–	–	–
Колымская	93,9	–	–	85,8
В среднем по полку	26,7	11,7	12,1	23,0

Источник: составлено автором на основе [12, с. 72–80].

Source: compiled by the author based on [12, pp. 72–80].

ледельческой специализации Олёкминской команды говорит и то, что 19,7% казаков в ней сами арендовали дополнительные пахотные участки. В годы проведения переписи казачьих хозяйств якутских городов в Якутске и Олёкминске зафиксировано 9,5% казаков, арендовавших 113 дес. пахотной земли [12, с. 49–51].

Основным занятием большинства населения Якутской области в изучаемый период являлось скотоводство, а обеспеченность покосной землей было важным индикатором экономической состоятельности сельских жителей. По переписи 1907–1908 гг. 93% якутских казаков владели разного вида покосами. Результаты реконструкции значений четырёх переменных, свидетельствующих об аренде покосных мест в казачьих командах ЯГПКП в 1907–1908 гг. синхронизированы в *таблице 5*.

Представленные в *таблице 5* данные говорят о том, что всего по полку 41,3% казаков сдавали свои покосные места в аренду как "собратьям-казакам", так и другим сословиям области; 7,6% сами практиковали аренду таких мест.

Использование наёмной силы для ведения хозяйства также является одним из показателей развития социально-экономических отношений исследуемого социума. Якутские казаки загружали работников обработкой земельных участков, покосов, выпасом скота, работой в домашнем хозяйстве. Во второй половине XIX в. средняя наёмная цена, выплачиваемая казаками за возделывание десятины земли, была самой высокой в области – 14 руб., тогда как прочие сословия платили за ту же работу в среднем 11 руб. 55 коп. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 311. Л. 70).

Результаты реконструкции значений трёх переменных, основанных на данных о найме рабочей силы в казачьих командах ЯГПКП в 1885 г. и в 1907–1908 гг. синхронизированы в *таблице 6*.

В 1885 г. наибольшее количество наёмных работников приходится на Вилуйскую (35,8%) и Верхоянскую команды (26,9%); в 1907–1908 гг. – на Колымскую (30,3%) и Верхоянскую команды (20,8%). В большинстве своём казаки использовали в летний период труд одного-двух работников, а зажиточные семьи – от 4 до 7 человек. Наёмная цена работника колебалась в диапазоне от 10 до 35 руб. "в лето", что в среднем по полку составляло около 21 руб. Причем верхоянские казаки платили при найме одному работнику "в лето" 23 руб. 90 коп., женщинам-работницам по 9 руб. 50 коп. Всего по полку в конце XIX в. наёмную рабочую силу, исключая Якутскую команду, сведений о которой не обнаружено, имели 27,7% казачьих домовладельцев, в среднем по 0,6 работника на одного домохозяина (*таблица 6*).

Зажиточные хозяева Якутской области независимо от сословной принадлежности использовали труд "дюккаков" ("дюккак", якут. – квартирант). Дюккаки работали в хозяйствах и состоятельных казаков: за пользование

домом или хозяйственными постройками дюккак выполнял обязанности по хозяйству, ухаживал за скотом, выполнял другую посильную работу. В конце XIX в. 25,6% хозяйств Якутского казачьего полка пользовались трудом дюккаков, наибольшее их число проживало в семьях Олёкминской (40,7%) и Вилюйской (33,3%) командах.

В начале XX в. количество наёмной рабочей силы у казаков сокращается до 15,9%. Однако число работников, приходящихся на одного домохозяина, по сравнению с 1885 г. увеличивается в 3 раза и составляет 1,8%. Причины такого положения можно объяснить усилившемся процессе разложения внутри казачьего сословия, когда меньшее количество зажиточных казаков стало использовать большее число наёмных работников. Показательно в этом отношении и снижение количества казачьих домовладельцев, эксплуатировавших труд дюккаков – до 5,8%.

Имущественное неравенство в казачьей среде прослеживается и в оценке их домов. Так, в 1871 г. в г. Якутске 59,1% домов отставных и 24% строений служилых казаков были оценены всего лишь в 25–50 руб. Стоимость домов офицерских чинов доходила до 2,5 тыс. руб. (НА РС(Я). Ф. 493. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–9).

Анализ статистических данных хозяйственной специализации казачьих команд Якутской области позволяет выделить в их составе три типа хозяйств: земледельческо-скотоводческий (Олёкминская и Якутская команды), скотоводческо-сенокосный (Вилюйская и Верхоянская команды) и промыслово-сенокосный (Колымская и отчасти Верхоянская команды). Исключение казаков центральных и южных округов из третьей группы специализации не говорит о полном отсутствии у них этих видов деятельности, однако, ими занимались крайне малое количество местных казаков.

Результаты реконструкции значений трех переменных, основанных на данных о количестве казачьих хозяйств ЯГПКиП, занимающихся земледелием, скотоводством и сенокосами в 1855 г. и в 1907–1908 гг., синхронизированы в *таблице 7*.

В условиях проникновения капиталистических отношений в патриархально-феодальную экономику Якутской области в казачьем сословии обозначились две полярные группы: зажиточные хозяйства составляли 11,7% от общего количества служилых и отставных казаков и бедняцкие – 71,7%. Общее хозяйственное состояние якутских казаков полка в конце XIX – начале XX вв. следует охарактеризовать как находящееся в экономическом упадке.

Выводы

Сложившееся во второй половине XIX в. неравенство в наделении удобной для занятий хлебопашеством, разведения скота и ведения других промыслов между сословиями Якутской области проецировалось и на развитие социальной неоднородности в казачьих командах. Ненормальное состояние "война-пахаря" (сохранение пожизненного срока службы) при длительном сельскохозяйственном цикле работы на земле в сложных природно-климатических условиях зоны рискованного земледелия, злоупотребления атаманов и полковой верхушки, присваивающих лучшие наделы и покосы, ставили рядовых казаков в неравные условия ведения хозяйства с другими сословиями и зажиточными казаками.

Хозяйственная специализация казачьих команд области оказывала прямое влияние на уровень имущественной дифференциации хозяйств в командах Якутского полка. Для земледельческо-скотоводческого типа хозяйств Олёкминской и Якутской команд характерно наличие значительного числа хозяйств, засевавших в 1877 г. до 3 дес. – 38,7% в Якутской команде, в Олёкминской команде таких семей было 33,3%. При этом основная часть казаков оставалось без посева: таких дворов в Якутской команде в 1877 г. было 52,2% хозяйств, а в 1907–1908 гг. – 80,3%. Да и в наиболее расположенной по климатическим условиям к занятиям хлебопашеством Олёкминской команде количество не сеявших зерновые культуры дворов также составляло большую половину дворов: в 1885 г. 63% и в 1907–1908 гг. 57,4%.

Анализ другого важного показателя состоятельности казачьих хозяйств по количеству владения скотом в конце XIX – начале XX вв. показывает высокий уровень безлошадных хозяйств в полку – 69,1% и не имеющих рогатого

Табл. 5. Аренда покосов в казачьих хозяйствах Якутского казачьего полка в 1907–1908 гг., %
Table 5. Rent of hayfields in the Cossack farms of the Yakut Cossack regiment in 1907–1908, %

Название команды	Количество дес.	Имеют покосы	Сдают в аренду	Арендуют покосы
Якутская	902	98,6	55,0	7,9
Олёкминская	408	98,4	54,1	6,6
Вилуйская	573	80,7	–	–
Верхоянская	352	83,3	50,0	16,7
Колымская	498	87,9	24,3	15,2
В среднем по полку	2733	93,0	41,3	7,6

Источник: составлено автором на основе (НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 167. Л. 116; Ф. 435. Оп. 1. Д. 21. Л. 3); [12, с. 54–61].

Source: compiled by the author based on (NA RS (Y). F. 343. Op. 1. D. 167. L. 116; F. 435. Op. 1. D. 21. L. 3); [12, p. 54–61].

скота – 59%. Сдача казаками своих покосных угодий в аренду, достигавшая по полку 41,3% подтверждает вывод об отсутствии у служилых экономических условий для разведения скота, в том числе лошадей для отнесения конной службы в караулах и дальних командировках.

При обеспеченности в 1907–1908 гг. в целом по полку на 93,0% казачьих хозяйств покосами – важным показателем хозяйственного состояния служилых дворов, образовалась значительная доля (41,3%) казаков, сдававших свои покосные места в аренду как своим сослуживцам, так и представителям других сословий, что свидетельствует как об отсутствии у них возможности и желания разводить домашний скот, так и о невозможности заниматься скотоводством в условиях постоянного отвлечения от сельскохозяйственных работ, требующих постоянного внимания, необходимостью находиться на службе.

Казачьи хозяйства промыслово-сенокосной специализации демонстрируют в 1907–1908 гг. в собственности высокий процент владения орудиями труда для рыбной ловли и охоты (в Колымской команде – 23,0%). Что подтверждает промысловую специализацию команд, располагавшихся в самых северных улусах.

Привилегии офицерско-чиновничьей верхушки полка в выборе лучших земельных наделов и покосных мест, возможность оставаться при штабе, без дальних командировок в улусы, более высокое, чем у рядовых казаков, жалование и провиантское довольствие, способность нанимать работников для выполнения сельскохозяйственных работ постепенно приводят к имущественной поляризации внутри сословия на зажиточную и беднейшую части. К зажиточным казачьим хозяйствам в 1907–1908 гг. можно отнести владельцев от 6 до 10 и более дес. пахотной земли, 7,6% казаков полка, которые сами имели возможность арендовать покосные места, а, следовательно, разводить рогатый скот и лошадей, использовавших в летний период наёмный труд в количестве 4–7 человек, а также тех офицерских чинов, имущественная оценка домовладений которых составляла несколько тыс. руб. Практика найма рабочей силы для сезонной обработки земли, заготовки сена для скота и ведения домашнего хозяйства наряду со сдачей казаками в аренду своих наделов и аренда дополнительных пахотных и сенокосных участков зажиточными домохозяевами свидетельствуют о проникновении капиталистических элементов в систему казачью хозяйствования исследуемого периода.

Небольшие размеры реального казачьего землепользования, низкий процент обеспеченности хлебопахотными угодиями, отсутствие орудий труда для занятия земледелием и промыслами у большинства служилых, неразвитая земледельческая специализация команд, не учитывающая ресурсные особенности каждого улуса, обусловили общий бедняцкий уровень казачьих хозяйств Якутского полка.

Табл. 6. Наём рабочей силы в казачьих хозяйствах Якутского казачьего полка в 1885 г. и в 1907–1908 гг., %

Table 6. Hiring of labor force in Cossack farms of the Yakut Cossack regiment in 1885 and in 1907–1908, %

Название команд	Имеют наёмных работников		Работников на одного домохозяина		Имеют дюккаков	
	1885 г.	1907–1908 гг.	1885 г.	1907–1908 гг.	1885 г.	1907–1908 гг.
Якутская	–	7,9	–	1,0	–	–
Олёкминская	25,9	4,9	0,3	2,0	40,7	–
Вилуйская	35,8	–	1,0	–	33,3	–
Верхоянская	26,9	20,8	0,7	2,2	15,4	8,3
Колымская	22,2	30,3	0,6	2,0	13,3	15,1
В среднем по полку	27,7	15,9	0,6	1,8	25,6	5,8

Источник: составлено автором на основе: (НА РС(Я). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1133. Л. 1–129; Ф. 343. Оп. 1. Д. 344. Л. 1–341, 42–651); [12, с. 26–35].

Source: compiled by the author based on (NA RS (Y). F. 23. Op. 1. D. 1133. L. 1–129; F. 343. Op. 1. D. 344. L. 1–341, 42–651); [12, p. 26–35].

Существовавшие в казачьей среде арендные отношения, наём рабочей силы, скупка зажиточными казаками у беднейшей части участков земли и покосов стимулировали социальное расслоение внутри сословия, подтачивали сословную замкнутость и приводили к общему экономическому упадку казачьего населения области в исследуемый период.

Литература / References

- Александров В. А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 235–250.
Aleksandrov V. A. Streletsky population of the southern cities of Russia in the 17th century. New information about the past of our country. Moscow: Science Publ., 1967. P. 235–250. (In Russ.).
- Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 115 с.
Bazilevich K. V. Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1936. 115 p. (In Russ.).
- Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. Т. 3. Ч. 1: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. 1955. 375 с.
Bakhrushin S. V. Scientific works. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952–1959. Vol. 3. Part 1. Issues of Russian colonization of Siberia in the 16th–17th centuries. 1955. 375 p. (In Russ.).
- Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. с. 46–91.
Bakhrushin S. V. Moscow Uprising of 1648. Scientific works. Articles on the economic, social and political history of the Russian centralized state of the 15th–17th centuries. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. P. 46–91. (In Russ.).
- Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XVII в. – 1917 г.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 438 с.
Basharin G. P. History of agricultural relations in Yakutia. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 438 p. (In Russ.).
- Бычков А. Очерки Якутской области. К вопросу о земледелии в Якутской области // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1902. № 33. 65 с.

Табл. 7. Специализация казачьих хозяйств Якутского казачьего полка по основным видам деятельности в 1855 г. и в 1907–1908 гг., %
 Table 7. Specialization of Cossack farms of the Yakut Cossack Regiment by main types of activity in 1855 and in 1907–1908, %

Название команд	Земледелие		Скотоводство		Сенокосное	
	1855 г.	1907–1908 гг.	1855 г.	1907–1908 гг.	1855 г.	1907–1908 гг.
Якутская	–	90,0	–	41,4	–	98,6
Олёкминская	37,0	98,7	74,1	29,5	37,0	98,4
Вилуйская	2,7	–	66,7	68,4	97,4	80,7
Верхоянская	–	–	34,6	35,8	100	83,3
Колымская	–	–	22,2	39,4	–	87,9

Источник: составлено автором на основе (НА РС(Я). Ф. 343. Оп. 1. Д. 167. Л. 97, 117; Д. 27. Л. 81–86; Д. 379. Л. 65; Ф. 23. Оп. 1 Д. 1133. Л. 1–129).

Source: compiled by the author based on (NA RS (Y). F. 343. Op. 1. D. 167. L. 97, 117; D. 27. L. 81–86; D. 379. L. 65; F. 23. Op. 1 D. 1133. L. 1–129).

Bychkov A. Essays on the Yakutsk Region. On the Question of Agriculture in the Yakutsk Region. News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk: Steam typolithography of P. I. Makushin, 1902. № 33. 65 p. (In Russ.).

7. Воронина А. Я. К вопросу о землеустройстве Забайкальского казачьего войска // Социально-экономическое развитие Сибири XIX – начале XX вв. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1976. С. 46–55.
 Voronina A. Ya. On the issue of land management of the Transbaikial Cossack army. Socio-economic development of Siberia in the 19th – early 20th centuries. Irkutsk: Irkutsk state ped. in-t, 1976. P. 46–55. (In Russ.).
8. Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк). Новосибирск: Наука, 1970. 234 с.
 Gogolev Z. V. Yakutia at the turn of the 19th – 20th centuries. (Socio-economic essay). Novosibirsk: Nauka Publ., 1970. 234 p. (In Russ.).
9. Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. 423 с.
 Ivanov V. N. Socio-economic relations among the Yakuts. XVII century. Yakutsk: Yakut. book publishing house, 1966. 423 p. (In Russ.).
10. Ивоинин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 226 с.
 Ivonin A. R. Urban Cossacks of Western Siberia in the 18th – first quarter of the 19th centuries. Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 1996. 226 p. (In Russ.).
11. Иохельсон В. И. Олёкминские скопцы. Историко-бытовой очерк // Живая старина. Вып. III, IV. СПб., 1894. 46 с.
 Iokhel'son V. I. Olekminskie skoptsy. Istoriko-bytovoi ocherk [Olyokminsky Skoptsy. Historical and Everyday Essay. Living Antiquity. Issue III, IV. Saint Petersburg. 1894. 46 p. (In Russ.).
12. Казачье население Якутской области. Статистико-экономический очерк. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1909. 104 с.
 Cossack population of the Yakut region. Statistical and economic essays. Saint Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1909. 104 p. (In Russ.).
13. Ключевский В. О. История сословий в России. Пг.: Лит.-изд. отд. Ком. нар. прос., 1918. 276 с.
 Klyuchevskii V. O. History of estates in Russia. Petrograd: Literary and Publishing Department of the Commissariat of Public Education, 1918. 276 p. (In Russ.).
14. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 16. 697 с.
 Lenin V. I. The agrarian program of social democracy in the first Russian revolution of 1905–1907. Complete Collected Works. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 16. 697 p. (In Russ.).
15. Макаров Г. Г. Октябрь в Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1979. Ч.1. 277 с.
 Makarov G. G. October in Yakutia. Yakutsk: Yakut. book publishing house, 1979. Part 1. 277 p. (In Russ.).

16. Махниборода Т. В. Дальневосточное казачество в период с 1900 по 1917 г. (социально-экономическое положение): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 16 с.
Makhniboroda T. V. Far Eastern Cossacks in the period from 1900 to 1917 (socio-economic situation): dissertation abstract... candidate of historical sciences. Moscow, 1978. 16 p. (In Russ.).
17. Миницкий М. И. Описание Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1830. Кн. VI. Ч. III. 216 с.
Minitskii M. I. Description of the Yakut region. Magazine of the Ministry of Internal Affairs. Saint Petersburg, 1830. Book VI. Part III. 216 p. (In Russ.).
18. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М.: Соцэ-гиз, 1960. 187 с.
Mirzoev V. G. The annexation and development of Siberia in the historical literature of the 17th century. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960. 187 p. (In Russ.).
19. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
Nikitin N. I. Service people in Western Siberia in the 17th century. Novosibirsk: Sciences Publ., 1988. 255 p. (In Russ.).
20. Новосельский А. А. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 16. 1945. С. 58–64.
Novosel'skii A. A. On the economic situation of fugitive peasants in the south of the Moscow state in the first half of the 17th century. Historical notes. Vol. 16. 1945. P. 58–64. (In Russ.).
21. Осипов Ю. Н., Сергеев О. И. Земельный вопрос на Дальнем Востоке в период капитализма (1861–1900 гг.) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период). Владивосток, 1982. С. 64–83.
Osipov Yu. N., Sergeev O. I. The land issue in the Far East during the period of capitalism (1861–1900). Socio-economic development of the Far Eastern village (pre-revolutionary period). Vladivostok, 1982. P. 64–83. (In Russ.).
22. Павлов-Сильванский П. Н. Государевы служилые люди. М.: Крафт+, 2001. 288 с.
Pavlov-Sil'vanskii P. N. The Tsar's service people. Moscow: Kraft+, 2001. 288 p. (In Russ.).
23. Петров П. П. Города северо-востока Азии (1861–1917 гг.): автореф.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 18 с.
Petrov P. P. Cities of northeast Asia (1861–1917): dissertation abstract... candidate of historical sciences. Novosibirsk, 1986. 18 p. (In Russ.).
24. Покишишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 207 с.
Pokshishevskii V. V. Settlement of Siberia. Irkutsk: Irkutsk region state publishing house, 1951. 207 p. (In Russ.).
25. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб.: Изд-во у Я. Башмакова и ко, 1910. 624 с.
Platonov S. F. Essays on the history of the Time of Troubles in the Muscovite state of the 16th – 17th centuries: (an attempt to study the social structure and class relations during the Time of Troubles). Saint Petersburg: Published by Ya. Bashmakov and Co., 1910. 624 p. (In Russ.).
26. Расцветаев М. К. Очерки по экономике и общественному быту у якутов. Ленинград: Изд-во и тип. Акад. наук СССР, 1932. 159 с.
Rastsvetaev M. K. Essays on the Economy and Social Life of the Yakuts. Leningrad: Publishing and Printing House of the USSR Academy of Sciences, 1932. 159 p. (In Russ.).
27. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1961. 495 с.
Safronov F. G. Russian peasants in Yakutia (XVII-early XX centuries). Yakutsk: Yakut. book publishing house, 1961, 495 p. (In Russ.).
28. Сафронов Ф. Г. Проникновение капиталистических элементов на северо-восток Азии во второй половине XIX – начале XX века // Известия СО АН СССР. Сер. Общ. Наук. 1982. №6. Вып. 2. С. 92–98.
Safronov F. G. The penetration of capitalist elements into north-east Asia in the second half of the 19th – early 20th century. News of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Ser. General Sci. 1982. No. 6. Vol. 2. Pp. 92–98. (In Russ.).
29. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
Safronov F. G. Russians in North-East Asia in the 17th – mid-19th centuries. Moscow: Science Publ., 1978, 258 p. (In Russ.).
30. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.
Sergeev O. I. Cossacks in the Russian Far East in the 17th – 19th centuries. Moscow: Science Publ., 1983. 127 p. (In Russ.).
31. Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск: Якутское статистическое управление, 1925. Вып. 1, 2. 105 с.
Sokolov M. P. Yakutia according to the 1917. Irkutsk: Yakut Statistical Office, 1925. Vyp. 1, 2. 105 p. (In Russ.).
32. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 444 с.

- Tikhomirov M. N. Class struggle in Russia in the 17th century. Moscow: Science Publ., 1969. 444 p. (In Russ.).
33. Устюгов Н. В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 67–74.
Ustyugov N. V. The main features of the Russian colonization of the Southern Trans-Urals in the 18th century. Questions about the history of Siberia and the Far East. Novosibirsk, 1961. P. 67–74. (In Russ.).
 34. Халдеев В. Д. Крестьянское хозяйство Якутии в войне и революции. М.: [Б. и.], 1924. 19 с.
Khaldeev V. D. Peasant economy of Yakutia in war and revolution. Moscow: [without publishing], 1924. 19 p. (In Russ.).
 35. Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. Москва: Контакт РЛ, 1996. 184 с.
Chertkov A. Yakut Cossacks in the second half of the 19th - early 20th centuries. Moscow: Kontrakt RL, 1996. 184 p. (In Russ.).
 36. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 349 с.
Chechulin N. D. Cities of the Moscow State in the 16th century. Saint Petersburg: Printing house I. N. Skorokhodova, 1889. 349 p. (In Russ.).
 37. Чистякова Е. В. Волнения служилых людей в южных городах в середине XVII в. // Русское государство в XVII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 254–271.
Chistyakova E. V. // Unrest among service people in southern cities in the mid-17th century. Russian state in the 17th century. Moscow: Publishing and Printing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. P. 254–271. (In Russ.).
 38. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.
Shunkov V. I. Questions of the agrarian history of Russia. Moscow: Science Publ., 1974. 376 p. (In Russ.).
 39. Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин. 1917 – лето 1918 гг. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1974. 269 с.
Shchagin E. M. The October Revolution in the village of the eastern outskirts. 1917 – summer 1918. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin, 1974. 269 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Чертков, канд. ист. наук, доцент Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия, e-mail: alexchertkov@list.ru

Information about the author

Alexei S. Chertkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia, e-mail: alexchertkov@list.ru

Поступила в редакцию 12.08.2025

Одобрена после рецензирования 15.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 12.08.2025

Approved 15.05.2025

Accepted 26.05.2025

Научная статья
УДК 94(517.3) + 316.35
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>

Территориальный и родственный принципы в социальной организации кочевого населения Монголии (по материалам сомонов Центрального аймака Монголии)

Дамдин Доржиевич Бадараев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, agombozh@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена принципам социальной организации в среде кочевого населения современной Монголии. В отношении кочевого населения рассматриваемых территорий авторы выделяют два варианта формирования территориальных общностей кочевников. Первый вариант связан с вовлечением кочевых домохозяйств в рыночную систему отношений и достижением высокого уровня товарности. Это послужило своеобразным триггером к хозяйственной индивидуализации и становлению кочевых семей как обособленных экономических ячеек. Второй – формирование территориальной общности на основе хозяйственного и иного взаимодействия конкретных единоличных домохозяйств, представляющих собой мигрировавшее из разных отдаленных регионов кочевое население. Эта разнородность противостоит тенденциям объединения по принципу земляческих или родственных связей. И здесь, основополагающий принцип общности – это место проживания.

Ключевые слова: Монголия, кочевники, социальная организация, социальные связи, общность, родство, территорияльность, соседский

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>.

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Гомбожапов А. Д. Территориальный и родственный принципы в социальной организации кочевого населения Монголии (по материалам сомонов Центрального аймака Монголии) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 110–119.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>

Territorial and kinship principles in the social organization of the nomadic population of Mongolia (based on the materials of the Central Aimag of Mongolia)

Damdin D. Badaraev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, Russia, agombozh@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the principles of social organization among the nomadic population of modern Mongolia. Regarding the nomadic population of the studied territories, the authors identify two approaches to the formation of territorial communities of nomads. The first approach is associated with the integration of nomadic households into the market system of relations and the achievement of a high level of marketability. This served as a kind of trigger for economic individualization and the formation of nomadic families as separate economic cells. The second is the formation of a territorial community based on the economic and other interaction of specific individual households, representing the nomadic population that migrated from different remote regions. This heterogeneity opposes the tendencies of unification based on the principle of fraternal or kinship ties. And here, the fundamental principle of community is the place of residence.

Key words: Mongolia, nomads, social organization, social connections, community, kinship, territoriality, neighborly

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01333, <https://rscf.ru/project/24-28-01333/>).

For citation: Badaraev D. D., Gombozhapov A. D. Territorial and kinship principles in the social organization of the nomadic population of Mongolia (based on the materials of the Central Aimag of Mongolia) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 110–119. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/110-119>

Номадизм и кочевой образ жизни – хозяйственно-культурный тип, который остаётся укладом и хозяйственной стратегией значительной части сельского населения Монголии [1; 2]. Его феноменальная резистентность связана как с естественной востребованностью в условиях неудовлетворительного уровня социально-экономического развития, так и трансформационными

особенностями переходного общества [7]. Возрождение и устойчивость номадизма – явление, напрямую увязанное с особенностями исторического пути Монголии в XX в. и участия государства в жизни монгольского общества. Самоорганизация кочевников явление динамичное. Она есть ответ на слабость государственных институтов или, в силу объективных причин, реакция на самоустранение от выполнения основных своих функций государства. Чем эффективнее государственные механизмы, тем меньше они оставляют возможность развитию самообеспечивающих неформальных институтов, берущих на себя функцию защиты и регуляции социальных отношений. Социальные объединения кочевников в форме малых групп самоорганизации в этом случае становится менее заметной в повседневной жизни кочевников, ограничиваясь культурными, экологическими и прочими функциями. Однако вопрос, как происходит процесс самоорганизации и на каких принципах формируется неформальные социальные группы кочевников, остаётся открытым.

Известно, что в Монголии в течение второй четверти XX в. "классический номадизм" в ходе смены политэкономического уклада был реорганизован в формы коллективного социалистического хозяйства [5; 14]. С падением социализма и глубокого экономического кризиса при переходе к рыночной экономике и приватизационных мероприятий в монгольском обществе начался процесс реномадизации [3]. Неразвитость рыночной системы, остановка предприятий лёгкой промышленности и распад экономических цепочек, весьма ограниченный платёжеспособный спрос привёл к определённой натурализации хозяйств. На этом фоне прежние хозяйственные и социальные связи стали заменяться институтами традиционного кочевого общества. Стала возрождаться такая форма социальной организации монгольских кочевников как хот-айл¹ [12]. Естественно предположить, что в трудных условиях выживаемости институты горизонтальных связей взаимоподдержки и взаимопомощи стали важным ресурсом в повседневной стратегии домохозяйств.

Предварительные данные позволяют поставить вопрос об организующем начале малых коллективных форм организации кочевников, которая в современных условиях может в значительной мере отойти от принципа родства (в самом широком смысле), как связующего элемента в системе социальной организации. Ответ на данный вопрос имеет важное значение для понимания функционирования общественной системы кочевого населения Монголии, накопления и продвижения знаний о фундаментальных закономерностях развития обществ, основанных на подвижном образе жизни. Именно сегодняшние реалии наиболее выпукло отражают всю мозаичность и противоречивость в развитии кочевого общества и их изучение должно быть востребовано академическим сообществом.

Основным источником для исследования послужили материалы глубоких полуструктурированных интервью (ПМ А. Д. Гомбожапова. **Центральный аймак Монголии (сомон Эрдэнэ). Авг. – сент. 2024 г.**). Всего было опрошено 25 кочевых домохозяйств на территории сомонов Мунгэнморьт (монг. *Мөнгөнморьт сум*), Эрдэнэ (монг. *Эрдэнэ сум*) и Сэргэлэн (монг. *Сэргэлэн сум*) Центрального аймака Монголии; одно интервью было получено в сомоне Баянчандмань и два – в районе Баянзурх (монг. *Баянзурх дүүрэг*), входящим в городской округ Улан-Батора. Охват респондентов шёл с помощью так называемого метода "снежного кома" с ориентиром на выборку максимальной вариации. Вариативность выражалась в том, что в выборку вошли домохозяйства с разным уровнем дохода и благосостояния, с большей или меньшей степенью удалённости от поселковых центров, с различным расстоянием и амплитудой кочевок.

Сомон Эрдэнэ

Один из 27 сомонов Центрального аймака. Горный рельеф территории сомона образуется южными отрогами горной цепи Хэнтэя и обуславливает тип кочевок. Летние стоянки скотоводческих хозяйств располагаются в протяженной межгорной котловине, зимние же льнут к склонам и распадкам горной гряды. Общая численность скотоводческих хозяйств составляет 780 [9]. Всего было опрошено 6 домохозяйств. Характерной чертой для данного сомона явля-

¹ Объединение нескольких кочевых домохозяйств (чаще 2-3).

ется высокая степень товарности и вовлеченности в крупнейший рынок сбыта города Улан-Батора. Поставка молочной и мясной продукции также идёт на обеспечение крупного курорта "Янгир рашаан".

Заметным явлением стало сокращение сезонных стоянок и переход к двухстояночной модели. Для респондентов характерно утверждение о том, что пастбищных угодий достаточно, и любой желающий может кочевать на свободных незанятых землях. Так, в них выражаются традиционные установки кочевников, чуждые к границам и частной собственности на землю. Однако дальнейшие расспросы показывают, что на уровне местной администрации имеются ограничения на регистрацию новых кочевых хозяйств ввиду их высокой плотности и достигнутого предела пастбищной нагрузки. Домохозяйства тщательно следят за сохранностью от потрав своих зимних пастбищ и зачастую вынуждены постоянно прогонять забредший туда скот. У части опрошенных нами глав домохозяйств есть вполне определенные намерения огородить участки пастбищ возле расположения зимников. Что касается летних пастбищ, то здесь также прослеживается процесс закрепления их ареала, и право первоочередного их использования возникает в силу давности. Таким образом летние кочевья (монг. *бууц*), хотя и не официально, но всё же распределены между местным кочевым населением.

Данный сомон, как и многие другие сомоны центрального экономического пояса Монголии, стал районом прибытия кочевников-мигрантов из западных регионов страны [6; 14]. Среди попавших в выборку респондентов присутствуют домохозяйства, приехавшие из сомонов Хяргас и Сагил аймака Увс. Прибыли небольшой группой (2–3 айла²) в конце 1990-х начале 2000-х гг. Каких-либо устойчивых групп, разветвленных сетью по долине или падью, на родственной основе из расспросов респондентов обнаружить не удалось. Если таковые имеются, то они простираются не далее ограниченного круга двух-трёх семей, находящихся в близкородственных связях (к примеру, старший и младший братья). Определить их как спаянную семейно-родственную группу не представляется возможным, поскольку каждая семья единолично владеет и самостоятельно ведёт свое хозяйство. Содержание, круг связей, услуг и обязанностей по отношению к друг другу позволяет определить их характер как соседский.

Право собственности возникает в силу давности пользования пастбищами, иногда переходящее по наследству. Конфликтное поведение возникает в силу высокой нагрузки пастбищ из-за возросшего количества³ поголовья домашнего скота. Возникающие противоречия решаются на основе существующих традиционных представлений о праве собственности либо с участием представителя местной власти (багын дарга), которые также опираются на приоритетное право давности пользования. Заинтересованность в поддержке такой системы проявляется всеми местными скотоводами, поскольку каждый из них стремится сохранить свои пастбища. Зафиксирован случай определённой территориальной близости расположения переселившихся в недавнем прошлом уроженцев из западного региона страны, который, надо полагать, с большой вероятностью встречается часто. На вопросы о степени бытования традиционной взаимопомощи респонденты отвечают отрицательно, подчёркивая самостоятельность отдельных домохозяйств⁴. Однако на безвозмездной основе оказывают друг другу различные услуги, в основном присмотр за скотом на период отсутствия хозяина, обычно уехавшего по делам в город. Как на одну из причин развития соседских связей можно указать происходящую миграцию в г. Улан-Батор во втором поколении. Она препятствует образованию поколенческих родственных групп в виде родных братьев и сестёр ("*ах дуус*"), которые бы формировали устойчивое объединение, населяющее одну местность.

² Айл – кочевое домохозяйство.

³ В связи с этим, интересно выражение "механик эссен", употреблённое одним из респондентов (Баттөрө, 1965 г. р.). То есть количество скота выросло не за счёт прироста местного поголовья, а в силу перекочёвок кочевых хозяйств, добавивших свой скот к общему числу.

⁴ Наиболее часто в ответах употребляется фраза "өөр өөрсдөө дагаад явна", что означает дословно "следовать самому себе".

Сомон Мунгунморьт (монг. Мөнгөнморьт)

Западную и восточную часть территории сомона занимают отроги Хэнтэя. Центральная часть располагается вдоль долины р. Керулен. В силу данного обстоятельства здесь более распространён вертикальный тип кочевок. Сомон популярен своими местами отдыха и туристическими базами. В сомоне по данным на 2023 г. насчитывается 661 кочевых скотоводов, кочевых домохозяйств – 480. При этом немалую долю занимают хозяйства, в которых имеется домашний скот. Это жители поселковых центров. Всего таких хозяйств 553 [8]. Всего было опрошено 12 кочевых домохозяйств.

В зимний и весенний период в очень тесной связи находятся айлы, расположенные вдоль восходящей линии одного большого распадка с разветвляющимися ущельями. По отношению к другим кочевникам они образуют общность "нэг амныхан"⁵, т. е. жители с одного распадка. Кочевые айлы одного ущелья, являющегося ответвлением распадка, образуют более мелкую группу, связанную хозяйственными и разного рода бытовыми делами. Родственные связи при образовании такой группы не обязательны.

В сомоне были опрошены респонденты одной из таких групп, именуемой "Зуун байдлыг дэнж" по названию месту зимнего проживания в распадке одного из ответвлений Хэнтэйского хребта (жители 2 бага⁶ сомона). Количество населяющих распадок хозяйств разнится в ответах респондентов. По-видимому, это связано с тем, что помимо домохозяйств данного бага на зимний период располагаются семьи кочевников из другого сомона Баяндэлгэр. На протяжении довольно длительного периода они неизменны в своём составе. Они не допускают на занимаемую территорию кочевые хозяйства, пожелавшие бы обосноваться в этой пади. В качестве причины, которую единодушно указывают отвечавшие, звучит отсутствие свободных для пользования пастбищ и их нехватка в условиях постоянного роста поголовья домашнего скота в хозяйствах⁷. В этом можно увидеть проявление общих интересов, что также может служить основой или признаком для выделения кочевой группы. Всё же основной функцией такой общности является хозяйственная. Все жители распадка заинтересованы в рациональной и бережной утилизации пастбищ распадка. Населяющие верхний его участок зависимы от нижних, поскольку в период их перекочёвки вниз к долине реки для перегоняемого скота должны оставаться не стравленные участки. Общие заботы также определяют необходимость в решении вопросов, касающихся поддержания общих дорог к зимникам, мостов, очистки снега для проезда и т. д., поскольку, располагаясь в её распадках по восходящему рельефу они связаны между собой одной единственной дорогой. Существуют внутри данной группы "нэг амныхан" более мелкие группы. Они расположены ступенчато по восходящей линии к пику горного хребта по следующей схеме: Хустын булаг – 4 айла, Шороон – 5 айлов, Улаан Аюш – 15 айлов⁸.

Каждая из них образует определенное единство в силу оказываемой взаимопомощи, выражаемой в мелкой трудовой кооперации, оказании услуг или материальной поддержки, предоставлением в безвозмездное временное поль-

⁵ Ам – многозначное слово, в одном из них переводится как распадок, ущелье.

⁶ Баг – административная единица деления сомона.

⁷ Случаи исключения всё же имеют место быть. Нам встретились кочевые скотоводы, прибывшие два или три года назад из отдалённых регионов. Они получили разрешение на поселение и зимнюю стоянку. Благожелательность близлежащих домохозяйств объясняется различием в видах разводимого скота. Известно, что хозяйственные противоречия играют определяющую роль в территориальной расстановке домохозяйств. Сходные по видам и составу скота домохозяйства, в особенности мелкого рогатого скота, должны находиться в отдалении друг от друга из-за риска их смешения и стравливания пастбищ. Так, прибывшее хозяйство специализируется только на разведении яков. Расположенное рядом с ними домохозяйство, в котором имеются мелкий рогатый скот и крупный рогатый скот монгольской породы, не возражает против такой близости, поскольку эти виды скоты не конкурируют между собой. Также особого согласования / одобрения со стороны местных скотоводов не требуется если происходит купля–продажа земли и строений на зимней стоянке. При этом оговаривается, что количество скота вновь водворяющегося домохозяйства должно соответствовать производительности пастбищ.

⁸ Данные приведены со слов респондента.

зование инструментов, транспортного средства и т. д. Например, хозяйства оказывают друг другу услуги в доставке воды, когда целесообразно направить к ключу или роднику одного человека, расчистке снега, присмотре скота. Члены айлов часто навещают друг друга, ходя в гости. В период Цагаан Сара⁹ происходят общие празднования, отдельные церемонии которых проводятся одним из самых уважаемых людей группы. Однако перекочёвку домохозяйств совершают самостоятельно с небольшой разницей в днях. Они обходятся собственными силами, либо с помощью родственников, знакомых и друзей, специально приезжающих с этой целью из города или посёлка. Зачастую родственники имеют некую долю собственного скота в хозяйстве и в этом смысле понятна их заинтересованность или обязанность.

В подтверждение реального бытования группы, а не его условности, можно привести факты необходимости иметь или заслужить право поселения, а со стороны сообщества – санкция принять или отказать в принятии. Так, безусловным правом является помещение в результате наследства зимника. Как иной случай, иллюстрирующий негласное требование согласования с кочевым сообществом своего поселения, может служить интервью с респондентом Д. Батболдом (1959 г. р.), который длительное время работал горным инженером в г. Багануур. Выйдя на пенсию, он поселился в данной местности и не встретил какого-либо возражения со стороны местных жителей, поскольку его жена, работавшая в качестве инженера-электрика, неоднократно производила техническое обслуживание общих сетей и ремонтировала электрическое оборудование домохозяйств. В силу этого семья была хорошо знакома местным жителям. Акцентирование на данном обстоятельстве со стороны респондента и его супруги доказывает факт существования устойчивого сообщества местных жителей, настороженно относящихся к появлению новых кочевых домохозяйств и по отношению, к которым необходимо проходить неформальную процедуру одобрения.

В тёплое время года кочевые айлы в основной своей части перекочёвывают на летники, спускаясь к долине р. Керулен. Расположение айлов зависит от травостоя и предпочтений отдельных айлов и не имеет строгой локализации, хотя и имеется неявная тенденция занятия из года в год одного и того же ареала. Таким образом, в летний период группа распадается и в территориальном отношении, по словам респондентов, не представляет организационной цельности.

Также единство группы "нэг амныхан" выражается в проведении ежегодного местного праздника "багийн өдөрлөг". Такие группы одного бага по очереди берут на себя обязанности по устройству и проведению данного мероприятия. Дата проведения постоянная – 3 августа. Оно включает в себя выявление сильнейших в национальной борьбе, скачках, конкурсах певцов и т. д.

Более высокий уровень общности кочевников представлен уже в рамках административной единицы. В рамках границ района общими усилиями проводятся различные мероприятия. Они не носят постоянного характера и проводятся по мере необходимости. Но содержание и участие в этих мероприятиях понятны каждому и согласуются с групповыми интересами сообщества. Это такие мероприятия, как очистка пастбищ и рек от мусора, постройка моста, ремонт дорог и т. д.

Имеются иные формы объединений кочевых скотоводов. При этом не пользуется популярностью кооперативные формы экономической организации, стимулируемые правительством Монголии. Причиной тому, по словам респондентов, является отсутствие необходимости в совместной хозяйственной деятельности, в частности для сбыта произведенной продукции ввиду близости к г. Улан-Батору и возможности самостоятельной реализации собственных товаров. Хозяйства предпочитают разводить крупный рогатый скот и лошадей. Молочная продукция либо отвозится на рынок собственными силами, либо практикуется форма самовывоза. Последнее характерно для хозяйств, где отсутствуют свободные рабочие руки и не на кого оставить хозяйство.

Прослеживается значимое влияние фактора географической близости к г. Улан-Батору. Она способствует развитию молочного хозяйства, что сказыва-

⁹ Праздник Нового года по лунному календарю.

ется на относительно большой доле крупного рогатого скота, достигающей 24% в общей численности поголовья скота сомона [10].

В окрестностях посёлка Мунгунморьт, центра сомона, наблюдается наибольшее количество хозяйств, в которых большое внимание отводится разведению крупного рогатого скота. Это обусловлено местностью, благоприятной его разведению, а также высокой товарностью. Хотя по признанию самих скотоводов в наиболее короткий срок реализуются овцы, мясо которых имеет постоянный спрос. Это обстоятельство весьма важно для скотоводов, поскольку потребность в разовых нуждах довольно высока.

Обращает на себя внимание распространённость сенокосения, которое всё больше осуществляется машинным способом. Часто приходилось слышать слово "шимесек", обозначающее ручную косу. Это слово, явно заимствованное из лексикона бурят, эмигрировавших в Монголию в период установления советской власти в России.

Для данной местности характерны деревянные дома не только на зимниках, но и на других сезонных стоянках, что приближает по основным признакам к типу хозяйства, которое относится к отгонному скотоводству. По характеру кочевек многие домохозяйства также близки к отгонному нежели к классическому кочевому животноводству.

Заметной особенностью, выявляемой из ответов респондентов, является тенденция оттока молодежи. Можно процитировать в качестве характерного примера мнение одной из респондентов из сомона Мунгунморьт (Л. Пүрэвсүрэн, 1986 г. р.): *"Молодых скотоводов очень мало. Дети не желают становиться скотоводами и мало приучены к трудовым занятиям. Подрастающее поколение хотят осваивать иные профессии. Поколение 80-х годов и раньше, представляют большую часть скотоводов"*.

Данное социальное явление более выразительно в окрестностях г. Улан-Батора. По словам респондента Т. Соднома (1959 г. р.), из Баянзурх хороо, одного из районов г. Улан-Батора, большое количество скотоводов относятся к группе среднего и старшего возраста, дети которых уехали в Улан-Батор на постоянное место жительства.

Сомон Сэргэлэн

Для сомона характерен холмистый рельеф, состоящий из мелокосопочника и образующий нагорную степь. Согласно данным статистики за 2023 г. численность скотоводов составляет 623 человека, а количеств кочевых домохозяйств равняется 490 [9]. Сомон известен развитой сетью туристических баз и местами отдыха. Всего опрошено 5 кочевых домохозяйств. В сомоне довольно высокая плотность домохозяйств. Близкое расположение к городу Улан-Батору определяет тесную связь с рынком и ориентированность хозяйств на товарные виды скота. В отличие от сомона Мунгунморьт здесь не развито молочное направление скотоводства. Природно-климатические условия более благоприятны для разведения мелкого рогатого скота.

В сомоне Сэргэлэнт в пятом баге удалось обнаружить гнездовое расселение родственных между собой кочевых домохозяйств. Схема родственных связей обозначена на *рис. 1*. По словам респондента, в этом баге всего 20 кочевых домохозяйств. Довольно трудно определить степень взаимосвязанности и наличие групповых интересов у населяющих этот район родственных домохозяйств. Из материалов интервью потребностей в защите и охране своих пастбищ не выявлено. Наоборот, подчёркивается отсутствие конкуренции за пастбища, потрав пастбищ на зимнике¹⁰, стремления опередить в перекочёвке и занять лучшие пастбища. Однако по признанию респондента местные жители не разрешают поселиться новым домохозяйствам (*гадны улсууд*) в своем баге, ссылаясь на большое количество скота и высокую нагрузку на пастбища, таким образом проявляя групповую солидарность¹¹.

¹⁰ Интересно отметить, что на зимнике на площади размером приблизительно 40 на 40 м. посеян овес. По словам интервьюируемого это первый пробный посев.

¹¹ Нам встретился случай, когда мы наблюдали только что прикочевавшее хозяйство из соседнего 4-го бага и возводящую свою юрту. На заданный респонденту вопрос был получен ответ, что его родители долгое время жили в этой местности и в хозяйстве его нет мелкого рогатого ско-

Соседствующие айлы довольно зажиточные и ведут своё хозяйство самостоятельно. Распространён наёмный труд сезонный или на постоянной основе. Этому способствуют следующие обстоятельства. Во-первых, силами одной семьи справиться с большим поголовьем, насчитывающим более одной тысячи голов мелкого рогатого скота, объективно невозможно. Во-вторых, традиционные институты трудовой кооперации близлежащих айлов не функционируют по причине одновременности проведения сезонных работ и большого количества скота в хозяйствах, которое требует длительного отвлечения от работ в своём. Ввиду высокой товарности хозяйств каждое из них заинтересовано в скорейшем выполнении своих хозяйственных задач, нежели оказания безвозмездной помощи родственникам-соседям, столь характерной для традиционного общества. В-третьих, растущий уровень механизации и мобильные транспортные средства, облегчая труд в скотоводческом хозяйстве в то же время способствуют его большей индивидуализации. Таким образом, налицо отход от традиционных отношений и вместе с проникновением товарно-денежных отношений, установление соседских отношений с территориальным принципом организации кочевого населения.

Прослеживается также зависимость между числом работоспособных в семье и разводимыми видами скота, а также определенная гендерная зависимость. В этом смысле показателен случай респондента Л. Энхцэцэг (1993 г. р.), хозяйство которой состоит только из крупного рогатого скота. Являясь многодетной матерью, она ведёт своё хозяйство в отсутствие супруга, работающего в городе. На летней период к ней на помощь приходит её мать, проживающая в посёлке. Для данной семьи разводить мелкий рогатый скот и лошадей по меньшей мере затруднительно. Коровы существенно уступают в товарности и сроки отдачи значительно длиннее, а потребности семьи с взрослением детей всё увеличиваются. В условиях довольно острой конкуренции за пастбищные ресурсы также необходимо постоянное слежение за зимними угодьями.

В качестве наименования кочевого сообщества употребляется понятие "нэг багийнхан", которое означает совокупность скотоводов, населяющих низовую административно-территориальную единицу "баг" или в прежней форме "бригада". Обсуждение общих проблем и выражение интересов кочевников происходит на собрании бага (багын хурал).

В сомоне Баянчандмань Центрального аймака большое количество прибывших из западного регионального пояса (Баруун аймагууд). По словам респондентки Н. Ганцоож (1974 г. р.), её семья переехала в 2008 г. из сомона Цэцэг аймака Ховд. Из ответов явствует, что имеется довольно большая разнородность и "чересполосица" в расселении мигрировавших кочевников, которая не способствует преобладанию родственного принципа. Фактор земляческих связей также не играет большой роли, поскольку домохозяйства представлены из разных районов страны: Завхана, Ховда, Сухабатора и т. д.

Данное обстоятельство препятствует образованию неформальных групп кочевников на родственной основе. Однако формируются небольшие группы из 4–5 не обязательно соседствующих кочевых айлов. Необходимость в сложении таких групп исходит из дефицита рабочих рук в кочевой нуклеарной семье, особенно в зимние месяцы и раннюю весну. Ввиду чего для таких работ, как сенокос, заготовка дров на зиму, транспортировка айлы между собой вступают в трудовую кооперацию. Развиты различные формы наёмного труда.

Любопытный факт: в данном сомоне кочевые айлы, образуя товарищество, берут в аренду землю в несколько гектаров и занимаются посадкой овса, картофеля, моркови, репчатого лука и других культур. Овёс предназначается для кормления скота разных видов в самые холодные дни зимы и служит своеобразной гарантией прохождения без потерь зимнего периода. Это совмещение в хозяйственных стратегиях домохозяйств стирает острое противоречие между растениеводами и кочевниками в землепользовании.

Из материалов исследования следует, что в социальной организации кочевого населения Центрального аймака Монголии преобладающее значение имеет территориальный принцип. Для переходного трансформационного периода, в котором оказалось постсоциалистическое монгольское общество, присущ институциональный дефицит [4]. Столь характерное для кризисного

та, лишь небольшое количество коров и лошадей, поэтому было выражено согласие со стороны близлежащих айлов на его прибытие.

периода развитие неформальных социальных сетей кочевников и складывание на их основе устойчивых социальных групп, целью которых была взаимоподдержка и взаимопомощь её членов, шло в рамках возрождения норм и институтов традиционного общества, в котором родственные связи имеют первостепенное значение. С преодолением кризиса, нормализацией экономической ситуации, расширением социальной поддержки со стороны государства сложились условия для стабильного развития единоличных домохозяйств в рыночной системе.

На наш взгляд, на примере кочевого населения Центрального аймака Монголии с момента кардинальной смены политико-экономической парадигмы в 1990-е гг. в её социальной организации можно видеть проявление двух разных путей формирования территориальных общностей. Первый – это широкое вовлечение в товарно-денежные отношения и ориентация кочевых хозяйств на получение прибыли, разрушающее связи традиционного общества при том, что местное население или принимающее общество не испытывало миграционного давления. Как правило, это сомоны, унаследовавшие развитую животноводческую базу социалистического времени. Растущее поголовье хозяйства довольно быстро преодолело возможности трудовых ресурсов отдельной семьи. В практику вошло применение наёмной рабочей силы, которая вкупе с полной утратой традиционного производства, требующего коллективных усилий нескольких домохозяйств, при возможности удовлетворить все потребительские запросы за счёт рынка, механизацией ручного труда и ставшей доступной мототехники и автомашин стала фактором обособления и становления более независимых кочевых домохозяйств.

Второй – формирование территориальной общности на основе хозяйственного и иного взаимодействия конкретных единоличных домохозяйств, представляющих собой мигрировавшее из разных отдаленных регионов кочевое население. Эта разнородность противостоит тенденциям объединения по принципу земляческих или родственных связей. И здесь основополагающий принцип общности – это место проживания.

Как способствующий развитию соседских территориальных связей необходимо выделить значимый по силе влияния фактор географической близости г. Улан-Батора. Отсутствие близких родственников в окрестностях, занимающихся кочевым скотоводством и частое указание респондентов на то, что братья, сёстры проживают в городе и заняты в иной сфере, на наш взгляд, служит объективным свидетельством того, что расширенное воспроизводство кочевой семьи как экономической ячейки не является типичным явлением. Это обстоятельство, безусловно, препятствующее формированию социальных групп на родственной основе. Из семьи кочевников в нисходящем поколении "вымываются" в города повзрослевшие дети, среди которых с родителями остаётся лишь один из них. В особенности это характерно для маломощных кочевых хозяйств, которые не заинтересованы в его дроблении и выделении доли из стада. Таким образом, воспроизводство кочевой семьи идет по одной линии. Совокупность таких домохозяйств благоприятствует складыванию соседских связей и главенству территориального принципа в общественной организации кочевого населения.

По-прежнему большую роль в организации социального пространства и степени интенсивности социальных связей продолжает играть зависимость кочевого скотоводства от условий пастбищных угодий и наличия водных ресурсов. Именно производной от неё является характер локализации хозяйств, имеющая прямое влияние на общность интересов и на круг ежедневных социальных контактов и их насыщенность. Конкретная "композиция" территориального расположения зависит от времени года и наиболее устойчивая форма группового объединения характерна для кочевников, проживающих вместе в зимний период. В сомоне Мунгунморьт и в других регионах Монголии данная группа именуется "нэг амныхан". В летний сезон меняется окружающий состав домохозяйств, но круг поддерживаемых связей членов группы остается неизменным. Внутри него оказывается взаимная помощь в присмотре скота, обмен мелкими услугами, ссуда продуктами и вещами. Это то, что составляет непосредственные горизонтальные связи. Как правило, это не превышает количества нескольких айлов, с которыми происходит непосредственное взаимодействие. Более высокий уровень территориальной общности коррелирует

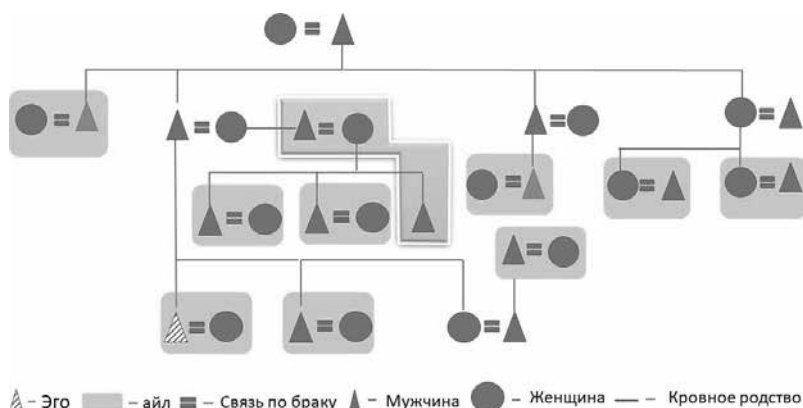

Рис. 1. Схема родственных связей.

Fig. 1. Diagram of Kinship Relations.

Источник: (ПМ А. Д. Гомбожапова. Центральный аймак Монголии (сомон Эрдэнэ). Авг. – сент. 2024 г.).

Source: (FD by A. D. Gombozhapov. Central (Töv) aimag of Mongolia (Erdene Somon.) Aug. – Sept. 2024).

уже с административным делением, и она представлена понятием "нэг багий-нхан". Групповая солидарность основана на единстве хозяйственных интересов, отстаивании прав на приоритетное пользование пастбищными, лесными и водными ресурсами и т. д.

Заметим, что явные социально-экономические противоречия внутри кочевых групп, которые послужили бы основанием для выделения слоев по уровню благосостояния и "классовых интересов", не проступают. Возможно, это связано с тем, что несмотря на кратную разницу в поголовье скота, основного средства производства, разноуровневые по доходу хозяйства не вступают в конкуренцию за пастбища. Возможно также, что интересы малоомощных хозяйств не обозначаются как устойчивый общественный запрос вследствие того, что они вымываются из местного сообщества и в поисках дохода уезжают в города или крупные населенные пункты, в случае, когда поголовье скота уже не позволяет вести кочевое хозяйство (порог меньше 100–150 голов).

Вызревание категории зажиточных скотоводов стало возможным с ростом товарности домохозяйств и развитием банковской системы. Животноводческая продукция как товар стал обмениваться на деньги. Последние же стали исполнять для кочевников свою основную функцию – функцию накопления. Таким образом, вместе с внедрением сенокосения, закупок комбикормов монетизация скотоводческого хозяйства преодолевает одну из серьезнейших проблем традиционного кочевого хозяйства – его неустойчивый характер в силу высокой зависимости от погодно-климатических рисков.

Литература / References

1. Бадараев Д. Д. Социальная стратификация монгольского общества в условиях модернизации в XX–XXI вв. // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 6–11 августа 2018 года. Улан-Удэ, 2018. С. 29–32.
Badaraev D. D. Social stratification of Mongolian society in the conditions of modernization in the XX–XXI centuries // Social and political challenges of modernization in the XXI century: Materials of the international scientific and practical conference, Ulan-Ude, August 6–11, 2018. Ulan-Ude, 2018. P. 29–32. (In Russ.).
2. Грайворонский В. В. Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество). М.: Изд-во ИВ РАН, 2017. 352 с.
Grayvoronsky V. V. Mongolia at the Beginning of the XXI century. (Politics, Economics, Society). Moscow: "Vostochnaya Literatura Publisher", 2017. 352 p. (In Russ.).
3. Грайворонский В. В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995). М., 1997. 184 с.

- Grayvoronsky V. V. *Modern Mongolian Art: Social Problems of the Transition Period (1980–1995)*. Moscow, 1997. 184 p. (In Russ.).
4. Гудков Л., Дубин Б. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. №. 3. С. 33–52.
Gudkov L., Dubin B. Institutional Deficits as a Problem of post-Soviet Society // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2003. No. 3. P. 33–52. (In Russ.).
 5. Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор: АН МНР, 1974. 222 с.
Jagvaral N. Arats and Their Economy. Ulaanbaatar: MPR Academy of Sciences, 1974. 222 p.
 6. Кочевничество и миграции в современной Монголии // Бадараев Д. Д., Бреславский А. С., Гомбожапов А. Д., Жамбалова С. Г., Цыбенков Б. Д. Улан-Удэ, 2017. 168 с.
Nomadism and Migrations in Contemporary Mongolia /Badaraev D. D., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D., Zhambalova S. G., Tsybenov B. D. // Badaraev D. D., Breslavsky A. S., Gombozhapov A. D., Zhambalova S. G., Tsybenov B. D. Ulan-Ude, 2017. 168 p. (In Russ.).
 7. Крадин Н. Н. Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
Kradin N. N. The transformations of pastoral economy in Tuva and Zabaikalie region at the turn of the 20th – 21st centuries. Etnograficheskoe obozrenie. 2016. No. 2. P. 8–27. (In Russ.).
 8. Малтай өрхийн тоо, улс, бүс, аймаг, нийслэл, сум, дүүрэг, баг, хороогоор, жилээр. // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/48171307/table-view/DT_NSO_1001_026V1 (дата обращения: 20.09.2024).
Number of Herder Households, by region, bag, soum, aimags and the Capital. Mongolian Statistical Information Service. URL: https://www.1212.mn/en/statistic/statcate/48171307/table-view/DT_NSO_1001_026V1 (accessed 20.09. 2024). (In Mongol.).
 9. Малчин өрхийн тоо, улс, бүс, аймаг, нийслэл, сум, дүүрэг, баг, хороогоор, жилээр. // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/48171307/table-view/DT_NSO_1001_027V1 (дата обращения: 20.09.2024).
Number of Herder Households, by region, bag, soum, aimags and the Capital. Mongolian Statistical Information Service. URL: https://www.1212.mn/en/statistic/statcate/48171307/table-view/DT_NSO_1001_026V1 (accessed 20.09. 2024). (In Mongol.).
 10. Малын тоо, төрлөөр, улс, бүс, аймаг, нийслэл, сум, дүүрэг, бараар, хороогоор, жилээр // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NSO_1001_021V1 (дата обращения: 20.09.2024).
Number of Livestock, by type, by region, bag, soum, aimags and the Capital. Mongolian Statistical Information Service. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573054/table-view/DT_NSO_1001_021V1 (accessed 20.09. 2024). (In Mongol.).
 11. Цэрэнханд Г. Монгол ахуй – угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвэр. Улаанбаатар: "Адмонпринт" ХХК, 2015. 572 p.
Tserenkhand G. The Mongolian Economy: Studies in Ethnology and Culture. Collected papers. Ulaanbaatar: Admon-Print, 2015. 572 p. (In Mongol.).
 12. Bold B. O. Socio-economic Segmentation "Khot-Ail" in Nomadic Livestock Keeping of Mongolia. Nomadic Peoples. 1996. P. 69–86.
 13. Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism?: Society, State, and the Environment in Inner Asia. Durham, NC: Duke University Press, 1999. 368 p.
 14. Janzen J. Changes in the Mongolia Pastoral Economy During the Transformation Period // Nomadic Studies. 2009. No. 16. P. 7–16.

Информация об авторах

Дамдин Доржиевич Бадараев, д-р соц. наук, заместитель директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: damdin80@mail.ru

Александр Дмитриевич Гомбожапов, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: agombozh@yandex.ru

Information about the authors

Damdin D. Badaraev, Doctor of Sociology, Deputy Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: damdin80@mail.ru

Alexandr D. Gombozhapov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: agombozh@yandex.ru

Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ посёлков городского типа Республики Бурятия

Елена Евгеньевна Тиникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, vinokurova77@mail.ru

Алексей Маланович Бадонов

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, badonov@mail.ru

Виталий Михайлович Андреев

Республиканский многоуровневый колледж; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия, andreev.avt@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социальной идентичности жителей пгт Республики Бурятия через призму их повседневности. Основная цель: выявить, как в условиях социальной и инфраструктурной нестабильности сочетаются границы между городским и сельским образом жизни. В качестве исследовательских кейсов были выбраны пгт Онохой и Селенгинск. Методами сбора эмпирической информации послужили экспертные и фокусированные интервью (n=12). Сделан вывод о том, что пгт являются гибридными образованиями, в которых гармонично сосуществуют элементы сельского и городского уклада жизни, а социальная идентичность формируется как результат повседневного опыта и пространственного контекста.

Ключевые слова: *социальная идентичность, локальные сообщества, повседневные практики, посёлки городского типа, Республика Бурятия*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>

Для цитирования: Тиникова Е. Е., Винокурова А. В., Бадонов А. М., Андреев В. М. Между селом и городом: социальная идентичность локальных сообществ посёлков городского типа Республики Бурятия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 120–129.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru

Anna V. Vinokurova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, vinokurova77@mail.ru

Aleksei M. Badonov

Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, badonov@mail.ru

Vitalii M. Andreev

Republican Multilevel College; Dorzhii Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, andreev.avt@yandex.ru

Abstract. This article explores the features of social identity among residents of urban-type settlements (UTS) in the Republic of Buryatia through the lens of their everyday life. The main objective was to identify how, under conditions of social and infrastructural instability, the boundaries between urban and rural ways of life are intertwined. The study focuses on two case settlements: Onokhoy and Selenginsk. The empirical data were collected through expert and focused interviews (n=12). The study concludes that UTS represent hybrid formations where rural and urban elements of daily life coexist in a balanced manner, and social identity is shaped as a result of everyday experiences and spatial context.

Key words: *social identity, local communities, everyday practices, urban-type settlements, Republic of Buryatia*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>

For citation: Tinikova E. E., Vinokurova A. V., Badonov A. M., Andreev V. M. Between Village and City: Social Identity of Local Communities in Urban-Type Settlements in the Republic of Buryatia // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 120–129. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/120-129>

Введение

В последние десятилетия в связи с административной рурализацией, под которой понимается перевод пгт¹ и малых городов в категорию сельских населённых пунктов по инициативе властей [1, с. 91], затронувшей в России преимущественно рабочие посёлки, значительно снизился интерес как со стороны федеральных и региональных властей, так и органов местного самоуправления к проблемам развития пгт.

В советский период посёлки городского типа были чётко встроены в качестве отдельного самостоятельного объекта с широким набором обязательных инфраструктурных сооружений в планирование территориального развития страны и рассматривались как промежуточный тип населённых пунктов между городом и селом [20]. Но в настоящее время многие такие посёлки переживают упадок. Процессы социальной деградации проявляются не только в экономической сфере: это и закрытие градообразующих предприятий, и сокращение их производственной активности, и рост уровня безработицы, и снижение доходов населения и т. д.; но и в социальной сфере, что выражается в ухудшении качества и доступа к образовательным и медицинским услугам и проч. Особо следует отметить деградацию объектов инфраструктуры пгт, которые в своё время и определяли городской, а не сельский стандарт жизни населения посёлков [17; 25; 4; 6].

Указанные тенденции характерны и для посёлков городского типа Республики Бурятия (РБ), особенностям урбанизационного развития которой посвящён целый ряд публикаций [15; 3; 9; 5; 7]. В постсоветский период сохранить свой городской статус смогли лишь 12 из существовавших ранее и зафиксированных переписью 1989 г. 33 пгт [7]. Отмена практики существования в городских округах помимо города других пгт с 2003 г. привела к массовому включению пригородных посёлков в состав соседних городов в качестве их микрорайонов. Так, в РБ 2004 г. в рамках приведения административно-территориальной структуры в соответствие с требованиями федерального законодательства [22] и уставными положениями муниципального образования [21], пгт Сокол и Заречный были упразднены как административно-территориальные единицы и официально включены в состав муниципального образования "Город Улан-Удэ" [18]. Несмотря на то, что в Бурятии лишь 36,4% посёлков городского типа сохранили свой статус, они остаются преобладающей формой городских поселений. Доля населения, проживающего в пгт, в 2020 г. составляла 13,3% городского населения РБ. Тем не менее, этот показатель выше, чем в целом по европейской (5,8%) и азиатской (8,4%) части России [описано и рассчитано авторами на основе: 12; 10; 11; 16].

Как видим, в Бурятии, как и во многих российских регионах, пгт оказались в уязвлённом положении, не имея чёткой стратегии развития и частично утрачивая черты "городского". Исходя из этого, в настоящей статье мы сосредоточим внимание на том, как в условиях социальной и инфраструктурной нестабильности трансформируются повседневные практики жителей посёлков городского типа Республики Бурятия, как складываются локальные формы идентичности и переосмысляются границы между городским и сельским образом жизни.

Теоретическая рамка и методы исследования

Теоретическую основу нашего исследования составили следующие объяснительные модели. Во-первых, это концепция символических границ (П. Бурдьё, М. Ламонт). П. Бурдьё вводит понятие социального пространства [8], и именно в этом поле границы между группами формируются и воспроизводятся через конкретные предпочтения, включая различия между "городским" и "сельским" стилями жизни. М. Ламонт больше заостряет внимание на том, что символические границы определяют включение или исключение из групповой принадлежности [26], в контексте пгт такие границы могут проявляться через противопоставление "своих" и "чужих", формируя осознаваемую или неосознаваемую иерархию идентичностей.

Во-вторых, концепция локальной идентичности (place identity), представленная в работах Э. Ральфа [28], И. Альтмана и С. Лоу [27]. Здесь акцент

¹ пгт – посёлки городского типа.

сделан на укоренённости и принадлежности. С учётом интересующей нас пространственной гибридности пгт, подобную социальную привязанность можно рассматривать как один из основных элементов конструирования особой формы идентичности, не сводящейся к бинарной дихотомии "город – село".

Постурбанизм и концепция промежуточной урбанизации (in-between urbanism) [29; 24] даёт возможность описания переходных пространств; служит основой для характеристики особенностей повседневной жизни и показывает, что границы между сельским и городским в локальных сообществах не являются фиксированными, а воспроизводятся через инфраструктурные различия и рутинные практики социального взаимодействия. Соответственно, можно интерпретировать посёлки городского типа как пространства, в которых городское и сельское сосуществует в виде динамически формируемых символических кодов.

В целом, такой комплексный подход с опорой на положения концепций символических границ, локальной идентичности, промежуточной урбанизации, выбранный в качестве теоретической рамки, послужил основой для реализации качественной стратегии, предпринятого нами эмпирического исследования. В центре нашего внимания – идентичность жителей пгт Республики Бурятия, рассматриваемая как результат и пространство повседневных практик, в которых "городскость" и "сельскость" не противопоставляются, а переплетаются и формируют своеобразный социальный ландшафт жизни в посёлках городского типа.

Эмпирическое исследование выполнено с опорой на опросные методы – экспертное и фокусированное интервью. В качестве исследовательских кейсов были выбраны пгт Онохой и Селенгинск, что обусловлено следующими содержательными основаниями.

В первую очередь, это географическое положение посёлков. Онохой располагается в пригородной зоне Улан-Удэ, что создаёт условия для маятниковой миграции, большей вовлечённости в экономику и инфраструктуру регионального центра. А Селенгинск находится на некотором удалении от столицы РБ (примерно в 100 км от Улан-Удэ), что определяет большую степень автономности, некоторые ограничения в плане доступа к городским ресурсам. Это позволит выявить, как территориальная включённость влияет на локальную идентичность, восприятие границы между "городским" и "сельским".

Далее, в отобранных исследовательских кейсах представлены разные модели градообразования. Селенгинск возник как поселение вокруг крупного промышленного предприятия (Селенгинского целлюлозно-картонного комбината – ЦКК), тогда как Онохой изначально формировался как транспортный и военный узел. Это даст нам возможность проследить, как различные историко-экономические основания формируют идентичность жителей.

Также в постсоветский период оба пгт прошли через существенные структурные трансформации: в Онохое была ликвидирована основная промышленная база, а в Селенгинске градообразующее предприятие (ЦКК) продолжает функционировать, соответственно, можно попытаться выявить, как различия в экономических стратегиях и социальной инфраструктуре влияют на повседневность и самоопределение местных сообществ.

Полевой этап исследования был реализован в феврале 2025 г. В общей сложности в ходе экспедиций в указанные посёлки было проведено двенадцать интервью (n=12). Экспертами выступили представители руководства поселковых администраций и градообразующих предприятий, в фокусированных интервью принимали участие местные жители, не вовлечённые в управленческие структуры, представляющие различные социально-демографические группы.

Результаты исследования

Основные социально-демографические характеристики посёлков Онохой и Селенгинск. Понимание социальной идентичности локальных сообществ невозможно без учёта социально-демографической структуры пгт. Численность и состав населения посёлков городского типа, их динамика определяют социальные практики, фоновый ритм повседневности, а значит и то, каким образом складываются представления о сельском и городском образе жизни.

Табл. 1. Динамика численности населения пгт Онохой и Селенгинск в 1989–2024 гг., чел.
Table 1. Population Dynamics in the Urban-Type Settlements of Onokhoy and Selenginsk, 1989–2024, people

Год	1989	2002	2010	2020	2024
Онохой	10715	10673	10689	10767	9176
Селенгинск	15233	16326	14546	13499	13130

Источник: составлено авторами на основе [12; 10; 11; 16; 23].
Source: compiled by the authors based on [12; 10; 11; 16; 23].

Изменение численности населения рассматриваемых пгт можно представить следующим образом (табл. 1).

Как видим, оба посёлка демонстрируют схожий тренд: в 1989–2002 / 2010 гг. наблюдалась относительная стабильность (Онохой) и некоторый рост (Селенгинск) численности населения. После 2010 г. заметным становится умеренное снижение данного показателя. В целом, за прошедшие 35 лет население пгт Онохой снизилось на 14,4%, а Селенгинска – на 13,8%.

Полагаем, что это связано с экономическими и инфраструктурными трансформациями. Динамичное развитие посёлков в советский период, сопровождавшееся ростом населения, объёмов производимой продукции, строительством объектов социально-бытовой инфраструктуры, в постсоветский период сменилось на противоположный вектор. Градообразующее предприятие пгт Онохой (лесоперерабатывающий комбинат) было закрыто, но *"само поселение смогло устоять в трудные времена как крупный транспортный узел Транссибирской магистрали, не последнюю роль сыграло наличие войсковой части и военного завода, появление небольших частных предприятий"* (муж., 53 года, представитель поселковой администрации пгт Онохой). Благодаря модернизации производства Селенгинский ЦКК до сих пор функционирует и обеспечивает занятость около 2 тыс. чел. [19, с. 50].

И если раньше основными местами трудоустройства в посёлках являлись градообразующие предприятия и сфера соцкультбыта, то в нынешних реалиях, в связи с сокращением производства, закрытием ряда предприятий, появлением частной собственности, структура занятости в пгт приобрела иной вид. По-прежнему значительная часть населения занята в бюджетном секторе. Позиции одного из главных "поставщиков" рабочих мест сохраняют и железная дорога. В Онохое, после закрытия лесокombината, важную социальную роль стал играть военный завод, который обеспечивает работой несколько сотен гражданских жителей. Появились предприниматели, имеющие собственный небольшой бизнес (комбинат по переработке молочной продукции, фермерские хозяйства, магазины и т. д.), и те, кто работает на этих предприятиях. Близость к Улан-Удэ способствует ежедневной маятниковой миграции, связанной поездками к местам работы и обратно. Стала заметной такая социальная категория, как вахтовики. *"На вахту сейчас много ездят. Всё же работы в посёлке недостаточно, да и зарплата низкая – это основные проблемы. В основном, конечно, едут на Севера, и не только мужчины ездят, но и женщины"* (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

Дополним, что в Онохое в последние годы стали активно приобретать квартиры, а также земельные участки для индивидуального жилищного строительства жители Улан-Удэ. Это связано с постоянным ростом цен на недвижимость в столице республики [2, с. 100] и сохраняющимися относительно низкими ценами на жильё в пгт. Как отметили наши информанты: *"У нас нет сейчас пустых квартир. Развивается частное жилищное строительство. Даже из города приезжают к нам. Все строятся"* (жен., 49 лет, жительница пгт Онохой).

В Селенгинске основной костяк жителей составляют дети и внуки людей, руками которых в 1960-е–1970-е гг. создавался этот посёлок. Несмотря на общее снижение численности населения, миграционный приток в пгт фиксируется, но в сравнении с советским периодом он не так значителен.

Переезжают на постоянное место жительства в Селенгинск, как правило, из близлежащих сельских населенных пунктов в поисках работы и комфортно-го доступа к объектам социальной инфраструктуры. Точкой притяжения для приезжих также являются средние специальные образовательные учреждения. В Селенгинске функционируют Политехнический техникум и Байкальский базовый медицинский колледж, где в общей сложности обучается около 1300 студентов [13; 14]. Также и в экспертных интервью было отмечено, что *"очень много приезжих ребят ... Приезжают из разных районов Бурятии и из других уголков Сибири. Учатся и иностранцы, есть студенты из Монголии, их около ста человек. И своей молодёжи уезжать из посёлка незачем. Можно закончить здесь школу, получить специальное образование и устроиться здесь же на работу. Например, отучившись в техникуме, можно продолжить свою карьеру на комбинате (Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат – прим. авт.). Есть хорошие перспективные возможности здесь. И много таких людей, которые именно этот путь прошли"* (жен., 47 лет, представительница поселковой администрации пгт Селенгинск).

В целом, социально-демографическая структура рассматриваемых пгт формировалась ранее и трансформируется сейчас под влиянием сходных социально-экономических трендов. В то же время есть различия, обусловленные географическим положением, производственной инфраструктурой и спецификой преобладающих сфер занятости. Несмотря фиксируемую незначительную убыль населения, которая в большей степени связана не с негативной миграционной динамикой, а с отрицательным естественным приростом, оба посёлка демонстрируют социальную устойчивость за счёт адаптации градообразующих предприятий и образовательных учреждений к новым условиям, за счёт развития предпринимательской деятельности, маятниковой и вахтовой миграции. Эти особенности напрямую влияют на характер локальной идентичности и представления поселковцев о своём укладе жизни.

Повседневные практики как отражение локальной идентичности: кейс пгт Онохой и Селенгинск. Социальная идентичность жителей посёлков городского типа, в том числе и рассматриваемых нами Онохой и Селенгинска, формируется в повседневной реальности, где черты городского и сельского образа жизни не исключают, а, наоборот, взаимно дополняют друг друга. Именно через повседневные практики – общение, досуг и быт проявляется уникальный характер этих сообществ, складывается их представление о себе и о границах между "городскостью" и "сельскостью".

Сам процесс общения между жителями в рассматриваемых посёлках представляет собой достаточно специфическую форму социального взаимодействия. Главной характеристикой коммуникативного пространства пгт является высокая степень социальной плотности, при которой одни и те же индивиды взаимодействуют в различных ролях: соседей, коллег, родителей школьников, участников совместных досуговых мероприятий, что придаёт общению многоуровневый и насыщенный характер, усиливает вовлечённость в повседневную жизнь сообщества. Значимым элементом является и высокая степень узнаваемости: жители, как правило, знают друг друга лично либо через цепочку косвенных связей, что формирует эффект "все на виду". Коммуникативные практики во многом продолжают традиции сельского уклада (распространены спонтанные беседы "на лавочке", возле магазина и пр.):

"У нас теплее отношения. Мы людей, если не по фамилии, то хотя бы по имени, на лицо знаем. С соседями также. Один подойдет, другой. И мы как-то друг о друге знаем. За кого-то порадуемся, с кем-то попереживаем вместе" (жен., 75 лет, жительница пгт Онохой).

"Я же здесь всю жизнь прожила, на комбинате столько лет отработала, сейчас преподаю в техникуме, конечно, и я, и меня все знают" (жен., 68 лет, жительница пгт Селенгинск).

В то же время наблюдается активная цифровизация, среди жителей пгт всё более и более популярными становятся локальные чаты и группы в мессенджерах, где обсуждаются как бытовые вопросы, так и значимые события поселковой жизни. Это снижает выраженность неформального социального контроля и несколько увеличивает социальную дистанцию, как отмечают наши информанты, *"теперь без звонка просто так по-соседски как-то захо-*

дить друг другу в гости стало не принято, этикет изменился". Хотя, как и прежде, "в девяноста процентах случаев, а то и больше, сосед соседа знает".

Напрямую с коммуникативными практиками связана и сфера досуга, где также проявляется сочетание городского и сельского. Формы проведения свободного времени жителей пгт раскрывают их представления об уровне доступности инфраструктуры и локальных ценностях. В ходе экспедиций в Онохой и Селенгинск было выявлено, что там широко распространены типично городские досуговые практики: посещение спортивных объектов и объектов культуры, кафе, торгово-развлекательных учреждений. Но всё же есть некие ограничения, что не всегда делает возможным реализацию таких практик в полной мере:

"Мы с подругами два раза в неделю ходим в бассейн. Знаете сколько стоит абонемент на четыре посещения? Триста шестьдесят рублей. Где вы такие цены в городе видели? Нам нравится, и вообще народу много ходит" (жен., 73 года, жительница пгт Селенгинск).

"У нас знаете, сколько всего в Центре культуры есть? Столько занятий и для детей, и для старшего поколения. Многое бесплатно и на высоком уровне, не хуже, чем в городе" (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

"Конечно, молодёжи хочется чего-то такого ... более модного что ли, чтобы кофейня какая-то, как они говорят, атмосферная была, чтобы какие-то пространства красивые были, такого, конечно, не хватает" (жен., 59 лет, жительница пгт Онохой).

В то же время сохраняются и активно воспроизводятся формы досуга, характерные для сельской повседневности: выезды на природу, сбор грибов и ягод, дикоросов, рыбалка, охота. Рассказывая о своем досуге, наши информанты особое внимание уделяли характеристике географических особенностей расположения своих поселений. Живописность местности, близость реки, тайги, гор, конечно, способствуют сохранению традиционных форм времяпрепровождения. Широко распространены "домашние" практики проведения свободного времени: просмотр телевизора, ведение приусадебного хозяйства, кулинария. Особенно значима роль дачи как универсального пространства, это одновременно и трудовая, и рекреационная зона:

"Я переехала в посёлок в детстве, это были 1970-е годы. Скажу, что образ жизни у нас резко не менялся. В селе у нас небольшое подворье своё было. Но здесь мы стали держать дачу. Многие и тогда, и сейчас у нас на дачах держат гусей, кур. Сейчас дача, конечно, больше для досуга, для отдыха. Но у нас есть огромная теплица, с которой действительно можно накормить не одну, а несколько семей" (жен., 48 лет, жительница пгт Селенгинск).

В целом, досуговые практики, характерные для рассматриваемых пгт, обладают не только значительным рекреационным потенциалом, но и позволяют их жителям поддерживать социальные связи, способствуя укреплению локального сообщества. Можно сказать, что досуг в посёлках городского типа, как и общение, отражает особенности локальной идентичности, сочетая в себе элементы как городского, так и сельского уклада, стремление к новым, современным практикам и сохранение привычных, традиционных форм повседневной жизни.

Бытовая сфера в пгт также представляет собой важный компонент повседневности, через который воспроизводится локальная идентичность. Как мы уже отметили, поселковцы активно поддерживают хозяйственные практики, характерные для сельской жизни, многие имеют приусадебные участки, дачи, нередко занимаются мелким животноводством. Вместе с тем, высокий уровень благоустройства (наличие централизованного тепло- и водоснабжения, водоотведения и т. п.) сближает пгт с городом.

Селенгинск и Онохой являются яркими примерами посёлков, которым ещё в советский период удалось выстроить инфраструктуру, максимально приближённую к городской. Состояние жилищно-коммунального хозяйства и бытовой сферы тогда (в советское время) и сейчас сохраняется на достаточно высоком уровне. Администрация посёлков и сами местные жители через участие в различных конкурсных и проектных инициативах систематически работают над улучшением жизни в своих поселениях. И эксперты, и участники фокусированных интервью больше указывали не на сельский характер своих населённых пунктов, а в основном акцентировали внимание на тех особенно-

стях, которые, на их взгляд, роднят пгт с городом. Это и наличие общественных пространств, и общая благоустроенность, и развитая инфраструктура:

"У нас всё как в городе. Есть магазины, точки самовывоза есть, и Ozon, и WB, есть спортивные и детские площадки, детские сады строятся, школы есть" (жен., 72 года, жительница пгт Онохой).

"У нас инфраструктура в посёлке вон какая. И цены на коммуналку у нас ниже за счёт того, что котельная ЦКК посёлок отапливает и обеспечивает горячей водой. Для сравнения взять даже город Гусиноозерск (город в Бурятии с населением 24,3 тыс. чел., находится в 196 км от Селенгинска и в 110 км от Улан-Удэ – прим. авт.), у нас намного лучше" (муж., 67 лет, сотрудник Селенгинского ЦКК).

Всё это говорит о том, что быт в посёлках сочетает элементы самообеспечения с чертами городского комфорта.

Одним из ключевых моментов в осмыслении локальной идентичности являются ответы наших информантов на вопросы: "Вы себя больше ощущаете сельскими или городскими жителями?", "Ваш пгт – это больше город или село?". И здесь всячески подчёркивалась промежуточность, гибридность поселкового статуса – ни село, ни город; и город, и село:

"Мы находимся на стыке. Я считаю, что наш посёлок статус городского заслуживает. Хотя по складу, конечно, мы здесь всё равно больше сельские такие, потому что у нас люди добрее, неравнодушные" (жен., 48 лет, жительница пгт Селенгинск).

"Быть посёлком – это значит что-то взять от села, а что-то от города. У нас тут почти у всех приусадебные участки, дачи. А город это что? Это освещение красивое, это какие-то деревья, всё это с огоньками, какие-то инсталляции, какие-то фигурки, фонтаны. Вот этого у нас нет. А от города у нас многоэтажки. Детские площадки есть красивые. Всё как в городе" (жен., 60 лет, жительница пгт Онохой).

Таким образом, посёлки городского типа предстают как особые гибридные пространства, где границы между городским и сельским переплетаются, образуя уникальный узор повседневной жизни.

Заключение

На примере представленных кейсов – посёлков Онохой и Селенгинск – наглядно показано, что процессы социальной трансформации, характерные для постсоветского периода, не привели к утрате "городскости" этих пгт, а, напротив, способствовали формированию уникальных форм социальной идентичности, основанных на сочетании традиционного сельского и современного городского уклада. Ощущение принадлежности к посёлку, разнообразные формы социальной взаимопомощи, высокая степень социальной узнаваемости, поддержание хозяйственных практик – всё это демонстрирует, что идентичность жителей пгт опирается не столько на административный статус, сколько на повседневный опыт, инфраструктурные особенности и символическое наполнение пространства. В рассматриваемых местных сообществах сохраняются социальные связи, осмысливается особый статус поселения, формируется гибридное представление о себе как "не совсем городских и не совсем сельских", что открывает новые перспективы для дальнейших исследований локальных идентичностей в условиях периферийной урбанизации.

Литература / References

1. Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.
Alekseev A. I., Zubarevich N. V. A Crisis of Urbanization and the Russian Countryside // Migration and Urbanization in the CIS and the Baltics in the 1990s. Moscow: Center for the Study of Forced Migration Issues in the CIS, 1999. P. 83–94. (In Russ.).
2. Алексеева Т. Н. Рынок недвижимости г. Улан-Удэ: тенденции развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 98–104.
<https://doi.org/10.21209/22279245201723398104>

- Alekseeva T. N. Real Estate Market in Ulan-Ude: Development Trends // *Transbaikal State University Journal*. 2023. Vol. 23. Issue 3. P. 98–104. <https://doi.org/10.21209/22279245201723398104> (In Russ.).
3. Асташова И. А. Основные тенденции трансформации городской поселенческой структуры Республики Бурятия в конце 1980-х – начале 2000-х гг. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. № 14. С. 120–123.
Astashova I. A. Main Trends in the Transformation of the Urban Settlement Structure of the Republic of Buryatia in the Late 1980s – Early 2000s // *Bulletin of Buryat State University*. 2013. No. 14. P. 120–123. (In Russ.).
 4. Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития "городских агломераций" ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 4. С. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>
Breslavsky A. S. Population Dynamics of "Urban Agglomerations" of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and its Types in the 1990s – 2010s // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 4. P. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>. (In Russ.).
 5. Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М. Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
Breslavsky A. S. Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period / ed. by M. N. Baldano. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2014. 192 p. (In Russ.).
 6. Бреславский А. С. Посёлки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2024. № 4 (70). С. 90–98.
<https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41>
Breslavsky A. S. Urban-Type Settlements in the Post-Soviet Transformation of Urban Settlement System in Transbaikalia and the Russian Far East // *Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2024. No. 4 (70). P. 90–98. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41> (In Russ.).
 7. Бреславский А. С. Все в Улан-Удэ? Трансформация городского расселения в Республике Бурятия в 1990–2010-е гг. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2024. № 6. С. 243–260. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72140>
Breslavskii A. S. Are All in Ulan-Ude? Transformation of Urban Settlement System in the Republic of Buryatia in the 1990s–2010s // *History Magazine: Researches*. 2024. No. 6. P. 243–260. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.6.72140> (In Russ.).
 8. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // *Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 537–568.
Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // *Western Economic Sociology: A Reader of Contemporary Classics* / comp. and ed. by V. V. Radaev. Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 537–568. (In Russ.).
 9. Бюраева Ю. Г. Территориальные факторы и особенности расселения жителей Республики Бурятия // *Труд и социальные отношения*. 2013. Т. 24. № 3. С. 60–68.
Buraeva Yu. G. Territorial Factors and Features of Residential Patterns of the Buryat Republic // *Labour and Social Relations Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 3. P. 60–68. (In Russ.).
 10. Всероссийская перепись населения 2002 года. Численность городского населения России, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Russian Population Census of 2002. Urban Population of Russia, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Gender // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
 11. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения городских населённых пунктов Российской Федерации // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Russian Population Census of 2010. Urban Settlements Population of the Russian Federation // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
 12. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
All-Union Population Census of 1989. Urban Population of the RSFSR, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Gender // *Demoscope Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
 13. ГАПОУ РБ "Политехнический техникум": [официальный сайт]. URL: <https://sel-politech.ru/node/105> (дата обращения: 12.04.2025).

- Polytechnic College of the Republic of Buryatia: [official website]. URL: <https://sel-politeh.ru/node/105> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
14. Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение "Байкальский базовый медицинский колледж Министерства здравоохранения Республики Бурятия": [официальный сайт]. URL: <https://www.sel-med.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).
Baikal Basic Medical College, Ministry of Health of the Republic of Buryatia: [official website]. URL: <https://www.sel-med.ru/> (accessed 12.04.2025). (In Russ.).
 15. Зуляр Ю. А. Деурбанизация Байкальского региона на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 48–58.
Zulyar Yu. A. Deurbanization of the Baikal Region at the Turn of the 20th – 21st Centuries // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies. 2009. No. 1. P. 48–58. (In Russ.).
 16. Итоги ВПН–2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 14.01.2025).
Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1. Population and Distribution // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (accessed 14.01.2025). (In Russ.).
 17. Петровская О. В. Посёлки городского типа в системах расселения регионов России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2021. № 3 (35). С. 28–41. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41>
Petrovskaya O. V. Urban-Type Settlements in the Russian Regional Settlement System // Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology. 2021. No. 3 (35). P. 28–41.
<https://doi.org/10.26456/2226-7719-2021-3-28-41> (In Russ.).
 18. Решение Улан-Удэнского городского Совета депутатов от 25 ноября 2004 года № 106–18 "Об упразднении посёлков городского типа Сокол, Заречный муниципального образования "Город Улан-Удэ" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440589092> (дата обращения: 27.04.2025).
Decision of the Ulan-Ude City Council of Deputies dated November 25, 2004 No. 106-18 "On the Abolishment of the Urban-Type Settlements Sokol and Zarechny of the Municipal Formation "City of Ulan-Ude" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440589092> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 19. Самаруха В. И., Иванова Д. А. Лесопромышленный комплекс Байкальского региона: современное состояние и перспективы развития // Сибирская финансовая школа. 2017. № 1 (120). С. 47–57.
Samarukha V. I., Ivanova D. A. The Timber Industry Complex of the Baikal Region: Current Status and Development Prospects // Siberian Financial School. 2017. No. 1 (120). P. 47–57. (In Russ.).
 20. Симагин Ю. А. Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. 224 с.
Simagin Yu. A. Urban-Type Settlements in Russia: Transformation of the Network and Population Characteristics. Moscow: Institute of Socio-Economic Problems of Population of the RAS, 2009. 224 p. (In Russ.).
 21. Устав городского округа "Город Улан-Удэ" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553286299> (дата обращения: 27.04.2025).
Charter of the Urban District "City of Ulan-Ude". Annex to the Decision of the Ulan-Ude City Council of Deputies dated April 25 // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553286299> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 22. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063> (дата обращения: 27.04.2025).
Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063> (accessed 27.04.2025). (In Russ.).
 23. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://web.archive.org/web/20241202191943/https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 16.04.2025).
Population of the Russian Federation by Municipal Formations as of January 1, 2024 // Federal State Statistics Service. URL: <https://web.archive.org/web/20241202191943/https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (accessed 16.04.2025). (In Russ.).
 24. Brighenti A. Visibility: A Category for the Social Sciences // Current Sociology. 2010. No. 58 (3). P. 323–342. <https://doi.org/10.1177/0011392107076079>
 25. Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, not a City Anymore: The Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15, Issue 2. P. 169–178.

<https://doi.org/10.17516/1997-1370-0897>

26. Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2002. Vol. 28. P. 167–195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>
27. Place Attachment / ed. by I. Altman, S. Low. NY: Plenum Publishing Corporation, 1992. 314 p. URL: https://tuxdoc.com/download/setha-m-low-irwin-altman-auth-place-attachment-springer-us-1992_pdf (accessed April 16, 2025). <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4>
28. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion Limited, 1976. 156 p. URL: [Relph_Place_and_placelessness.pdf](#) (accessed 16.04.2025). <https://doi.org/10.4135/9781446213742.n5>
29. Shrinking Cities / ed. by Phillipp Oswald. Ostfildern: Hatje Cantz, 2006. 736 p. URL: http://www.shrinkingcities.com/fileadmin/shrink/downloads/pdfs/SC_Band_1_eng.pdf (accessed 16.04.2025).

Информация об авторах

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Алексей Маланович Бадонов, канд. соц. наук, заведующий кафедрой теории социальной работы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: badonov@mail.ru

Виталий Михайлович Андреев, директор Республиканского многоуровневого колледжа; аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: andreev.avt@yandex.ru

Information about the authors

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Aleksei M. Badonov, Candidate of Sociology, Head of the Department of Social Work Theory, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: badonov@mail.ru

Vitalii M. Andreev, Director of the Republican Multilevel College; Postgraduate Student, Department of Political Science and Sociology, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: andreev.avt@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2024

Одобрена после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 23.04.2024

Approved 17.05.2025

Accepted 26.05.2025

Научная статья

УДК 336.43

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/130-139>

Патриотизм как инструмент духовно-нравственного воспитания в КНДР: идеологические и политические аспекты

Наталья Николаевна Ким

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, nkim@iaas.msu.ru

Аннотация. КНДР – одно из немногих государств современного мира, последовательно придерживающихся социалистического пути развития после распада социалистического блока. Строительство "могучей и процветающей страны" в КНДР осуществляется под лозунгами самостоятельности, защиты суверенитета, национального достоинства, борьбы с империализмом, которые отражают основы национальной идеологии "кимирсенизма-кимчениризма", или идей чучхе. При этом патриотизм является несущей конструкцией духовно-нравственного воспитания, направленного на беспрекословное исполнение указаний вождя и правящей партии, даже "ценой жизни". На разных этапах развития северокорейской государственности использовали различные термины для обозначения концепции патриотического воспитания, такие как "социалистический патриотизм", "кимченировский патриотизм", при этом общим элементом оставался вождь, преданность которому определяется как наивысшая форма патриотизма. Родина немислима без вождя, а, значит, верность вождю и есть верность родине. С раннего возраста граждан КНДР воспитывают быть готовыми в любое время пожертвовать своей жизнью по зову вождя и партии. Теоретическим обоснованием доминирования крайних форм патриотизма является чучхейская концепция корейской революции. Целью статьи является определение функциональных связей между национальной идеологией, патриотизмом и массовыми движениями в КНДР.

Ключевые слова: патриотизм, КНДР, чучхе, социализм, кимирсенизм-кимчениризм, массовые движения, идеология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00788, <https://rscf.ru/project/24-28-00788/>

Для цитирования: Ким Н. Н. Патриотизм как инструмент духовно-нравственного воспитания в КНДР: идеологические и политические аспекты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 130–139.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/130-139>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/130-139>

Patriotism as an Instrument of Moral Education in the DPRK: Ideological and Political Aspects

Natalia N. Kim

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nkim@iaas.msu.ru

Abstract. The DPRK is one of the few countries that has consequently followed the socialist path of development after the collapse of the socialist bloc. The construction of a "powerful and prosperous country" is carried out under the slogans of independence, protection of sovereignty, national dignity, and the fight against imperialism, which reflect the foundations of the national ideology of "Kimilsungism-Kimjongilism", or the Juche ideas. Patriotism is the supporting structure of spiritual and moral education in the DPRK, aimed at complete execution of the instructions of the leader and the ruling party "at the cost of life." At different stages of North Korean statehood, different terms were used to denote the concept of patriotic education, such as "socialist patriotism", "Kimjongil patriotism", while the common element remained the leader, loyalty to whom is defined as the highest form of patriotism. The motherland is impossible without a leader, and, therefore, loyalty to the leader is loyalty to the motherland. From an early age, citizens of the DPRK are brought up to be ready to sacrifice their lives at any time at the call of the leader and the governing party. The theoretical justification for the dominance of extreme forms of patriotism is the Juche concept of the Korean revolution. This study is aimed to determine the functional ties between national ideology, patriotism and mass movements in the DPRK.

Key words: patriotism, DPRK, Juche, socialism, Kimilsungism–Kimjongilism, mass movement, ideology

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant № 24-28-00788, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00788/>

For citation: Kim N. N. Patriotism as an Instrument of Moral Education in the DPRK: Ideological and Political Aspects // Ojkumena. Regional Researches. 2025 Vol. 19, No. 2. P. 130–139.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/130-139>

Введение

Патриотическое воспитание является одним из основных элементов системы гражданского воспитания в современном обществе. Широким определением патриотизма является любовь и верность своей родине, отечеству,

при этом в зависимости от государственной идеологии, политической культуры, социально-экономической организации общества толкование данного понятия может приобрести национальную специфику. Патриотическое воспитание имеет важное значение в обеспечении стабильности любого политического режима, консолидации нации, особенно в периоды кризисов и серьёзных внешнеполитических вызовов. КНДР в этом отношении является наглядным примером того, как патриотизм может стать главной мобилизующей силой нации в преодолении разного рода трудностей и препятствий на пути строительства социализма.

Отличительными признаками патриотического воспитания в КНДР являются идеологическая монолитность и масштабность. Патриотическим дискурсом пронизаны все сферы общественной жизни, а патриотическим воспитанием охвачены все слои населения вне зависимости от возраста, пола, социальной группы. В данной статье анализируется взаимосвязь между патриотическим воспитанием и национальной идеологией в КНДР. Целью исследования является определение функциональных связей между национальной идеологией, патриотизмом и массовыми движениями в КНДР.

Толкование патриотизма в национальной идеологии КНДР

Идеология имеет огромное значение в системе образования и воспитания граждан КНДР. Начиная с дошкольного обучения, дети погружены в обстановку почитания вождей, чествования героев корейской революции, выполнения социально значимых задач в рамках различных детских, молодежных общественных организаций. По мере взросления личность осознает себя частью огромного "общественно-политического организма", подчиняя ему свои желания и стремления. Жизнь человека вне общественного коллектива, "в отрыве от вожда, партии и масс", представляется в Северной Корее "бессмысленной" и, в целом, немислимой, поскольку противоречит, его общественной природе [5, с. 26]. Практическим воплощением единения личности с коллективом в КНДР является участие каждого гражданина в деятельности какой-либо партийной или общественной организации, которые выстроены в жёсткую иерархическую систему во главе с Трудовой партией Кореи (ТПК) (Детский союз Кореи, Социалистический союз патриотической молодежи, Социалистический союз женщин Кореи, Союз тружеников сельского хозяйства Кореи, Объединенные профсоюзы Кореи). Помимо прочего, существуют народные группы (*инминбан*), объединяющие несколько семей и позволяющие осуществлять государственный контроль за жизнью населения непартийными методами [2, с. 117].

В основе национальной идеологии КНДР, именуемой сегодня "кимирсенизм-кимчениризм"¹, лежит "чучхейская идейная система" (*чучхе сасан*) [5, с. 12]. На разных этапах развития государственности КНДР появлялись новые понятия, концепты в системе чучхе, но в целом идейная основа сохранялась прежней. В данной статье мы исходим из общих идеологических принципов, характеризующих чучхе, выводя за рамки исследования исторические нюансы появления новых концептов. Признавая материалистические и диалектические принципы марксизма-ленинизма в качестве теоретических истоков чучхе, северо-корейские идеологи настаивают на существенном отличии последней от марксизма-ленинизма [8, с. 4–10]. Ключевые различия заключаются в понимании человеческой природы, революции и её движущих сил. Согласно трудам Ким Чен Ира, революция возможна в отдельно взятой стране благодаря возросшей самостоятельности и сознательности народных масс, способных силой своего творчества совершить исторические преобразования. В отличие от марксизма-ленинизма, в чучхе материалистическая составляющая общественного развития имеет подчиненное значение по отношению к волюнтаристским проявлениям "народных масс" – творчеству, самостоятельности, сознательности.

Националистический характер чучхе обусловлен своеобразным пониманием теории революции. Корейский характер революции проявляется,

¹ Термин "кимирсенизм-кимчениризм" стал активно использоваться в публичном пространстве КНДР с апреля 2012 г., когда в устав правящей Трудовой партии Кореи внесли изменение, объявив "кимирсенизм-кимчениризм" руководящей идеологией.

во-первых, в том, что во главе революции находится корейский народ, а не определённый класс или союз классов. Хотя чучхе придерживается идей классовой борьбы, но в официальной риторике классовый характер революции слабо артикулирован. Во-вторых, успех революции зависит от единения масс с вождем и с политической партией. "Только такие народные массы, которые сплотились в идейно-организационном отношении, могут самостоятельно и творчески решать свою судьбу. Субъект революции – единство вождя, партии и масс" [5, с. 20].

В-третьих, вождь революции – это не просто политический лидер, вдохновляющий массы на революционные преобразования. Вождь – это "наивысший мозговой центр" общественно-политического коллектива. Через единение с вождем человек приобретает "политическое бессмертие" [5, с. 29]. Примером такого бессмертия являются корейские революционеры, сражавшиеся вместе с Ким Ир Сеном в рядах антияпонского партизанского движения. В-четвертых, если формально ранжировать очередность обязанностей в рамках революционного долга, то окажется, что он прежде всего связан со служением своему вождю, партии, и только потом – родине. Хотя всё это взаимосвязанные явления, о чём будет сказано ниже, вождь и его защита, тем не менее, занимает особое место в системе приоритетов для северокорейских граждан.

Националистический характер чучхе также выражает принцип "корейская нация прежде всего" (*чосонминчжокчеильжжуйи*), впервые упомянутый в работе Ким Чен Ира "О некоторых вопросах воспитания на идеях чучхе" 1986 г. Он рассуждает о нём в контексте понимания революционных задач: первейший долг "корейского народа перед мировой революцией – успешно вести корейскую революцию, выполнить свой национальный революционный долг" [5, с. 15]. Данный принцип предполагает, что гражданин с любовью относится к своей нации, считает её самой лучшей, борется за её суверенитет. При этом, как говорил Ким Чен Ир, это не означает, что корейцы высоко "должны смотреть на другие нации" [5, с. 15]. Корейские коммунисты, по его словам, являются интернационалистами, а принцип "корейская нация прежде всего" – проявлением духа самостоятельности и национального достоинства. Но, учитывая формулировку принципа, очевидно, что в рамках прогрессивного социалистического дискурса сохраняется сильный консервативный аспект, обусловленный стремлением сохранить то, что исторически уже сформировалось – "корейский народ" [20, с. 62].

Патриотическое воспитание в КНДР полностью опирается на идейные основы чучхе. Как говорил Ким Чен Ир, "у нас нет места какому бы то ни было другому идейному воспитанию, не имеющему ничего общего с воспитанием на идеях чучхе" [5, с. 12]. В этом отношении общее понимание патриотизма как любви и служения родине надо трактовать с учетом чучхейского подхода к таким понятиям, как "родина", "долг", "патриот". Связующим звеном всех этих понятий будет вождь, поскольку без него невозможно помыслить ни родину, ни корейский народ. Вождь является онтологическим основанием существования КНДР как государственного образования, а значит, и родины.

В одной из бесед Ким Чен Ын, ссылаясь на своего отца Ким Чен Ира, приводит такие его слова о родине: "Родина – это не просто родная сторона с горами и реками, где ты родился и рос, это такой край, в котором народ живет настоящей жизнью, и где грядущим поколениям вечно гарантировано счастье. Этот край создается вождём... Судьба Родины и народа немыслима без вождя, он её защищает и гарантирует. Стало быть, самоотверженное служение Родине и есть верное служение вождю, а преданность вождю есть проявление чувства патриотизма, высшее его выражение" [10, с. 10]. Таким образом, высшим выражением патриотизма объявляется преданность вождю, а вместе с тем и родине.

Долг "настоящего патриота" – самоотверженно служить своей социалистической родине, невзирая ни на какие преграды. Это всегда жертвенное служение "ценой жизни" [20, с. 14]. Такая исключительная форма патриотизма в КНДР, когда граждан последовательно воспитывают быть готовыми в любое время пожертвовать своей жизнью по зову вождя и партии, основывается на чучхейской концепции революции. С теоретической точки зрения корейская государственность возникла и развивается в условиях революции.

Вся история КНДР – это история непрерывно длящейся революции, которая требует от всех членов корейского общества подвига, отваги, жесткой дисциплины, проявления "революционного долга". "Наша задача – воспитывать всех представителей нового, подрастающего поколения замечательными революционерами, людьми коммунистической формации, преданными партии и вождю, беззаветно преданными родине и народу", – писал Ким Чен Ир [7, с. 26]. Когда завершится революция – не ясно, понятна только её задача, которую еще предстоит выполнить – создание могучей процветающей социалистической державы [4, с. 24].

Учитывая революционный характер морально-нравственного воспитания, жертва во имя революции считается поведенческой нормой в КНДР. Индивидуалистические интересы в такой системе приоритетов рассматриваются как проявление "буржуазной реакционной морали", опасной для революции [7, с. 28]. Только коллективистская мораль, основанная на идеях чучхе, может обеспечить победу корейской революции. Отсюда проистекают повсеместные призывы северокорейских властей к населению мобилизоваться для защиты социализма, суверенитета, самостоятельности страны. Практическим выражением такой риторики становятся многочисленные массовые кампании и движения, в рамках которых посредством создания "ударных отрядов", "боевых участков", "образцовых районов" решаются текущие проблемы общественного развития и совершается рывок вперед в деле продвижения чучхейской социалистической революции.

Воспитание граждан на основе революционной морали в свою очередь предполагает, что измена родине – это измена идеалам революции, т. е. это прежде всего измена существующей духовно-нравственной традиции, в основе которой – идеи чучхе. Поэтому одной из насущных забот руководства КНДР является сохранение бдительности в отношении "идейно-культурной экспансии империализма", а вместе с тем и поддержание идеологической монолитности и прочности существующего общественно-политического строя [7, с. 31].

"Молодежь должна отвергнуть соблазны империалистов, распространяющих идеи так называемой "либерализации", праздности и безделье", – утверждал Ким Ир Сен [3, с. 10]. Либеральные ценности, такие как, например, индивидуальная свобода, веротерпимость, частная собственность, естественно, отвергаются в КНДР, т. к. концептуально противоречат идеям чучхе. Но довольно сложно представить, как сегодня такие ценности могут охватить умы северокорейских граждан, учитывая "закрытость" страны, тотальный контроль за СМИ. Отношение к доминирующим идеологическим догмам, скорее, может измениться в силу внутренних причин, а не внешнего воздействия. С этой точки зрения стоит обратить внимание на то, что в КНДР разочарование в своей стране (например, осознание отсталости) рассматривается как отказ от "революционного долга" со всеми вытекающими отсюда последствиями для таких граждан [5, с. 28].

В контексте отношений между вождём и народом, а также между руководящими работниками и народом, важным является идеологический догмат конфуцианского происхождения "служить народу, как Небу". Конфуцианская этика предписывала правителю определенные качества, над совершенствованием которых ему требовалось работать (гуманность, справедливость, разумность, благопристойность, благонадежность) и проявлять их в отношении к сановникам (подданным) [13]. В современных политических реалиях КНДР подобно тому, как вождь посвящает всю свою жизнь заботе и счастью корейского народа, так должны поступать и руководящие работники. Они "обязаны обладать народными качествами", "быть человеческими", "горячо любить массы и тепло относиться к ним" [6, с. 11]. В этом и заключается их патриотический долг как руководителей.

С приходом к власти в КНДР молодого руководителя Ким Чен Ына в его публичных выступлениях и трудах появился новый термин "кимченировский патриотизм" (с мая 2012 г.) [10, с. 9]. С одной стороны, это можно трактовать как желание сына подчеркнуть заслуги своего выдающегося отца в развитии КНДР, а с другой – показать всем гражданам пример того, как нужно себя вести для "построения богатой и могучей родины". В КНДР в воспитательных целях широко используется приём "образцового поведения", в основе которого лежит демонстрация достижений человека, отличившегося

на производстве, фронте, в образовании и проч. Естественно, самым ярким воплощением образцового поведения является вождь. Но ранее, например, Ким Чен Ир не использовал понятие "кимченировский патриотизм". В эпоху Ким Ир Сена и Ким Чен Ира говорили о "социалистическом патриотизме" [23, с. 9]. Вероятной причиной введения в политический лексикон понятия "кимченировский патриотизм" была необходимость укрепить легитимность Ким Чен Ына, пришедшего к власти после неожиданной смерти своего отца Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. "Кимченировский патриотизм" призван подчеркнуть преемственность власти и обеспечить лояльность Ким Чен Ыну как новому лидеру государства через продвижение принципов и реформ, реализованных ранее его отцом [14].

Что понимается под "кимченировским патриотизмом"? Содержательно "кимченировский патриотизм" по-прежнему включает привычные уже лозунги "поклоняться народу, как Небу", жертвовать собой ради родины, защищать её ценой жизни, преданно служить вождю [17]. Относительно новыми явлениями в патриотическом воспитании можно считать, во-первых, использование вместо принципа "наша нация прежде всего" принципа "наше государство прежде всего" (*урикуккачжеильчжуй*)² [18], а, во-вторых, акцент на практической деятельности: "Воспитание, оторванное от практики, – бессмыслица" [5, с. 14]. Патриотизм начинается, как сказал Ким Чен Ын, "со двора дома", с любви к родному краю, рабочему месту, родителям, женам, детям [10, с. 15]. Создание процветающей социалистической державы зависит от вклада каждого гражданина, а не только группы активистов и ударников производства. Поэтому каждый в силу своих знаний, умений и возможностей способен так или иначе проявить заботу о своей родине, что в итоге позволит приумножить ее мощь и процветание.

Говоря о "кимченировском патриотизме", важно иметь в виду цель текущего этапа национального развития, которую обозначил молодой руководитель Ким Чен Ын, – строительство "социалистического цивилизованного государства". На передний план выходят задачи, связанные в первую очередь с укреплением экономики страны, развитием высокотехнологичных производств и подготовки высококвалифицированных кадров, формированием более современного облика городов, сёл [11, с. 44–45]. В настоящее время, несмотря на жёсткий санкционный режим в отношении КНДР, в стране наблюдается строительный бум: возникают новые современные кварталы в Пхеньяне [12], осуществляется реконструкция сёл, модернизация хозяйственных объектов [16], вводятся в строй спортивно-досуговые комплексы. При этом правительство придерживается курса на параллельное строительство экономики и ядерных вооружённых сил, отстаивая таким образом ядерный суверенитет.

Превращение КНДР в "социалистическое цивилизованное государство" предполагает создание такой среды, в которой было бы максимально комфортно жить человеку. При этом необходимо, чтобы и человек оказывал содействие в реализации поставленной правительством цели. В газете "Нодон синмун" в августе 2024 г. была опубликована статья "Картина маслом "Патриотическая душа", в которой рассказывается о работе Чхве Мун Хёка, представленной на выставке национального искусства по случаю 70-летия основания ТПК. В основе сюжета картины – изображение молодой матери с дочерью на посадках леса. Как сказано в газете, данное "произведение имеет огромное познавательное и культурное значение, поскольку позволяет через маленькую жизнь почувствовать дыхание патриотизма, пронизывающее всю страну". Ким Чен Ын "высоко оценил картину", отметив, что "она преисполнена патриотизмом" [19]. Этот короткий сюжет из истории современной об-

² Принцип "наше государство прежде всего" стал использоваться в политическом лексиконе КНДР с ноября 2017 г. Изначально его понимали так, что всё в национальном развитии должно быть подчинено цели построения процветающего современного социалистического государства, защите его безопасности, суверенитета, в том числе с помощью ядерного оружия. Но в текущей ситуации разобщения между Югом и Севером Кореи принцип "наше государство прежде всего" может трактоваться как смещение акцента с корейской нации, понимаемой ранее как нечто единое, на корейское государство – исключительно в рамках КНДР. По этой причине, возможно, Ким Чен Ын вместо кимченировского принципа "наша нация прежде всего" стал активнее использовать "наше государство прежде всего".

пественной жизни КНДР свидетельствует о значении малых практических шагов в духе "кимченировского патриотизма".

Массовые движения и их значение в контексте патриотического воспитания

В кимирсенизме-кимчениризме огромное значение придаётся творческим способностям масс. Обладая самостоятельностью, способностью к творчеству и сознательностью, человек способен изменить окружающую среду. Такое толкование человеческой природы объясняет, почему в КНДР уделяется огромное внимание работе с массами. Посредством организации различных массовых движений правительство КНДР решает практические задачи социалистического строительства. Все эти движения проводятся под патриотическими лозунгами и являются выражением патриотического духа граждан КНДР. В названиях движений часто можно встретить слово "патриотический": движение за жертвование "патриотического риса", движение по увеличению "патриотического угля", "патриотическое оказание помощи в строительстве важных объектов", движение "Учиться у заслуженных работников с духом социалистического патриотизма" и т. д. [9].

В статье мы подробнее остановимся на двух движениях, которые в настоящее время имеют особое значение в условиях строительства "социалистического цивилизованного государства" при Ким Чен Ыне. Это "движение за завоевание Красного знамени трёх революций" и "движение за город, уезд, район образцового образования", возникшие на самом деле гораздо раньше.

"Движение за завоевание Красного знамени трёх революций" было инициировано на 11-м пленуме ЦК ТПК 5-го созыва 19 ноября 1975 г. На заседании Ким Чен Ир выдвинул лозунг: "Идеология, технология и культура – как того требует чучхе!" [15]. Движение было направлено на усиление работы партии в трёх направлениях социалистического строительства – идеологическом, технологическом и культурном. Ключевым направлением стала "идеологическая революция", направленная на внедрение идей чучхе в массовое сознание и в целом чучхеизацию общественно-политической жизни КНДР. Буквально за несколько лет до этого, в 1972 г., в КНДР была принята Социалистическая Конституция, провозглашавшая чучхе руководящей идеологией. Движением оказались охвачены промышленные предприятия, колхозы, школы, больницы, художественные коллективы и прочие государственные организации. В 1977 г. был создан специальный комитет, который присуждает премию "Красный флаг трёх революций" предприятиям, коллективам, передовикам, отличившимся в выполнении задач "трёх революций". Помимо общественного признания, обладатели таких премий претендуют на разные государственные привилегии.

С 1986 г. с разной степенью периодичности стали проводить конференции передовиков "Движения за завоевание Красного знамени трёх революций" (1995, 2006). При Ким Чен Ыне в ноябре 2015 г. состоялась 4-я конференция, а в 2021 г. – 5-я. Новый лидер КНДР старается подчеркнуть идеологическую преемственность своего правления, поэтому, как и его отец, высоко оценивает значение этого движения в деле продвижения социалистического строительства. В обращении к участникам пятой конференции Ким Чен Ын сказал: "Нужно выполнять задачи трёх революций – сплотить весь народ на основе идей партии, создать научно-техническую базу, гарантирующую самостоятельное и продолжительное развитие экономики, превратить всех людей в кадры, ликвидировать всякие культурные отсталости" [9]. Тем самым, он считает, корейцам удастся выйти на новый рубеж национального развития, сформировать облик современного прогрессивного социалистического государства. В этом отношении не случайно, что в своей речи он уделил большое внимание вопросам "технической революции" – развитию технологий, внедрения инноваций в производство и в управление. Но главное, очевидно, остаётся прежним в КНДР – опора на тех, кто "с духом социалистического патриотизма" своим примером поведет за собой остальные массы.

В связи с курсом Ким Чен Ына на превращение страны в "мировую державу образования" в КНДР наблюдается масштабное обновление образовательной системы. В 2012 г. был принят закон о введении всеобщего 12-летнего обязательного обучения. Изменения происходят в управлении системой

образования, условиях труда педагогических работников, методах преподавания и содержании образовательных программ [1]. В силу такой расстановки приоритетов во внутренней политике КНДР по всей стране активно развивается "движение за город, уезд, район образцового образования". Движение возникло ещё в 1960-е гг. при Ким Ир Сене, но соответствующее звание официально стали присваивать с 1982 г. С тех пор это основное массовое движение, направленное на консолидацию усилий работников различных сфер по достижению задач Трудовой партии Кореи в сфере образования. В движении участвуют как работники образования, так и других отраслей. По закону об образовании все местные предприятия, государственные организации обязаны оказывать материальную и иную помощь образовательным учреждениям, содействуя тем самым присуждению соответствующего звания своему району [22, с. 96–97]. Так, март и октябрь считаются месяцами помощи школам.

На основании каких критериев получают звание "района образцового образования"? Например, из газеты "Кёжук синмун" от 10 мая 2012 г. мы узнаем, что в уезде Санвон развернулось движение за звание "уезда образцового образования". В уезде зарегистрированы сотни авторов новых методик преподавания и учебных пособий, разработчики лабораторного оборудования, с каждым годом наблюдается рост числа студентов университетов и профессиональных училищ. Работники районного отделения ТПК и народного собрания активно помогают школам разрешить насущные проблемы, все местные организации и предприятия оказывают разнообразную материальную помощь и поддержку [22, с. 98]. Газета "Нодон синмун" от 19 января 2024 г. подробно повествует о том, на каком основании город Самчжиён был удостоен звания "города образцового образования". Здесь упоминается активная работа педагогов города по разработке и внедрению новых методов преподавания, продвижение курсов повышения квалификации, улучшение условий труда работников образования, шефство над школами со стороны местных предприятий и организаций, эффективная работа региональных руководящих партийных кадров в сфере образования [21].

Иными словами, совокупность достижений образовательных учреждений в развитии инновационных технологий и методов, модернизации учебного оборудования и материалов, повышении качества образования и количества обучающихся является основанием для присвоения звания "района образцового образования". При этом мы видим, что движение имеет массовый характер, потому что в него вовлечены все работники того или иного уезда, города, района. Такая форма мобилизации населения позволяет возвращать патриотизм на низовом, локальном уровне, поскольку консолидирует граждан вокруг практических и понятных задач повышения уровня образования в своем районе.

Заключение

В истории КНДР было много массовых кампаний: всенародное движение борьбы с контрреволюционными элементами, Чхоллима, "Учиться на примере незаметных героев", "Движение за образцовую семью (двор), хозяйство и сельский населенный пункт", "Движение за завоевание Красного знамени трёх революций", "Движение за город, уезд, район образцового образования" и проч. На разных этапах государственного развития те или иные движения временно ослабевали, а потом вновь "возрождались". При этом могли быть разного рода "римейки", как "Второй великий поход Чхоллима", движение "незаметных героев" (в конце 1990-х гг.), обусловленные изменением задач ТПК [2, с. 105]. Объединяющим началом всех движений является масштабная идеологическая работа, посредством которой происходит сплочение населения вокруг вождя, обеспечивается политическая лояльность лидеру и правящей партии, а вместе с тем и устойчивость действующего политического режима.

В последние годы особую актуальность имеют движения "за завоевание Красного знамени трёх революций" и за присвоение звания "города, уезда, района образцового образования", что связано с обозначенными Ким Чен Ыном задачами построения "современного цивилизованного государства". Идеологическим обоснованием движений является "кимирсенизм-кимчениризм", в основе которого стоят идеи самостоятельности, творческая сила

народных масс, вождь и партия как центр общественно-политической жизни КНДР. Патриотизм является несущей конструкцией духовно-нравственного воспитания, направленного на беспрекословное исполнение указаний вождя и партии "ценой жизни". В условиях тоталитарного режима фактически невозможно оставаться гражданином, не будучи патриотом: патриотизм и гражданство оказались тождественными социальными явлениями в КНДР.

Литература / References

1. Великое руководство, приведшее к коренному перелому в образовании // Единая Корея – информационно-аналитический портал, 14 января 2022. URL: <https://onekorea.ru/2022/01/14/velikoe-rukovodstvo-privedshee-k-korennomu-perelomu-v-obrazovanii/> (дата обращения: 25.10.2024). Great Leadership that Brought about a Radical Change in Education // United Korea – Information and Analytical Portal, January 14, 2022. URL: <https://onekorea.ru/2022/01/14/velikoe-rukovodstvo-privedshee-k-korennomu-perelomu-v-obrazovanii/> (accessed 25.10.2024). (In Russ.).
2. Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. 214 с. Zhebin A. Z. Evolution of the political system of the DPRK in the context of global changes. Moscow, 2006. 214 p. (In Russ.).
3. Ким Ир Сен. Пусть молодежь будет верна руководству партии и успешно свершит дело нашей революции. Письмо VIII съезду Союза социалистической трудовой молодежи Кореи 22 февраля 1993 г. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1993. 12 с. Kim Il Sung. Let the Youth Be Loyal to the Leadership of the Party and Successfully Accomplish the Work of Our Revolution. Letter to the 8th Congress of the Union of Socialist Working Youth of Korea 22.02.1993. Moscow, 2007. 12 p. (In Russ.).
4. Ким Чен Ир. Корейская Народно-Демократическая Республика – чуждейское социалистическое государство с несокрушимой мощью. Интервью, данное партийной газете "Нодон синмун" и печатному органу правительства "Минчжу Чосон" 5 сентября 97 год чучхе (2008 г.). Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами. Москва, 2009. 32 с. Kim Jong Il. The Democratic People's Republic of Korea is a Juche-oriented socialist state with invincible might. Interview given to the party newspaper Rodong Sinmun and the government's press organ Minju Choson on September 5, 2008 (Juche 97). Society for Friendship and Development of Cooperation with Foreign Countries. Moscow, 2009. 32 p. (In Russ.).
5. Ким Чен Ир. О некоторых вопросах воспитания на идеях чучхе. Беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 15 июля 1986 г. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1987. 32 с. Kim Jong Il. On some issues of education on the Juche ideas. Pyongyang, 1987. 32 p. (In Russ.).
6. Ким Чен Ир. Пусть работники станут верными слугами народа, самоотверженно трудящимися на благо народа. Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами. Москва, 2010. 12 с. Kim Jong Il. Let the workers become loyal servants of the people, selflessly working for the benefit of the people. Society for Friendship and Development of Cooperation with Foreign Countries. Moscow, 2010. 12 p. (In Russ.).
7. Ким Чен Ир. Уважать старшее поколение революции – высокий моральный долг революционеров. Интервью, данное органу ЦК ТПК газете "Нодон синмун" 25 декабря 1995. Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. Москва, 2004. 32 с. Kim Jong Il. Respecting the older generation of the revolution is a high moral duty of revolutionaries. Interview given to the Rodong Sinmun newspaper, the organ of the Central Committee of the Workers' Party of Korea, on 25.12.1995. Society for Friendship and Cooperation with Foreign Countries. Moscow, 2024. 32 p. (In Russ.).
8. Ким Чен Ир. Философия чучхе – самобытная философия революции. Интервью теоретическому журналу ЦК Трудовой партии Кореи "Кыллочжа" 26 июля 1996 г. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1997. 19 с. Kim Jong Il. The Juche philosophy is a unique philosophy of revolution. Interview with the theoretical journal of the Central Committee of the Workers' Party of Korea, Kyllochja, July 26, 1996, Pyongyang, 1997. 19 p. (In Russ.).
9. Ким Чен Ын направил послание участникам V слета передовиков трех революций // Единая Корея – информационно-аналитический портал, 22 ноября 2021. URL: <https://onekorea.ru/2021/11/22/kim-chen-yn-napravil-poslanie-uchastnikam-v-sleta-peredovikov-trex-revoljucij/> (дата обращения: 25.10.2024). Kim Jong-Un Sent a Message to Participants of the 5th Meeting of the Pioneers of Three Revolutions // United Korea – Information and Analytical Portal, November 22, 2021. URL: <https://onekorea.ru/2021/11/22/kim-chen-yn-napravil-poslanie-uchastnikam-v-sleta-peredovikov-trex-revoljucij/> (accessed 25.10.2024). (In Russ.).

10. Ким Чен Ын. Будем воплощать в жизнь кимченировский патриотизм для ускорения процесса построения богатой и могучей родины. Беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи 26 июля 101 года чучхе (2012). Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. М., 2014. 22 с.
Kim Jong Un. Let us implement Kim Jong-il's patriotism to accelerate the process of building a rich and powerful homeland. Conversation with responsible officials of the Central Committee of the Workers' Party of Korea, 26.07.2012 (101st year of Juche). Society for Friendship and Cooperation with Foreign Countries. Moscow, 2014. 22 p. (In Russ.).
11. Мальцева О. П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 41–47.
<http://doi.org/10.18413/2408-932X-2017-3-1-41-47>
Maltseva O. P. Some features of the strategic policy of Kim Jong-Un. // Social Studies and Humanities. 2017. No. 1 (3). P. 41–47. <http://doi.org/10.18413/2408-932X-2017-3-1-41-47> (In Russ.).
12. Мишина Т. Ким Чен Ын полон решимости улучшить жизнь народа // Российская газета, 09.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/09/reg-dfo/kim-chen-yn-polon-reshimosti-uluchshit-zhizn-naroda.html> (дата обращения: 25.10.2024).
Mishina T. Kim Jong-Un is Determined to Improve the Lives of the People // Rossiyskaya Gazeta, 09.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/09/reg-dfo/kim-chen-yn-polon-reshimosti-uluchshit-zhizn-naroda.html> (accessed 25.10.2024). (In Russ.).
13. Сань ган у чан ("Три устоя и пять постоянств") // Электронная библиотека ИФ РАН: Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f008050690bbc32cf2ffe> (дата обращения: 24.08.2024).
San Gang Wu Chang (Three Foundations and Five Constancies) // Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences: New philosophical encyclopedia. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f008050690bbc32cf2ffe> (accessed 24.08.2024). (In Russ.).
14. 북한 지식사전 (2021). = Словарь знаний о Северной Корее (2021) // 북한정보포털. = Портал информации о КНДР. URL: https://nkinfo.unikorea.go.kr/nkp/knwdg/view/knwdg.do;jsessionid=dFNazVWNRpO_h3uKEVdTOIZI2931ijGnFQyOlvHv.ins12?menuId=NK_KNWLDG_DICARY&knwdgNo=46 (дата обращения: 25.10.2024).
North Korea Encyclopedia (2021) // North Korea Information Portal. URL: https://nkinfo.unikorea.go.kr/nkp/knwdg/view/knwdg.do;jsessionid=dFNazVWNRpO_h3uKEVdTOIZI2931ijGnFQyOlvHv.ins12?menuId=NK_KNWLDG_DICARY&knwdgNo=46 (accessed 25.10.2024). (In Kor.)
15. 3대혁명붉은기장취운동. = Великое движение "Красный флаг трёх революций" // 국립통일교육원. = Национальный институт объединения. URL: <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/nknow/view.do?id=46054&mid=SM00001155> (дата обращения: 25.10.2024).
The Three Great Revolutions Red Flag Movement // National Unification High School. URL: <https://www.uniedu.go.kr/uniedu/home/brd/bbsatcl/nknow/view.do?id=46054&mid=SM00001155> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
16. 아름다운 농촌마을들이 또 일떠섰다. = Красивые сельские деревни снова появляются // 로동신문, 2024.9.15. = "Нодон синмун", 15.09.2024. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wOC0wOUAzQDVAQDBANjE==> (дата обращения: 25.10.2024).
Beautiful Rural Villages Rise Again // Rodong Sinmun, 2024.9. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wOC0wOUAzQDVAQDBANjE==> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
17. 애국의 힘, 단결의 힘은 전면적국가부흥의 위력한 추동력이다. = Сила патриотизма и единства являются мощной движущей силой всеобъемлющего национального возрождения // 로동신문, 2024.8.12. = "Нодон синмун", 12.08.2024. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wOC0xMi1OMDAxQDExQDBA7JWg6rWt7KO87J2YQDBAMQ==> (дата обращения: 25.10.2024).
The Power of Patriotism and the Power of Unity are Driving Forces for Comprehensive National Revival // Rodong Sinmun, 2024.8.12. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wOC0xMi1OMDAxQDExQDBA7JWg6rWt7KO87J2YQDBAMQ==> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
18. 우리 국가제일주의. = Наше государство прежде всего // 로동신문, 2024.7.5. = "Нодон синмун", 05.07.2024. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wNy0wNS1OMDA2QDExQDBA7JWg6rWt7KO87J2YQDBAMTE==> (дата обращения: 25.10.2024).
Our Country First // Rodong Sinmun, 2024.7.5. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wNy0wNS1OMDA2QDExQDBA7JWg6rWt7KO87J2YQDBAMTE==> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
19. 유화 《애국의 마음》. = Картина маслом "Патриотическая душа" // 로동신문, 2024.08.04. = "Нодон синмун", 04.08.2024. URL: <http://rodong.rep.kp/ko/index.php?OEAYMDI0LT44LT40LU4wMjFANUBAQDFANA==> (дата обращения: 25.10.2024).
Oil Picture "Patriotic Soul" // Rodong Sinmun, 2024.08.04. URL: <http://rodong.rep.kp/ko/index.php?OEAYMDI0LT44LT40LU4wMjFANUBAQDFANA==> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
20. 정고은. 북한의 애국주의의 기원과 변용. 석사학위논문, 북한대학원대학교, 2016. = Чон Ко Ын. Происхождение и трансформация северокорейского патриотизма. Магистерская диссертация. Институт северокорейских исследований, 2016.

Jeong Go Eun. The Origin and Transformation of North Korean Patriotism. Master's Thesis, University of North Korean Studies, 2016. (In Kor.).

21. 지역의 교육사업에서 비약을 안아온 비결. = Секрет рывка вперед в местных образовательных проектах // 로동신문, 2024.1.19. = "Нодон синмун", 19.01.2024. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wMS0xOS1OMDIzQDEhQDBA66qo67KU6rWQ7JyhQDBANQ==> (дата обращения: 25.10.2024)
- The Secret of Making a Leap Forward in Local Education // Rodong Sinmun, 2024.1.19. URL: <http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNC0wMS0xOS1OMDIzQDEhQDBA66qo67KU6rWQ7JyhQDBANQ==> (accessed 25.10.2024). (In Kor.).
22. 차승주. 김정은 시대북한교육부문의대중운동. = Чха Сын Чжу. Массовое движение в сфере образования при режиме Ким Чен Ына в Северной Корее // 통일과평화, 2016, 8권 1호, 쪽 79-108. = Объединение и мир. № 1 (8). 2016. С. 79-108.
- Cha Seung Joo. Mass movement in education under regime of Jong Un Kim in North Korea // Unification and Peace. 2016. No. 8 (1). P. 79-108. (In Kor.)
23. 차승주. 남북한도덕과애국심교육내용비교. = Чха Сын Чжу. Сравнительное исследование основных ценностей и добродетелей моральных исследований в Южной и Северной Корее: с упором на патриотизм // 글로벌교육연구 2019, 제11집3호, 쪽 3-27. = Глобальное исследование в области образования, 2019. Т. 11. №3. С. 3-27.
- Cha Seung Joo. Comparative study on the major values and virtues of moral studies in South and North Korea: focusing on patriotism // Global Studies Education. 2019. No. (3). P. 3-27. (In Kor.).

Информация об авторе

Наталья Николаевна Ким, канд. ист. наук, директор Международного центра корееведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nkim@iaas.msu.ru

Information about the author

Natalia N. Kim, Candidate of Historical Sciences, Director of the International Center for Korean Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: nkim@iaas.msu.ru

Поступила в редакцию 07.11.2024

Одобрена после рецензирования 10.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 07.11.2024

Approved 10.05.2025

Accepted 26.05.2025

Научная статья
УДК 327(73:575) + 321.01:339.924 + 341.24(575)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы

Яна Валерьевна Лексютина
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, lexyana@ya.ru

Аннотация. В последние годы механизм "5+1" стал ключевым форматом многостороннего взаимодействия с Центральной Азией многих внерегиональных акторов, включая США. Цель статьи – выявление закономерностей в эволюции созданного в 2015 г. механизма "5+США", прослеживание его функциональных трансформаций и фиксация программ, выдвинутых в его рамках за период с 2015 по 2025 гг. Методология исследования включает анализ документов, инициатив и программ, реализованных в рамках "5+США", а также оценку изменений в приоритетах Вашингтона. Основные результаты исследования показывают, что в рамках "5+США" был инициирован и функционирует ряд финансируемых Вашингтоном региональных программ, механизм прошёл путь от нерегулярных диалогов на министерском уровне и взаимодействия по линии трех тематических рабочих групп до институционализированного формата с секретариатом, проведения саммитов глав государств, Диалога "5+1" по критически важным минералам и деловых форумов "B5+1". Выводы исследования подчёркивают, что динамика развития "5+США" определяется геополитическими интересами Вашингтона в Центральной Азии с акцентом на противодействие влиянию Москвы и Пекина там. Однако устойчивость региональных инициатив Вашингтона в рамках "5+США" зависит от подхода конкретной американской администрации.

Ключевые слова: *Центральная Азия, США, механизм "5+1", "5+США", геополитические интересы*

Для цитирования: Лексютина Я. В. Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 140–146. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

The C5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Implementation and Announced Initiatives

Yana V. Leksyutina
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lexyana@ya.ru

Abstract. In recent years, the C5+1 mechanism has become a key instrument for multilateral interaction with Central Asia for many extra-regional actors, including the United States. The purpose of this article is to identify patterns in the evolution of the C5+US mechanism created in 2015, track its functional transformations, and highlight the programs put forward within its framework over the period from 2015 to 2025. The research methodology includes an analysis of documents, initiatives, and programs implemented within the C5+US mechanism, as well as an assessment of changes in Washington's priorities. The main results of the study show that a number of Washington-funded regional programs have been initiated and are functioning within the 5+US framework; the mechanism has evolved from irregular dialogues at the ministerial level and interaction through three thematic working groups to an institutionalized format with a secretariat, summits of heads of state, the C5+1 Critical Minerals Dialogue, and the B5+1 business forums. The study's findings highlight that the dynamics of the C5+US are determined by Washington's geopolitical interests in Central Asia, with an emphasis on countering Moscow and Beijing's influence there. However, the sustainability of Washington's regional initiatives within the C5+US depends on the approach of a particular presidential administration in the US.

Key words: *Central Asia, the US, C5+1 mechanism, C5+US, geopolitical interests*

For citation: Leksyutina Y. V. The C5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Implementation and Announced Initiatives // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 140–146. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

В последние годы во взаимодействии с пятью странами Центральной Азии внешние акторы всё чаще стали использовать механизм многостороннего взаимодействия "5+1". Первым подобного рода шестисторонним форматом стал созданный в 2004 г. механизм "5+Япония". Вслед за Токио и другие крупные внешние акторы стали постепенно инициировать создание шестистороннего механизма взаимодействия со странами Центральной Азии (в 2007 г. – Южная Корея, в 2015 г. – США и т. д.).

Поначалу процесс создания механизмов "5+1" внешними акторами шёл медленно, уровень взаимодействия сторон не превышал министерский, шестисторонние встречи зачастую носили нерегулярный характер, и сам механизм долгое время рассматривался не как приоритетный при выстраивании сотрудничества с Центральной Азией, а как дополнительный и главным об-

разом диалоговый. При создании механизмов "5+1", все страны за отправную точку брали проведение встреч министров иностранных дел, затем постепенно обогащая и совершенствуя механизм в соответствии со своими интересами и реалиями развития, в итоге выведя диалог на уровень встреч глав государств (этот феномен стал прослеживаться с 2022 г.).

Волна создания новых механизмов "5+1" пришлась на 2019–2020 гг. Тогда шестисторонние механизмы были инициированы Индией, Россией, Китаем. На сегодняшний день уже многие акторы, включая Японию, Южную Корею, Европейский союз, США, Вышеградскую группу, Китай, Индию, Россию, Италию, Германию, создали этот механизм. Резкий всплеск интереса внешних акторов к данному формату, характерный для последних шести лет (с 2019 г.), проявляется не только в числе созданных механизмов "5+1", но и в развитии и институционализации этих механизмов. Из диалогового форума, созданного для обсуждения представляющих встречный интерес вопросов, "5+1" постепенно трансформируется в механизм, направленный на достижение конкретных результатов, – инициирования с последующей имплементацией различных договоренностей практического взаимодействия и целевых программ, получающих финансовую поддержку со стороны внешних акторов.

Обозначившийся с 2019 г. резкий всплеск интереса внешних акторов к формату "5+1" во многом был обусловлен трансформацией регионального ландшафта Центральной Азии: в регионе получили динамичное развитие процессы формирования государствами Центральной Азии единого взаимосвязанного регионального пространства. Улучшение отношений между центральноазиатскими государствами и проявившийся прогресс в региональном сотрудничестве и интеграции создали предпосылки для интенсификации участия внешних акторов в делах Центральной Азии и побудили их изменить прежний фокус взаимодействия с регионом в двустороннем формате в пользу многостороннего подхода к взаимодействиям одновременно со всеми пятью государствами [10, с. 83].

В случае с США, однако, региональный контекст – в частности, процессы региональной интеграции, активизировавшиеся с 2018 года, – хотя и сыграл определенную роль, не был определяющим фактором в динамике развития формата "5+1". Цель представленной статьи состоит в выявлении закономерностей в эволюции механизма "5+США", прослеживании изменений в функциональном дизайне этого механизма и фиксации инициатив и программ, выдвинутых в его рамках.

Становление и начальный период развития механизма "5 + США" (2015–2020 гг.)

При выстраивании взаимодействия со странами Центральной Азии в инструментарии Вашингтона механизм "5+1" появился достаточно рано – в 2015 г., когда процессы региональной интеграции в Центральной Азии ещё не получили своего развития, а другие крупные региональные игроки (Китай, Россия и пр.) даже не задумывались о создании механизмов "5+1". Его создание не означало приоритетность этого региона в американских внешнеполитических расчетах, но сигнализировало о возросшем интересе Вашингтона к Центральной Азии в тот исторический момент. Как отмечает Е. Г. Гарбузарова, украинский кризис 2014 г. и нарастание американско-российских противоречий актуализировали интерес Вашингтона к Центральной Азии и способствовали усилению дипломатической активности США там [2, с. 28]. Усилия Вашингтона, по оценкам Е. Г. Гарбузаровой [2, с. 33], были направлены на "подрыв" российских и китайских региональных позиций, для чего американская администрация расширяла инструментарий реализации своей региональной политики и спектр рычагов влияния в регионе. Другой российский эксперт, Е. С. Алексеенкова, американскую инициативу создания формата "5+1" связывает с возникшими в Вашингтоне опасениями "остаться аутсайдером в процессах, происходящих в регионе", а именно ввиду возросшей региональной активности Китая в продвижении инициативы "Пояс и путь" и создания ЕАЭС с вхождением в него Казахстана и Киргизии, что свидетельствовало об их готовности развивать тесное сотрудничество с Россией и Беларусью [1, с. 31].

И действительно, при оценке американской политики в регионе следует учитывать то, что сам регион Центральной Азии для Вашингтона вряд ли когда-либо имел самостоятельную ценность. Географическая удаленность региона от США, отсутствие выхода к Мировому океану, его плохая встроенность в мировые транспортно-логистические коридоры и цепочки добавленной стоимости – всё это ограничивало интерес США к региону. Цели США в Центральной Азии всегда были тесно связаны с реализацией преимущественно геополитических и геоэкономических интересов. Центральная Азия рассматривалась как важный регион ввиду его географического положения между геополитическими соперниками США (Россией и Китаем) и нестабильной Южной Азией (с акцентом на Афганистан). Близость Центральной Азии к таким геополитическим акторам, как Россия, Китай, Индия, Пакистан и Иран, обуславливали и интерес США к Центральной Азии. Вашингтон традиционно стремился ослабить влияние России в регионе и предотвратить появление новых влиятельных игроков, а именно Китая и Ирана, а на этапе войны с мировым терроризмом – использовать регион в качестве логистического узла для военного доступа и операций в борьбе с транснациональными угрозами, такими как терроризм и исламистские группировки [6, р. 17]. В американской стратегии в отношении Центральной Азии от 2020 г. открыто прописаны тезисы, имеющие вполне читаемый подтекст: "Основной стратегический интерес Соединенных Штатов в этом регионе заключается в построении более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно преследовать политические, экономические и оборонные интересы с различными партнерами на своих условиях", "США будут работать со странами Центральной Азии в целях ... укрепить их независимость от злонамеренных субъектов" [8].

Как полагает китайский эксперт Сюй Цзюнь, инициирование Вашингтоном формата "5+1" было вызвано нарастающей геополитической напряженностью, возникшей после событий 2014 г., стремлением привлечь потенциальных союзников России в новые форматы взаимодействия для геополитического противостояния, а также может рассматриваться как один из элементов санкций в отношении России [4, с. 123–132]. Новый консультативный механизм ("5+1") в определенном смысле был призван противостоять интеграционным инициативам в регионе, возглавляемым Россией и Китаем [4, с. 123–132].

На официальном же уровне механизм "5+1" позиционировался Вашингтоном как формат диалога и платформа для совместных усилий США и пяти государств Центральной Азии по решению общих проблем с акцентом на те, где региональный подход мог обеспечить сравнительное преимущество. На первой министерской встрече "5+1", состоявшейся в Самарканде в ноябре 2015 г., главы внешнеполитических ведомств договорились сосредоточиться на трёх секторах, представляющих общий интерес: безопасность, с акцентом на террористические угрозы; экономика, с фокусом на улучшение региональных торговых потоков и перспектив торговли и инвестиций из США; и окружающая среда, с упором на поиск ответов на вызовы изменения климата. Было принято решение о формировании тематических рабочих групп для каждого из секторов и приложении усилий в целях достижения практических результатов.

На прошедшей в августе 2016 г. второй министерской встрече "5+1" был иницирован запуск пяти проектов в трёх приоритетных секторах при финансовой поддержке со стороны США в размере 15 млн долл.:

- проект создания регионального диалога "Глобальный контртеррористический форум" (Global Counterterrorism Forum, GCTF), который бы объединил политиков и экспертов в данной области из Центральной Азии и из-за рубежа для обмена мнениями об угрозе со стороны иностранных террористов-боевиков, а также продвижения передовых практик и региональных подходов к борьбе с терроризмом;
- проект "Конкурентоспособность бизнеса в Центральной Азии", направленный на содействие предпринятиям в Центральной Азии в увеличении их экспорта и выходу на новые рынки;
- проект "Развитие транспортных коридоров", нацеленный на сокращение стоимости и времени перемещения товаров через границы в Центральной

Азии, а также на повышение качества транспортных и логистических услуг во всём регионе;

- проект "Power the Future", призванный содействовать масштабированию возобновляемой энергии по всей Центральной Азии посредством предоставления обучения и технической помощи по стратегическому энергетическому планированию, конкурентным закупкам, интеграции сетей, интеллектуальным стимулам, зонам возобновляемой энергии и инновационному финансированию;

- проект "Планирование поддержки национальной и региональной адаптации", направленный на повышение потенциала государств Центральной Азии в планировании адаптации к последствиям изменения климата [9].

Следует отметить, что первый из указанных проектов должен был осуществляться под эгидой Института мира США, а другие четыре – Агентства по международному развитию (USAID).

Однако, ввиду смены американской администрации в 2017 г., динамика развития этого механизма временно замедлилась. Так, госсекретарь США не присутствовал на ежегодных заседаниях глав внешнеполитических ведомств механизма два года подряд – в 2017 и 2018 гг. [10, с. 79]. Только в 2019 г., с некоторой корректировкой стратегии США в Центральной Азии, механизм "5+1" вновь привлёк внимание Вашингтона. В 2019 и 2020 гг. были проведены две министерские встречи.

Институциональный и функциональный дизайн механизма "5+1" на начальном этапе его развития в 2015–2020 гг. был ограничен взаимодействием сторон в форме министерских встреч с участием глав (или представителей) внешнеполитических ведомств шести стран, по линии специально созданных трёх тематических рабочих групп – по экономике, энергетике и окружающей среде, безопасности – и по линии встреч экспертов. На министерские встречи "5+1" США направляли межведомственную группу, сформированную из представителей Государственного департамента, Министерства торговли, Министерства финансов и Министерства обороны, а также представителей Белого дома [7, р. 9]. Однако, как следует из результатов интервьюирования высокопоставленных должностных лиц, дипломатов, бизнесменов и местных экспертов из стран Центральной Азии, американские представители были недостаточно хорошо подготовлены к встречам и не способны обозначить приоритеты, отсутствовал формат Q&A в ходе встреч, совместные заявления после проведения встреч носили общий и расплывчатый характер и, напротив, взаимодействие с США было "перегружено" различными вебинарами, тренингами и проч. [7, р. 9]. Недовольство вызывало и использование Вашингтоном формата "5+1" для дальнейшего обсуждения вопросов детского труда, прав человека, демократизации, однополых отношений и браков, проч. Выносимые на обсуждение американской стороной вопросы, как отмечают эксперты, не всегда соответствовали первоочередной заинтересованности стран Центральной Азии. Так, на повестке дня встреч "5+1" вплоть до вывода американского контингента из Афганистана в 2021 г. преобладали вопросы, касавшиеся исключительно этой страны, а не пяти государств Центральной Азии. На временном же этапе ситуация зеркально изменилась: в то время как Вашингтон стал игнорировать обсуждение афганского вопроса, все пять стран Центральной Азии скоординировано поддерживают его рассмотрение в рамках "5+1" [7, р. 17–18].

Развитие механизма "5 + США" после 2021 г.

С приходом в 2021 г. новой американской администрации – демократической с Дж. Байденом во главе – частота встреч в рамках механизма "5+США" значительно возросла. Так, например, в период с сентября 2021 г. по март 2023 г. США и пять стран Центральной Азии провели пять министерских встреч. Более того, в дополнение к министерским встречам в сентябре 2021 г. была проведена виртуальная встреча Специального посланника президента США по вопросам климата Дж. Керри с представителями стран Центральной Азии.

Интенсивность дипломатического взаимодействия США со странами Центральной Азии кратно возросла ввиду раскручивания конфронтационного сценария развития российско-американских отношений после февра-

ля 2022 г., заинтересованности Вашингтона в привлечении стран региона к санкционному давлению на Россию и в разрыве тесной "связки" России с Центральной Азией.

В сентябре 2022 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН прошла очередная министерская встреча, в ходе которой американская сторона объявила о запуске Инициативы экономической устойчивости в Центральной Азии (Economic Resilience Initiative in Central Asia, ERICEN), нацеленной на обеспечение экономической устойчивости стран региона в условиях новой геополитической ситуации. США намеревались выделить странам региона 25 млн долл. на 2022 финансовый год на цели диверсификации торговых путей, расширения возможностей по привлечению зарубежных инвестиций в регион и увеличения возможностей трудоустройства путём предоставления населению Центральной Азии практических навыков, востребованных современным рынком труда. Также было заявлено о намерении США выделить ещё 20 млн долл. на 2023 финансовый год для расширения программ в рамках "ERICEN". Также планировалось выделить 5 млн долл. на поддержку региональной взаимосвязанности посредством экономических и энергетических программ, что в общей сложности составляло обязательства США в размере 50 млн долл. на региональные программы.

В рамках инициативы был предусмотрен запуск программы "C5+O.N.E./Opening Networks Through English" (расширение сетевого взаимодействия через английский язык), предусматривающей выделение США 5 млн долл. в поддержку региональных усилий по формированию рабочей силы XXI в. и привлечению иностранных инвестиций путём приоритетного обучения английскому языку для молодых специалистов в критически важных секторах. Заявленная цель программы состояла в развитии сети специалистов из Центральной Азии, работающих в сфере экономики, энергетики и охраны окружающей среды, с достаточным уровнем владения английским языком для взаимодействия с региональными и международными партнерами. Миссия программы состояла в создании "сплочённой сети англоговорящих профессионалов и содействии установлению связей между новыми лидерами в регионе и их американскими коллегами" [5]. Программа была запущена, и в октябре 2024 г. прошёл уже 3-й выпуск участников данной 9-месячной программы.

С 2022 г. формат "5+1" стал обретать четкие очертания. После встречи министров иностранных дел "5+1" в сентябре 2022 г. стороны объявили о создании секретариата для установления официальных процедур определения и продвижения общих приоритетов, координации коммуникаций между участвующими правительствами и планирования министерских встреч высокого уровня и других мероприятий. Механизм "5+1" между США и пятью странами Центральной Азии стал первым подобным механизмом, учредившим секретариат.

Наконец, в сентябре 2023 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН США и пять стран Центральной Азии провели первый саммит глав государств в формате "5+1", повысив уровень взаимодействия в рамках этого механизма. Символичность саммита состояла в его беспрецедентности: ранее ни один американский президент не осмеливался провести личные встречи с лидерами Центральной Азии ввиду репутационных издержек подобного рода встречи с главами, как видится в Вашингтоне, недемократических государств.

В ходе этого саммита Дж. Байден предложил запустить Диалог "5+1" по критически важным минералам в целях "дальнейшего развития огромных минеральных богатств Центральной Азии и повышения безопасности важнейших полезных ископаемых" [3]. Этот диалог должен был стать площадкой для обмена информацией о важнейших проблемах и возможностях в области соответствующих полезных ископаемых, способствовать развитию связей между правительствами и частным сектором, стимулировать инвестиции и осуществлять сотрудничество в цепочках поставок важнейших полезных ископаемых. Китайские эксперты расценили эту инициативу как направленную против Китая, доминирующего сейчас в сфере мировой добычи и экспорта редкоземельных элементов, и нацеленную на вытеснение Китая из цепочек добавленной стоимости [10, с. 79]. Уже в феврале 2024 г. состоялся первый Диалог "5+1" по критически важным минералам с участием высших должностных лиц всех шести стран. Создание диалога свидетельствует о растущем

интересе США к критически важным редкоземельным элементам Центральной Азии и о встречной заинтересованности стран региона в американских инвестициях в сферу разработки критически важных минералов.

Также на первом саммите "5+1" в сентябре 2023 г. президент США Дж. Байден выдвинул инициативу создания форума "B5+1" как деловой платформы частного сектора, которая дополнит дипломатическую платформу "5+1" и будет способствовать диалогу между государственным и частным секторами для содействия расширению экономического партнерства США и Центральной Азии. За созданием форума "B5+1" стояла цель привлечения частного сектора к достижению целей экономического и энергетического коридора дипломатической платформы "5+1".

В марте 2024 г. в г. Алматы состоялся первый форум "B5+1", в ходе которого была проведена серия дискуссий об экономических возможностях для бизнеса в Центральной Азии и США и предложены рекомендации по улучшению условий ведения бизнеса в регионе, продвижению региональной экономической интеграции, конкурентных рынков и привлечению иностранных инвестиций в регион. Были выделены пять приоритетных отраслей как наиболее привлекательных для международных инвесторов и имеющих решающее значение для развития региональных рынков: транспорт и логистика, электронная коммерция, туризм, "зелёная" и возобновляемая энергетика и агробизнес.

По завершению форума были обозначены намерения проводить форум "B5+1" ежегодно с ротацией спонсорства между странами-членами; сформировать подгруппу "B5+1" по улучшению финансового сектора в регионе путём налаживания новых партнерских отношений между США и странами Центральной Азии; создать подгруппу "B5+1" по женскому предпринимательству для продолжения диалога и совместных действий по расширению деловых возможностей женщин в Центральной Азии.

* * *

Таким образом, динамика содержания и направленности развития механизма "5+1" может служить важным индикатором заинтересованности Вашингтона во взаимодействии с Центральной Азией и изменений его региональной политики, подверженной влиянию геополитических обстоятельств и смены американских администраций. С одной стороны, и само появление этого механизма в 2015 г., и его динамичное развитие с 2022 г. совпало, а точнее, во многом было обусловлено новыми геополитическими обстоятельствами – переходами на новые уровни конфронтации в американо-российских отношениях (после 2014 г. и февраля 2022 г. соответственно), а также появлением и развитием – с участием стран Центральной Азии – возглавляемых Китаем и Россией инициатив, направленных на усиление связанности ("Пояс и путь" и ЕАЭС). В развитии механизма "5+1" прослеживается и ещё одна закономерность – механизм динамично развивался при американских администрациях президентов-демократов (Б. Обамы и Дж. Байдена) и, напротив, его развитие замедлилось при первой администрации Д. Трампа. К настоящему моменту механизм "5+1" достиг некоторого уровня зрелости: на постоянной основе действуют три тематические рабочие группы, создан секретариат, начали действовать Диалог "5+1" по критически важным минералам и форум "B5+1", в рамках "5+1" был инициирован и функционирует целый ряд финансируемых Вашингтоном региональных программ. Однако в свете возвращения Д. Трампа в американскую администрацию, с учётом опыта его первой администрации и ввиду первых предпринятых им шагов (в частности, закрытия Агентства по международному развитию, через которое реализовывался целый ряд инициированных механизмом "5+1" региональных программ), есть вероятность, по меньшей мере, временного снижения масштабов взаимодействия США со странами Центральной Азии по линии "5+1".

Литература / References

1. Алексеевкова Е. С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов "5+1" (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41.
Alekseenkova E. S. A Comparative Analysis of the Activities of "5+1" Formats' Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU // Journal of International Analytics. 2017. № 1 (19). P. 29–41. (In Russ.).
2. Гарбузарова Е. Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (1). С. 26–36.
<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>
Garbuzarova E. G. U.S. Policy in Central Asia: Phases of Activity // Post-Soviet Issues. 2023. 10 (1). P. 26–36. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>
3. Совместное заявление лидеров C5+1. 20.09.2023. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c51-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 15.03.2025).
Joint Statement of the Leaders of C5+1. 20.09.2023. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c51-leaders-joint-statement/> (accessed 15.03.2025). (In Russ.).
4. Сюй Цзюнь. Формат сотрудничества C5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 123–132.
<https://doi.org/10.17223/19988613/89/15>
Xu Jun. C5+1 Cooperation Format: Main Participants, Goals and Mechanisms of Interaction // Tomsk State University Journal of History. 2024. № 89. P. 123–132. <https://doi.org/10.17223/19988613/89/15>
5. C5+O.N.E. (Opening Networks through English). URL: https://static1.squarespace.com/static/5e4c590fa5c04838188b596e/t/676e7bbb7c73d953d96cf83b/1735293883850/RU_C5%2BO.N.E.+%28Opening+Networks+through+English%29+Fact+Sheet.pdf (accessed 20.03.2025).
6. Raimondi P. P. Central Asia Oil and Gas Industry – The External Powers' Energy Interests in Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan, Working Paper, No. 006.2019. Milano: Fondazione Eni Enrico Mattei (FEEM), 2019. 76 p.
7. Starr S. F. U. S. Policy in Central Asia through Central Asian Eyes. Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2023. 27 p.
8. United States Strategy for Central Asia 2019-2025. 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (accessed 02.03.2025).
9. U.S.-Central Asia (C5+1) Joint Projects. URL: https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/2016/08/c5-1-fact-sheet_english.pdf (accessed 11.03.2025).
10. 邓 轲. 大国与中亚国家间"C5+1"对话机制的发展现状、动因与前景 = Дэн Чжоу. Текущее состояние, мотивация и перспективы диалогового механизма "C5+1" между великими державами и странами Центральной Азии // 新疆大学学报 (哲学社会科学版) = Журнал Синьцзянского университета (издание по философии и общественным наукам). 2024. Т. 52. № 3. С. 78–85.
Deng Zhou. The Current Situation, Motivations and Prospects of the Development of the "C5+1" Dialogue Mechanism between Great Powers and Central Asian Countries // Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Sciences). 2024. Vol. 52, №. 3. P. 78–85. (In Chin.).

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Поступила в редакцию 23.03.2025

Одобрена после рецензирования 14.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 23.03.2025

Approved 14.05.2025

Accepted 26.05.2025

Сотрудничество Ланьцан-Меконг и политика КНР в субрегионе Большого Меконга

Илья Сергеевич Виноградов
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, vinbel19@mail.ru

Аннотация. Значительное ухудшение экологической ситуации на Меконге в последние годы, связанное как с природными, так и с антропогенными факторами способствовало росту напряженности вокруг вопросов использования водных ресурсов Меконга, включая обвинения в адрес Пекина по эксплуатации ГЭС в верхнем бассейне Меконга и несогласованной гидрополитике. Образование механизма сотрудничества Ланьцан-Меконг (СЛМ) можно расценить как превентивную меру Пекина в его соседской дипломатии с странами Индокитая для снятия напряженности по вопросам использования водных ресурсов на Меконге и критики в свой адрес. Китай выделяет значительные финансовые средства странам субрегиона, тем самым нивелируя издержки своей гидрополитики, и страны субрегиона используют эти преимущества сотрудничества. Вместе с тем в рамках СЛМ Пекин интенсифицирует комплексное сотрудничество и добивается продвижения своих глобальных инициатив.

Ключевые слова: *Ланьцан-Меконг, Китай, субрегион Большого Меконга, сотрудничество, гидрополитика, АСЕАН, Юго-Восточная Азия*

Для цитирования: Виноградов И. С. Сотрудничество Ланьцан-Меконг и политика КНР в субрегионе Большого Меконга" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 147–158.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/147-158>

Original article

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/147-158>

Lancang-Mekong Cooperation and China's Policy in the Greater Mekong Subregion

Iliia S. Vinogradov
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vinbel19@mail.ru

Abstract. The aggravation of the environmental situation on the Mekong in recent years, associated with both natural and anthropogenic factors, has contributed to the growth of tensions around the use of Mekong water resources, including accusations against Beijing regarding the operation of hydroelectric power plants in the upper Mekong basin and uncoordinated hydropolicy. The formation of the Lancang-Mekong Cooperation (LMC) can be seen as a preventive measure by Beijing in its good neighbor diplomacy with the Indochina countries to relieve tensions over the use of water resources on the Mekong and criticism against it. China allocates significant financial resources to countries of the subregion, thereby leveling the costs of its hydropolitics, and the countries of the subregion use these advantages of cooperation. At the same time, within the framework of the LMC, Beijing is intensifying comprehensive cooperation and seeking to advance its global initiatives.

Key words: *Lancang-Mekong, China, Greater Mekong Subregion, cooperation, hydropolitics, ASEAN, Southeast Asia*

For citation: Vinogradov I. S. Lancang-Mekong Cooperation and China's Policy in the Greater Mekong Subregion" // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 147–158.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/147-158>

Введение

Меконг берёт начало в Китае (в верхнем течении в КНР носит название Ланьцан или Ланьцанцзян), на Цинхай-Тибетском нагорье (16% стока реки) и далее протекает через Мьянму (2%), Лаос (35%), Таиланд (18%), Камбоджу (18%) и Вьетнам (11%) [8, с. 20]. Эти 6 стран составляют субрегион Большого Меконга (далее – СБМ). Китай и Мьянма относятся к верхнему бассейну, а Лаос, Таиланд, Камбоджа и Вьетнам – к нижнему.

Меконг является крупнейшей рекой ЮВА¹ и имеет очень важное значение для обеспечения экономических потребностей континентальных стран Юго-Восточной Азии. Река служит источником жизни для 60 миллионов человек, живущих в её нижнем бассейне реки. Водные ресурсы, такие как рыба и моллюски обеспечивают до 80% потребляемого белка в странах нижнего Меконга [19].

Снижение стока Меконга и изменение гидрологического режима реки, вызванное как климатическими изменениями, так и деятельностью человека, привели к значительному ухудшению экосистемы.

Проблемы водной и экономической безопасности, обусловленные трансграничным характером течения реки Меконга, стимулировали страны субрегиона к региональному сотрудничеству. В 1992 г. под эгидой Азиатского банка развития (АБР) с финансовой поддержкой внешних партнеров была запущена программа СБМ (от КНР включает только Гуанси-Чжуанский АР и про-

¹ Длина Меконга — около 4500 км, площадь бассейна — 810 тыс. км² [5].

винцию Юньнань) с целью развития экономического потенциала субрегиона, включая создание экономических коридоров. В 1995 г. страны Нижнего Меконга учредили Комиссию по реке Меконг (далее – КРМ) – важный механизм для лучшего управления водопользованием на этой реке.

С начала XXI в. субрегион Большого Меконга благодаря своему стратегически выгодному расположению и потенциалу роста привлёк внимание крупных держав и партнёров по развитию, которые инициировали свои механизмы партнёрства со странами бассейна реки Меконг. США в 2009 г. запустили Инициативу Нижнего Меконга, в 2020 г. данный механизм был преобразован в Партнёрство Меконг – США, где сделан акцент на сотрудничестве в области энергетики, управления трансграничными водными ресурсами и противодействии нетрадиционным угрозам безопасности. В рамках данного механизма США создали особую структуру – Друзья Нижнего Меконга, куда привлекают к сотрудничеству "дружественные" государства и организации (в т.ч. ЕС, АБР, Всемирный банк, Япония, Южная Корея и др.).

Япония, Южная Корея, Индия также активизировали сотрудничество со странами субрегиона (без КНР) и создали свои механизмы: Программа партнёрства Япония – Меконг, Всеобъемлющее партнёрство между Меконгом и Кореей, Сотрудничество Меконг–Ганг соответственно. Существуют также другие механизмы сотрудничества, например, Стратегия экономического сотрудничества трёх рек Иравади – Чао Прайя – Меконг, инициированная Таиландом и Сотрудничество по развитию бассейна Меконга, инициированное АСЕАН. Наконец, в 2016 г. под патронажем КНР был запущен Механизм сотрудничества Ланьцан–Меконг, который уже в полной мере охватил все шесть стран бассейна Меконга.

Работа всех этих механизмов включает содействие экономическому развитию субрегиона и управление водными ресурсами.

Гидрополитика КНР на Меконге

Китай, благодаря географическому положению является гегемоном верхнего течения Меконга. Китайский участок реки обладает наибольшим гидропотенциалом (36,5 тыс. МВт) среди всех стран СБМ [2, с. 94].

Старший сотрудник сингапурского аналитического центра ISEAS Хоанг Тхи Ха отмечает: в своей гидрополитике Китай во главу угла ставит свой суверенитет над международными водотоками и уклоняется от совместного многостороннего управления трансграничными реками, например, в Комиссии по реке Меконг участвует лишь как наблюдатель. Ещё в 1997 г. Китай проголосовал против Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Ключевое обязательство Конвенции обязует государства принимать все надлежащие меры для предотвращения значительного ущерба другим государствам, совместно использующих водоток [12, с.3]. На сегодняшний день между Китаем и странами нижнего бассейна Меконга отсутствуют официальные соглашения по эксплуатации плотин.

Во всём бассейне реки действует более 160 плотин, включая 13 в основном русле реки: две в Лаосе и 11 в КНР, в провинции Юньнань. В Китае находятся ещё три ГЭС на стадии планирования или строительства в Юньнани и восемь – в Тибетском автономном районе, что свидетельствует о непрерывном развитии китайской гидроэнергетики на Меконге.

В частности, в Юньнани Правительство КНР делает ставку на развитие энергоёмких отраслей промышленности, т. н. "новой тройки" производств: алюминия, поликремния и энергетических аккумуляторов. Кроме того, провинция также экспортирует электроэнергию с ГЭС в прибрежные провинции – прежде всего в промышленно развитый Гуандун.

Именно в Юньнани находятся крупнейшие ГЭС на Меконге–Ночжаду и Сяовань. Водохранилища эти двух ГЭС вместе вмещают 38 млрд куб. м воды, что составляет половину общего активного объёма водохранилищ во всём бассейне Меконга [6].

Дамбы в верхнем бассейне влияют на изменение гидрологического режима Меконга. Как отмечается в докладе КРМ, с 2015 г. увеличился сток в сухой сезон и уменьшился сток в сезон дождей (с мая по октябрь), вызванное увеличением количества водохранилищ в бассейне реки, что имеет как положительные, так и негативные последствия.

Увеличение доступности воды в сухой сезон может улучшить возможности орошения и судоходства в основном русле Меконга. И в этом отношении, с одной стороны, Китай выступает в роли "благодетеля" для стран нижнего Меконга, но с другой стороны Китай уже построил более десятка ГЭС на главном русле Меконга, тем самым поставив страны субрегиона в зависимость от себя по вопросу водного сотрудничества.

В связи с этим культивируется мнение, в том числе и в академической среде, что КНР использует плотины в качестве политического рычага. Профессор университета Чуалонгкорна в Бангкоке Титинан Понгсудхирак в интервью американским СМИ в 2021 г. высказал суждение, что китайские власти регулируют приток воды по Меконгу с помощью плотин в качестве дипломатического инструмента, например, сбрасывая больше воды в качестве подарка перед важной встречей официальных лиц Китая и стран ЮВА [17].

Стоит отметить прагматичность действий Пекина: до создания совместного механизма сотрудничества по Меконгу в 2016 г. Китай реализовал проект каскада из 6 ГЭС на Меконге в провинции Юньнань. Первая – Маньвань (1670 МВт) введена в эксплуатацию в 1993 г., а шестая – Ночжаду (5850 МВт) была запущена в 2014 г. [23].

Деградация экосистемы Меконга и критика КНР

В последние годы наблюдалось аномальное падение стока реки. Данный факт совпал с сильными засухами в субрегионе в 2016 г. и в 2019–2020 гг. Так, в 2019–2021 гг. уровень воды в Меконге не превышал наименьших значений последних 60 лет [2, с. 96].

Особенно остро проблема деградации экосистемы Меконга касается Камбоджи и Вьетнама. Озеро Тонлесап в Камбодже, связанное одноимённой рекой с Меконгом, обеспечивает более половины годового объёма улова рыбы. Согласно исследованию, проведённому Королевским сельскохозяйственным университетом Камбоджи, популяция рыб в Тонлесапе в период с 2003 по 2019 гг. резко сократилась: из 110 видов популяции 90 видов сократились в среднем на 90% [21].

Дельта Меконга является "рисовой чашей" Вьетнама и производит большую часть урожая риса (более 50%), овощей и фруктов, подавляющую часть которых экспортируют. Прогнозируется, что к 2040 г. дельта реки потеряет 97 % иловых отложений [4, с. 174], обеспечивающих урожайность, кроме того, уже отмечается засоление дельты в связи с вторжениями морской воды из Южно-Китайского моря.

В апреле 2020 г. было опубликовано исследование консалтинговой фирмы Eyes on Earth, финансируемое правительством США, в котором прямо указывается, что управление плотинами в Китае вызывает неустойчивые и разрушительные изменения уровня воды ниже по течению. В частности, отмечалось ограничение стока со стороны Китая в 2019 г., что усугубило последствия засухи, а несогласованные резкие сбросы воды из китайских плотин на Меконге вызвали быстрое повышение уровня реки, что привело к чрезмерным затоплениям в нижнем бассейне [18].

Однако в докладе Комиссии по реке Меконг, опубликованном в январе 2022 г. отмечается, что период 2019–2021 гг. был исключительным из-за крайне низкого уровня осадков и именно это стало основной причиной низкого стока в нижнем бассейне реки. В свою очередь, из доклада КРМ следует, что дамбы верхнего бассейна Меконга являлись второстепенным фактором, влияющим на сокращение стока воды в нижнем бассейне. При этом КРМ призывает Пекин к транспарентности в предоставлении гидрологических данных о работе своих плотин [16, с. 41].

В свою очередь, китайские эксперты из университета Цинхуа в Пекине указали, что резкое падение уровня воды в Меконге в 2016 г. и 2019–2020 гг. было связано с сильной засухой, обусловленной эффектом Эль-Ниньо и отсутствия муссонных дождей [30]. Кроме того, по словам экспертов КНР, на китайский участок приходится всего 13,5% от общего стока реки, что оказывает весьма ограниченное воздействие на нижнее течение реки. Китайские официальные СМИ отмечают, что Китай ведёт себя как ответственный сосед, а китайские плотины сыграли позитивную роль в дополнительных сбросах воды в сухой сезон в 2016 и 2019 гг. [14].

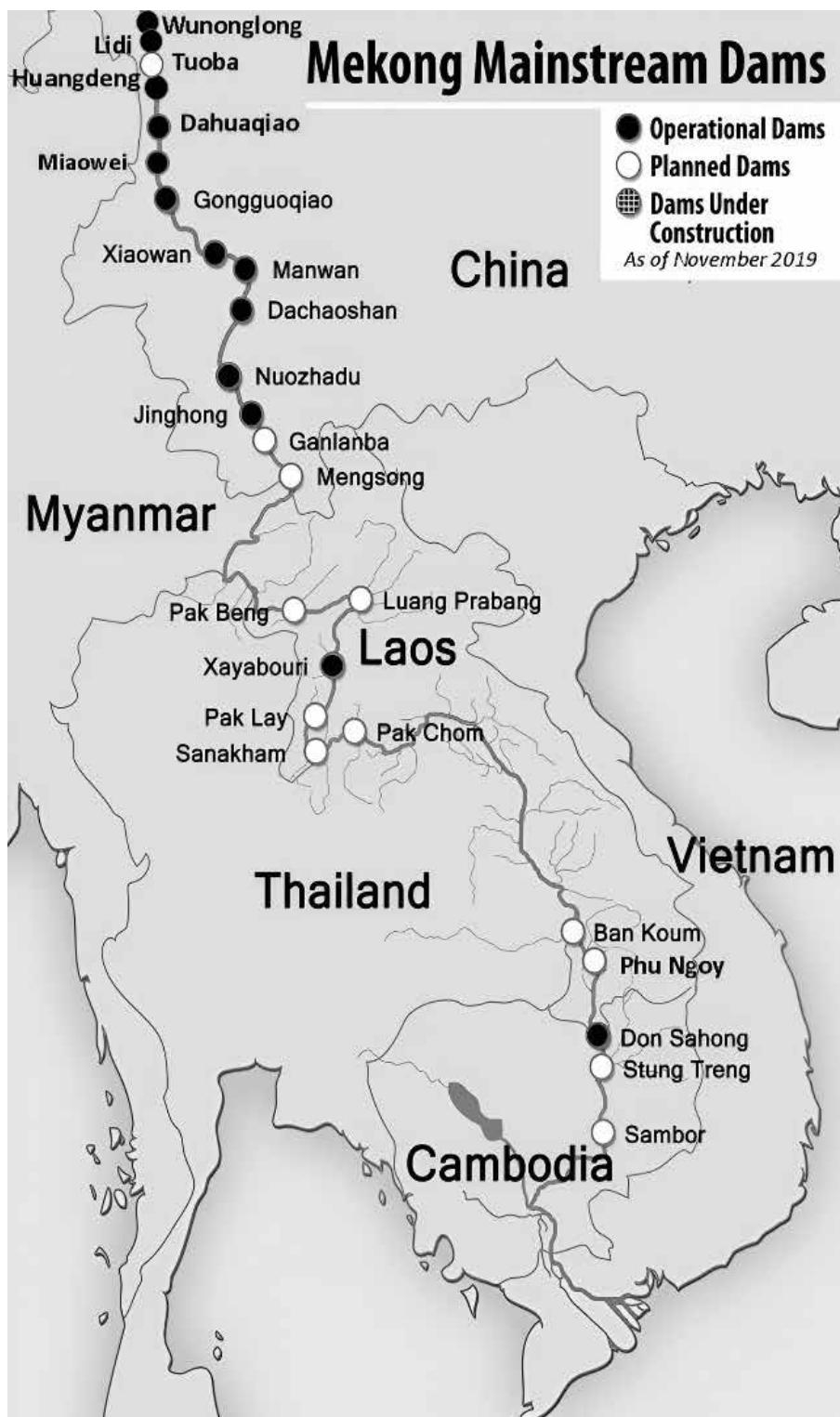

Рис 1. Действующие и планируемые ГЭС в основном русле р. Меконг.

Fig 1. Current and planned hydropower dams in the Mekong Basin.

Источник: [18].

Source: [18].

Таким образом, влияние китайских дамб на критические изменения стока Меконга остаётся дискуссионным вопросом, однако не вызывает сомнений, что эксплуатация ГЭС напрямую влияет на изменение путей миграции рыб и истощение иловых наносов [2, с. 101].

В целом, стоит отметить, что обвинение только Китая в несогласованном использовании водных ресурсов Меконга является некорректным. Регион Юго-Восточной Азии переживает процесс экономической модернизации, сопровождающийся ростом энергетических потребностей, расширением промышленного производства, добычей строительных материалов, загрязнением реки, что вступает в противоречие с потребностью сохранения экологической устойчивости. При этом потребность в стимулировании экономического роста часто перевешивает опасения перед экологическими последствиями при принятии решений местными правительствами.

Рост энергопотребления является одним из факторов активного развития гидроэнергетики в субрегионе и, как следствие, оказывает давление на экосистему Меконга. Ожидается, что к 2050 г. рост спроса на энергию в СБМ увеличится более чем на 85% [1, с. 52]. Так, Лаос стремится использовать свой значительный гидроэнергетический потенциал, строя ГЭС на Меконге и его притоках для получения дохода от экспорта электроэнергии в соседние страны. В свою очередь, Таиланд и Вьетнам наращивают импорт электроэнергии из Лаоса. Таиланд профинансировал крупнейшую в Лаосе ГЭС Саябури и, кроме того, сам активно использует притоки Меконга для ирригации. Китай профинансировал около половины имеющихся у Лаоса ГЭС [3, с. 160].

Камбоджа, в свою очередь, пока заморозила строительство двух ГЭС на Меконге из-за экологических опасений, однако рассматривает проект строительства канала Фунан Техо с участием китайских инвесторов, который предполагает соединение речного порта Пномпеня с Сиамским заливом, тем самым минуя дельту Меконга во Вьетнаме. Данный проект уже вызывает опасения у вьетнамских экспертов из-за возможного увеличения нехватки пресной воды и чаще проникновения солёной воды из ЮКМ.

Образование СЛМ: приоритеты и рамки сотрудничества

СБМ становится новым полем соперничества США и КНР, что вместе с активизацией других внерегиональных игроков (Японии, Южной Кореи, Индии), которые создали свои механизмы сотрудничества со странами СБМ бросает геополитический вызов КНР, на который она не может не ответить. США, приняв на вооружение в своем дискурсе стратегию секьюритизации КНР рассматривают экологические проблемы Меконга как угрозу безопасности и связывают их со строительством дамб в верхнем бассейне [12, с. 5].

Запуск механизма сотрудничества Ланьцан–Меконг можно расценить как превентивную меру со стороны КНР для снятия секьюритизации "водной проблемы" Меконга и одновременно легитимизации своей гидрополитики.

23 марта 2016 г. в Санье, провинция Хайнань, состоялась первая встреча лидеров СЛМ. Участники встречи договорились о создании сообщества единой судьбы Ланьцан–Меконг и установлении "рамки сотрудничества три + пять", включающих три основных направления: политику и безопасность, экономику и устойчивое развитие, социальные, культурные и межличностные обмены, а также пять ключевых областей сотрудничества: развитие транспортной инфраструктуры, производственную кооперацию, трансграничное экономическое сотрудничество, управление водными ресурсами, сельское хозяйство и сокращение бедности [27].

Функционирование СЛМ осуществляется в соответствии с пятилетними планами под руководством лидеров стран-участниц и ежегодных встреч на уровне глав внешнеполитических ведомств. Созданы совместные рабочие группы по всем приоритетным областям. Дипломатические ведомства шести стран учредили национальные секретариаты СЛМ. Кроме того, были созданы Центр сотрудничества в области водных ресурсов Ланьцан–Меконг и Центр экологического сотрудничества.

Китай является постоянным сопредседателем СЛМ, а второй сопредседатель назначается из числа остальных членов СЛМ со сроком действия два года.

Как подчёркивают китайские официальные лица и что также отражено в совместных декларациях СЛМ, шесть стран бассейна Ланьцан–Меконг разделяют одну реку и одни горы, создавая сообщество единой судьбы, тесно связанное как одна семья [25]. Таким образом, Китай делает акцент на географической и культурной близости со странами Меконга и не стремится к вовлечению в механизм других внешних игроков, что отличает СЛМ от Партернства Меконг – США.

В рамках СЛМ Китай создаёт необходимые рамки для практического сотрудничества и оказывает финансовую поддержку странам субрегиона.

Так, в 2018 г. Китай объявил об открытии кредитной линии на льготных условиях в размере 5 млрд долл. для поддержки производственных мощностей и сотрудничества в области производства между странами СЛМ. На восьмой встрече глав МИД СЛМ в декабре 2023 г. Пекин анонсировал выделение очередного специального кредита для стран СЛМ с целью "содействия синергетическому развитию шести стран" [26].

В 2017 г. Пекин инициировал создание Специального фонда СЛМ для поддержки малых и средних проектов, выдвинутых странами СЛМ, где Пекин сам распределяет средства посредством одобрения заявок.

За последние восемь лет под эгидой СЛМ было реализовано более 780 совместных проектов. Специальный фонд СЛМ оказал поддержку проектам, направленным на улучшение условий жизни людей, как, например, "Небывалый урожай", "Пресный источник", "Зеленая инициатива", "Солнечная деревня" и др.

Большая часть проектов приходится на Мьянму, Лаос и Камбоджу – страны, испытывающие наибольший дефицит социальной инфраструктуры (в т.ч. доступ к пресной воде, дефицит очистительных сооружений и т.д.). Так, например, благодаря инициативе "Пресный источник" в этих странах было построено более 70 демонстрационных объектов водоснабжения в сельской местности, что обеспечило безопасной питьевой водой более 10 тыс. жителей [15].

Сотрудничество в электроэнергетической сфере

Учитывая рост энергопотребления в субрегионе, весьма перспективным представляется сотрудничество в области взаимной торговли электроэнергией, повышения взаимосвязи между национальными электросетями. Китай и Лаос являются главными экспортёрами, а Таиланд, Вьетнам и Камбоджа – импортёрами электроэнергии в субрегионе.

Наличие трансграничных ЛЭП позволяет Китаю поставлять электроэнергию в Лаос, Вьетнам и Мьянму [1, с. 52]. Учитывая значительный гидропотенциал Лаоса и Мьянмы, стоит ожидать увеличения экспорта электроэнергии из этих стран в КНР. Примером взаимовыгодного сотрудничества в торговле электроэнергией стало подписание соглашения в 2020 г. между китайской компанией China Southern Power Grid и государственной компанией Лаоса Electricite du Laos о создании единой электросети. Согласно этому соглашению, Лаос будет поставлять электричество в КНР в сезон дождей, а КНР, в свою очередь, экспортировать электроэнергию в Лаос в сухой сезон [7]. В рамках данного концессионного соглашения была создана совместная компания, контрольный пакет которой принадлежит китайской стороне. Совместная компания будет контролировать импорт и экспорт электроэнергии Лаоса.

В рамках СЛМ ежегодно проводится саммит по энергоснабжению, способствующий многостороннему диалогу по сотрудничеству в области энергетики. В частности, были созданы рабочая группа по взаимосвязи энергосистем и Совет по стандартизации электроснабжения Ланьцан–Меконг.

Сотрудничество в сфере водопользования на Меконге

Ключевым вопросом в взаимодействии КНР со странами СБМ является управление водными ресурсами на Меконге. Китай продвигает свой нарратив водной политики благодаря институционализации сотрудничества в рамках СЛМ. Китайские официальные СМИ и официальный сайт СЛМ представляют работу китайских плотин в исключительно положительном свете. Так, например, китайская Global Times писала о посещении представителей МИД

стран СБМ ГЭС Сяовань в Юньнани в декабре 2023 г., чтобы увидеть, какую практическую пользу она приносит странам нижнего бассейна Меконга. В сообщении подчёркивалось, что ГЭС Сяовань, наряду с другими китайскими станциями, своевременно увеличивает сброс воды, обеспечивая аварийное водоснабжение в нижнем течении реки, что помогает смягчать засуху, вызванную климатическими изменениями. В публикации приводятся положительные отзывы официальных представителей стран СБМ о работе китайских ГЭС, которые сравниваются с "крепостями надежды", оказывающими существенную помощь странам нижнего бассейна Меконга [13]. Таким образом, снимается вопрос о негативном воздействии китайских плотин на экосистему Меконга и делается акцент на влияние климата как ключевом факторе гидрологических изменений.

В рамках СЛМ Китай демонстрирует готовность постепенно открываться в вопросах гидрологического сотрудничества [11, с.4]. В 2020 г. была запущена платформа обмена информацией, в рамках которой Китай делится со странами субрегиона и КРМ гидрологическими данными за весь год со своих двух ГЭС на Меконге (Маньвань и Цзинхун).

Центр сотрудничества в области водных ресурсов Ланьцан-Меконг совместно с КРМ проводят анализ водных ресурсов в бассейне Меконга и влияние изменения климата на сток Меконга. При этом, некоторые исследователи уже отмечают давление китайского нарратива по проблеме водного сотрудничества на Меконге, это касается и совместных исследований КРМ и СЛМ, использование исключительно китайских данных при анализе стока воды и исключение негативного влияния китайских плотин при рассмотрении антропогенного воздействия как фактора определяющего изменения гидрологического режима Меконга [12, с. 10].

Сотрудничество в сфере безопасности

В рамках укрепления сотрудничества в сфере безопасности в 2017 г. был создан Комплексный центр сотрудничества правоохранительных органов Ланьцан-Меконг (КЦСПОЛМ), деятельность которого направлена на борьбу с трансграничными преступлениями, включая наркобизнес, кибермошенничество. Так, в ходе совещания представителей правоохранительных органов стран СЛМ в апреле 2024 г. Министерство общественной безопасности КНР и КЦСПОЛМ инициировали операцию "Безопасный Ланьцан-Меконг", направленную на совместную борьбу с кибермошенничеством и другими трансграничными преступлениями [29].

Угрозы пиратства и контрабанды наркотиков находятся центре внимания КЦСПОЛМ. После трагического инцидента, когда в районе т. н. "золотого треугольника" на стыке Мьянмы, Лаоса и Таиланда в 2011 г. были убиты 11 китайских моряков речного торгового флота, Китай и страны субрегиона приложили усилия для устранения подобного рода опасностей. С декабря 2011 г. по июнь 2024 г. КНР, Мьянма, Лаос и Таиланд провели 142 совместных патрулирований на Меконге.

КЦСПОЛМ с 2018 г. оказывает помощь Лаосу в строительстве постов правоохранительных органов и станций обнаружения наркотиков в приграничных провинциях, а также передал Лаосу патрульные катера для эффективной борьбы с незаконными действиями. Как отмечается на сайте СЛМ, пункты обнаружения наркотиков достигли значительных результатов, было изъято большое количество синтетических наркотиков и прекурсоров [28].

Гуманитарное сотрудничество

Китай зачастую критикуют за его государственно-ориентированный подход в выстраивании диалога с субрегионом, т.е. опору на развитие партнёрских отношений с государственными структурами стран субрегиона и с недостаточным взаимодействием с местным населением, для которого Меконг является основным источником продовольственной безопасности. В рамках СЛМ КНР стремится компенсировать эти недостатки за счёт усиления экономической и гуманитарной составляющих сотрудничества. В текущем пятилетнем плане СЛМ призывается углублять связи между людьми, включая взаимодействие с местными органами власти стран-участниц [9].

Ежегодно проводятся бизнес-форумы СЛМ, что способствует установлению деловых связей между китайскими компаниями и партнёрами в странах Меконга, что особенно важно в деле укрепления цепочек поставок в ключевом для стран субрегиона агропромышленном комплексе.

В рамках СЛМ ведётся работа по укреплению сотрудничества в сфере массовой информации, проводятся медиа-форумы, на которых ведущие китайские СМИ делятся опытом в сфере инновационного продвижения массовой информации. Кроме того, такие мероприятия направлены на освещение позитивного вклада СЛМ в дело социально-экономического развития субрегиона и укрепления дружбы между народами.

Под эгидой СЛМ китайские ВУЗы устанавливают партнёрские связи с учебными заведениями стран субрегиона, в частности, создан Альянс профессионального образования Ланьцан-Меконг.

СЛМ оказывает поддержку совместным программам повышения профессионально-технической подготовки. Специальный фонд СЛМ поддерживает развитие новых сельскохозяйственных отраслей в Мьянме. В частности, в 2021 г. стартовал проект, финансируемый специальным фондом СЛМ, по увеличению производства кофе, в рамках которого в нескольких штатах Мьянмы были созданы пилотные кофейные фермы и сотни мьянманских фермеров ознакомились с технологией обработки для производства кофе на экспорт и получили специальное сельскохозяйственное оборудование.

Важно, что широкий спектр сотрудничества СЛМ и комплексный подход КНР в рамках СЛМ находят поддержку среди стран СБМ. Успехи практической деятельности механизма высоко оценил премьер-министр Вьетнама Фам Минь Тинь на четвёртой встрече лидеров СЛМ в декабре 2023 г., отметив, что с 2016 г. СЛМ достигло трёх выдающихся достижений: более совершенного механизма, более предметного сотрудничества и более интенсивной дружбы, и взаимопонимания между народами шести стран.

Кроме того, премьер СРВ выдвинул три приоритета сотрудничества в рамках СЛМ, тем самым обозначив позицию стран СБМ относительно участия КНР в решении региональных вопросов. Первым приоритетом является способствование индустриализации и модернизации, а также построение независимой и самодостаточной экономики в странах СБМ, чтобы раскрыть потенциал каждой страны-участницы. Во-вторых, создание "зелёного", устойчивого и инклюзивного региона Меконга, где будет обеспечена гармония между экономическим ростом и защитой окружающей среды, а люди будут в центре внимания и движущей силой развития. Премьер Вьетнама призвал к справедливому и разумному управлению и использованию вод Меконга без изменения естественного течения реки. Третьим приоритетом является превращение СБМ в регион мира и сотрудничества. Это предполагает постоянные усилия по укреплению взаимного доверия, искренности и солидарности, что способствует продвижению общих интересов и поддержке принципов многосторонних отношений. Также Фам Минь Тинь указал на необходимость укреплять взаимодополняемость между СЛМ и АСЕАН, а также с другими механизмами регионального сотрудничества [24].

СЛМ как образец сотрудничества в рамках ИПП

СБМ (как и АСЕАН в целом) является приоритетом в соседской дипломатии Пекина и имеет важное стратегическое значение для продвижения глобальной китайской Инициативы "Пояс и путь" (далее – ИПП), так как обеспечивает морские выходы Китая на пространство Индо-Тихоокеанского региона.

Одним из главных приоритетов СЛМ является повышение связанности и СЛМ дополнительно интенсифицирует как реализацию инфраструктурных мегапроектов в рамках ИПП, так и в целом текущую повестку сотрудничества КНР и АСЕАН. Так, в текущем пятилетнем плане СЛМ подчёркивается необходимость ускорения переговоров по эффективному обновлению зоны торговли АСЕАН-КНР (КАФТА) до версии 3.0 с акцентом на укрепление цепочек поставок в высокотехнологичных отраслях, а также расширение беспопшлинной торговли в рамках соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) [9].

Как подчеркнул премьер Госсовета КНР Ли Цян на четвертой встрече лидеров Ланьцан–Меконг в 2023 г., СЛМ должно стать образцом высококачественного сотрудничества в рамках "Пояса и пути", а также призвал к дальнейшему укреплению стратегической взаимосвязанности [3, с. 159].

КНР реализует стратегический проект ИПП – новый сухопутно-морской коридор с логистическим хабом в Чунцине до Тонкинского залива и ветками в страны Индокитая, что способствует значительному сокращению транспортных издержек при транспортировке товаров из западных провинций КНР [3, с. 157]. В текущем пятилетнем плане подчёркивается необходимость углубления сотрудничества по новому сухопутно-морскому коридору, чтобы воспользоваться эффектом региональных связей и совместного строительства Пояса экономического развития Ланьцан–Меконг [9].

Благодаря ИПП постепенно реализуется проект паназиатской железнодорожной сети с центральным коридором Китай–Лаос–Таиланд (в перспективе до Сингапура). Не менее важным представляется развитие международных коридоров Китай–Мьянма и Китай–Вьетнам. Таким образом, в рамках ИПП происходит логистическая интеграция Евразийского пространства.

Китай занимает лидирующие позиции среди внешних партнеров АСЕАН по финансированию инфраструктурных проектов. По оценке австралийского Института Лоуи на 2022 г., Китай выделил на реализацию инфраструктурных проектов в рамках Инициативы "Пояс и путь" (ИПП) порядка 30 млрд долл. и в ближайшие годы может выделить ещё около 19 млрд долл., всего 49 млрд долл., что превышает аналогичные расходы Японии (22 млрд долл.) и Азиатского банка развития (11 млрд долл.) [3, с. 159].

Важно, что китайские инвестиции в жёсткую инфраструктуру сопрягаются с инициативами АСЕАН (Генеральный план по взаимосвязанности–2025) и национальными стратегиями стран СБМ по развитию связанности. Такие страны как Лаос, Камбоджа и Мьянма, согласно классификации ООН, по-прежнему относятся к числу наименее развитых стран во многом из-за слабо развитой инфраструктуры. Так, Лаос – единственная страна АСЕАН без выхода к морю – реализует государственную стратегию "сухопутной связанности" путём развития внутренней дорожно-транспортной системы и повышения транспортной связанности с соседними странами. В этом ключе, запуск в 2021 г. китайско-лаосской железной дороги (КЛЖД) как флагманского проекта ИПП стал практической реализацией этой стратегии.

Лаосский участок КЛЖД был построен совместным предприятием Laos-China Railway Co, где Китай владеет 70% акций. Общая стоимость проекта составила 5,9 млрд долл.; из них Лаос взял в долг у Эксимбанка Китая 3,5 млрд долл. Концессия на эксплуатацию железной дороги составляет 50 лет, после чего она перейдет во владение Лаоса.

Тем не менее, руководство Лаоса оптимистично оценивает перспективы и рассчитывает начать получать прибыль от железной дороги уже к шестому году её эксплуатации. Как подчеркнул президент Лаоса Тхонглун Сисулит, эта железная дорога стала гордостью страны: до неё в Лаосе вообще отсутствовала железнодорожная сеть.

Таким образом, открываясь китайским инвестициям, Лаос увеличивает свой долг перед Китаем. Внешний долг Лаоса уже составляет около 15,9 млрд долл. (около 100% ВВП), половина из которого приходится на кредиты из КНР [3, с. 160]. В этом отношении пример Лаоса весьма показателен и демонстрирует как КНР, инвестируя в проекты с долгосрочной окупаемостью как в случае с КЛЖД и Electricite du Laos получает доступ к критической инфраструктуре развивающихся стран.

На четвертой встрече лидеров СЛМ в декабре 2023 г. премьер-министр Таиланда Сеттха Тависин призвал продолжать развитие физической взаимосвязанности в СБМ. В частности, премьер Таиланда выразил полную поддержку соединению КЛЖД со строящейся при участии китайских компаний китайско-тайландской железной дороги и призвал включить в повестку СЛМ реализацию тайландского проекта "сухопутного моста" между Сиамским заливом и Индийским океаном [20].

Китай также стремится сделать реку Меконг надежной транспортной артерией для перевозки товаров из Юньнани вниз по течению, активно участвуя в проектах углубления дна реки и взрыве порогов. Однако эти действия

уже вызвали протесты среди местного населения. Например, правительство Таиланда под давлением общественности отказалось от плана проведения работ по дноуглубительному улучшению речного русла в 2020 г.

Можно отметить, что пример Меконга демонстрирует как Китай интегрирует свои экономические (развитие судоходства на Меконге) и политические (совместное патрулирование и охрана грузовых судов) активы в рамках ИПП в странах СБМ [4, с. 170].

Таким образом, продвигая ИПП Китай добивается расширения торгово-экономических и логистических возможностей в СБМ, тем самым усиливая свои позиции в ЮВА в целом.

В контексте распространения влияния КНР в АСЕАН и в особенности в СБМ важно понимать, как местное население воспринимает КНР и её инициативы. В 2024 г. в ходе опроса сингапурского аналитического центра ISEAS в странах АСЕАН было установлено, что если бы АСЕАН была вынуждена присоединиться к одному из двух стратегических соперников – США или КНР, незначительное большинство респондентов из стран ЮВА предпочли бы, чтобы АСЕАН сотрудничала с Китаем (50,5%), а не с США (49,5%). При чём выбор в сторону КНР вырос на 11,6% по сравнению с 2023 г. Среди стран СБМ наиболее высокие показатели предпочтения к КНР в Мьянме (75,5%), Лаосе (70%) и Таиланде (52,2%). В Камбодже предпочтения к США пока выше (55%), чем к КНР (45%), но в 2023 г. предпочтения к США составляли 73%, таким образом, очевиден тренд роста предпочтений к КНР в этой стране. Во Вьетнаме показатель предпочтения к КНР один из самых низких в АСЕАН – всего 21% (ниже только у Филиппин). Это объясняется давлением исторической памяти, определенным недоверием к КНР и территориальными спорами в Южно-Китайском море.

Согласно данному исследованию ISEAS, Китай по-прежнему рассматривается как самая влиятельная экономическая (59,5%) и политико-стратегическая (43,9%) держава в регионе, значительно опережая США в обеих областях.

Однако в отношении Китая в регионе существуют и определенные опасения, что отразилось в ответах респондентов на вопрос о том, считают ли они, что Китай "поступит правильно", внося свой вклад в глобальный мир, безопасность, процветание и управление. Примечательно, что большинство респондентов в каждой стране АСЕАН, кроме Лаоса, не были уверены в том, что Китай "поступит правильно". На вопрос о том, почему Китаю не доверяют, подавляющее большинство респондентов по всему региону ответили, что экономическая и военная мощь Китая может быть использована для угрозы интересам и суверенитету стран АСЕАН [22].

Заключение

Очевидно, что фундаментального решения проблемы использования водных ресурсов Меконга, а именно устранения антропогенного воздействия на экосистему Меконга ждать не приходится. Китай будет продолжать свою политику "водного суверенитета" на Меконге. В свою очередь, страны СБМ неизбежно будут сталкиваться с дихотомией экономического развития и потребностью сохранения экологической устойчивости.

В рамках СЛМ Китай смещает акцент с острой проблематики эксплуатации своих плотин на Меконге в сторону подхода, ориентированного на комплексное решение актуальных проблем по социально-экономическому развитию в субрегионе.

Кроме того, данный механизм способствует укреплению экономической привязки стран СБМ к Китаю, где Китай сам инициирует и финансирует различные проекты. СЛМ также способствует значительному прогрессу сотрудничества в области безопасности, где Китай также закрепляет свою лидирующую роль, ослабляя влияние других внешних игроков. Весьма широкая повестка гуманитарного и культурного сотрудничества СЛМ помогает продвижению китайской мягкой силы в субрегионе, смягчая опасения перед экспансией Китая в странах ЮВА.

Таким образом, институционализация сотрудничества со странами СБМ в рамках СЛМ помогает Пекину создавать благоприятную среду для трансформации проблемы Меконга в нужном для себя ключе, используя СЛМ как

надежный щит от критики по вопросам его гидрополитики и при этом закрепляя на субрегиональном уровне свои нарративы и глобальные инициативы.

Литература / References

1. Бутко А. А. Развитие трансграничного речного сотрудничества в субрегионе Большого Меконга // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. № 4 (57). С. 46–57.
Butko A. A. Development of cross-border river cooperation in the Greater Mekong subregion // Southeast Asia: Actual Problems of Development. 2022. No. 4 (57). P. 46–57. (In Russ.).
2. Бутко А. А. Состояние и перспективы развития споров вокруг использования ресурсов реки Меконг // Проблемы Дальнего Востока. 2023. №2 С. 93–104.
Butko A. A. The state and prospects of the development of the Mekong problem // Far Eastern Studies. 2023. No. 2. P. 93–104. (In Russ.).
3. Виноградов И. С. Инициатива "Пояс и путь" в странах АСЕАН: особенности и успехи реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 154–171.
Vinogradov I. S. The Belt and Road Initiative in ASEAN countries: features and advantages // China in World and Regional Politics (History and Modernity). Vol. 29. No.29. 2023. P.154–171. (In Russ.).
4. Канаев Е. А. Китай, Вьетнам и проблема Меконга // Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2019: вьетnamо-китайские отношения после войны 1979 г.: Сборник статей. М.: ИДВ РАН, 2019. С.166–180.
Kanaev E. A. China, Vietnam and the Mekong problem // Essential Problems of Vietnam Studies – 2019: Relations between Vietnam and China after the border war in 1979: collection of articles. Moscow: RAS IFES. 2019. P. 166–180. (In Russ.).
5. Михайлова М. В. Меконг // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/2201515> (дата обращения: 29.11.2024).
Mihajlova M. V. Mekong // The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/2201515> (accessed 29.11.2024) (In Russ.).
6. Carolyn Cowan. As hydropower dams quell the Mekong's life force, what are the costs? // Mongabay. 29.03.2023. URL: <https://news.mongabay.com/2023/03/as-hydropower-dams-quell-the-mekongs-life-force-what-are-the-costs/> (accessed 30.11.2024).
7. China-Laos electricity supply achieves two-way transmission for the first time // Global Times. 20.06.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268596.shtml> (accessed 30.11.2023).
8. Cooley H., Christian-Smith J., Gleick P. H., Allen L., Cohen M. Understanding and reducing the risks of climate change for transboundary waters. Pacific Institute: Oakland, 2009. 38 p.
9. Five-Year Plan of Action on Lancang-Mekong Cooperation (2023–2027) // Lmcchina.org. 11.03.2024. URL: http://www.lmcchina.org/eng/2024-03/11/content_42720837.html (accessed 02.12.2024).
10. Green Lancang-Mekong Initiative // LMEC. 02.04.2021. URL: http://en.lmec.org.cn/news_and_events/lmec_news/202108/t20210802_122817.html (accessed 24. 11. 2024).
11. Grünwald, R., Wang, W., Feng, Y. Politicization of the Hydropower Dams in the Lancang-Mekong Basin: A Review of Contemporary Environmental Challenges// Energies. 2022. Vol. 15. № 5. 1682. 23 p.
12. Hoang Thi Ha China's Hydro-Politics Through the Lancang-Mekong Cooperation. Singapore: ISEAS - Yusof Ishak Institute, 2022. №116. 14 p.
13. Hu Yuwei, Cao Siqu, Fan Wei World-class Xiaowan Hydropower Station project demonstrates commitment to Lancang-Mekong cooperation, benefits downstream nations equally // Global Times. 18. 12. 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303849.shtml> (accessed 24. 11. 2024).
14. Hu Yuwei, Lu Hexing Chinese dams not to blame for low Mekong water levels: report // Global Times. 01.03. 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1216933.shtml> (accessed 30.11.2024).
15. Lancang-Mekong Sweet Spring Project brings villagers safe drinking water in Southeast Asian countries // LMC China Secretariat. 26.03.2024. URL: http://www.lmcchina.org/eng/2024-03/26/content_42736709.html (accessed 02.12.2024).
16. Mekong low flow and drought conditions in 2019–2021: Hydrological conditions in the Lower Mekong River Basin. Vientiane: MRC Secretariat, 2022. 81 p.
17. Mekong water usage tests China's claimed good-neighborliness // Pacific Forum. 11.05.2023. URL: <https://pacforum.org/publications/pacnet-35-mekong-water-usage-tests-chinas-claimed-good-neighborliness/> (accessed 04.02.2025).
18. New Evidence: How China Turned Off the Tap on the Mekong River // The Henry L. Stimson Center.13.04.2020. URL: <https://www.stimson.org/2020/new-evidence-how-china-turned-off-the-mekong-tap/> (accessed 30.11.2024).
19. People of the Greater Mekong // World Wide Fund for Nature. URL: https://origin-mekong.wwf-sites.org/discovering_the_greater_mekong/people_of_the_greater_mekong/#:~:text=At%20the%20heart%20of%20the,within%20the%20lower%20Mekong%20basin (accessed 07.07.2024).
20. Prime Minister of Thailand attended the 4th Mekong-Lancang Cooperation Leaders' Meeting // Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand. 26.12.2023. URL: <https://www.mfa.go.th/en/content/>

- mlc251223-2?page=5d5bd3da15e39c306002aaf9&menu=5d5bd3cb15e39c306002a9b0 (accessed 04.12.2023).
21. Sreekanth Ravindran Decline in fish stocks may affect food supply // Khmer Times. 07.12.2023. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501403109/decline-in-fish-stocks-may-affect-food-supply/> (accessed 30.11.2024)
 22. The State of Southeast Asia: 2024 Survey Report// ISEAS - Yusof Ishak Institute. 02.04.2024. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/03/The-State-of-SEA-2024.pdf> (accessed 06.02.2025).
 23. Timo Räsänen New study shows significant impact of Chinese dams on Mekong // Dialogue Earth. 06.02.2017. URL: <https://dialogue.earth/en/energy/new-study-shows-significant-impact-of-chinese-dams-on-mekong/> (accessed 29.11.2024).
 24. Việt Nam vows to promote strong, effective and sustainable Mekong-Lancang cooperation. Viet Nam News. 25.12. 2023. URL: <https://vietnamnews.vn/politics-laws/1638516/viet-nam-vows-to-promote-strong-effective-and-sustainable-mekong-lancang-cooperation.html> (accessed 04.12.2024).
 25. Yang Han Lancang-Mekong partnerships hailed // China Daily. 26.03.2024. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/382849> (accessed 02.12.2024).
 26. Zhang Yunbi Lancang-Mekong nations pledge unity, greater links // China Daily. 12.12.2023. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202312/08/WS65724dfea31090682a5f2095.html> (accessed 02.12.2024)
 27. 澜沧江—湄公河合作 = Сотрудничество Ланьцан–Меконг // 中华人民共和国外交部 = МИД КНР. 10.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lcjmgghz_682662_1/jbqk_682664/ (дата обращения: 01.12.2024).
 - Lancang-Mekong Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 10.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lcjmgghz_682662_1/jbqk_682664/ (accessed 01.12.2024) (In Chin.).
 28. 澜沧江—湄公河综合执法安全合作中心援建老挝执法勤务站交接仪式举行 = При содействии центра сотрудничества правоохранительных органов Ланьцан–Меконг состоялась передача Лаосу станции правоохранительных органов // Imcchina.org. 18.03.2024. URL: <http://www.lmcchina.org/2024-03/18/content42728306.htm> (дата обращения: 29.11.2024).
 - With the assistance of the Lancang-Mekong Law Enforcement Cooperation Center, the transfer of the law enforcement station to Laos took place // Imcchina.org. 18.03.2024. URL: <http://www.lmcchina.org/2024-03/18/content42728306.htm> (accessed 29.11.2024) (In Chin.).
 29. "平安澜湄行动"预备会议在昆明举行 = В Куньмине прошла подготовительная встреча "Безопасный Ланьцан-Меконг" // Imcchina.org. 15.04.2024. URL: http://www.lmcchina.org/2024-04/15/content_42766543.htm (дата обращения: 02.12.2024).
 - Preparatory meeting for the "Safe Lancang-Mekong Initiative" held in Kunming // Imcchina.org.15.04.2024. URL: http://www.lmcchina.org/2024-04/15/content_42766543.htm (accessed 01.12.2024) (In Chin.).
 30. 专家：气候变化显著影响澜沧江—湄公河流域水文变化 = Эксперт: Изменение климата существенно влияет на гидрологические изменения в бассейне рек Ланьцан-Меконг // Imcchina.org.21.03.2024. URL: http://www.lmcchina.org/2024-03/21/content_42731683.htm (дата обращения: 27.07.2024).
 - Expert: Climate change affects hydrological changes in Lancang-Mekong River basin // Imcchina.org. 21.03.2024. URL: http://www.lmcchina.org/2024-03/21/content_42731683.htm (accessed 30.11.2024) (In Chin.).

Информация об авторе

Илья Сергеевич Виноградов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: vinbel19@mail.ru

Information about the author

Ilya S. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vinbel19@mail.ru

Поступила в редакцию 08.12.2024

Одобрена после рецензирования 11.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 08.12.2024

Approved 11.05.2025

Accepted 26.05.2025

Парламентская парадипломатия: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Квебека

Леонид Александрович Савельчев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Балтийский государственный технический университет "ВОЕНМЕХ" им. Д. Ф. Устинова Санкт-Петербург, Россия, leosavelchev@gmail.com

Аннотация. Феномен параламентской парадипломатии является крайне неисследованной темой в академической среде, что может быть связано с недооценкой роли субгосударственного парламента в качестве актора международных отношений. Автором предпринята попытка подвергнуть сомнению позицию о безрезультативности межпарламентского сотрудничества на уровне субгосударственных регионов. В работе даётся сравнительный анализ особенностей парламентской парадипломатии на примере Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и Национального Собрания Квебека с привязкой к условиям внутренней политико-правовой среды (федерализму и конституционному праву).

Ключевые слова: парадипломатия, парламентская парадипломатия, межпарламентское сотрудничество, мягкая сила, федерализм, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Национальное Собрание Квебека

Для цитирования: Савельчев Л. А. Парламентская парадипломатия: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Квебека // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 159–168.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/159-168>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/159-168>

Parliamentary Paradiplomacy: Comparative Case-Study of St. Petersburg and Quebec

Leonid A. Savelchev

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia; Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia, leosavelchev@gmail.com

Abstract. The phenomenon of parliamentary paradiplomacy is a highly understudied theme in academic research, which is possibly due to the underestimation of the role of the sub-state parliament as an actor in international relations. The author has made an attempt to question the position on the ineffectiveness of inter-parliamentary cooperation at the level of sub-state regions. The paper provides a comparative analysis of the features of parliamentary paradiplomacy in the cases of the Legislative Assembly of St. Petersburg and the National Assembly of Quebec in the context of the domestic political and legal environment (federalism and constitutional law).

Key words: paradiplomacy, parliamentary paradiplomacy, inter-parliamentary co-operation, soft power, federalism, Legislative Assembly of St. Petersburg, National Assembly of Quebec

For citation: Savelchev L. A. Parliamentary Paradiplomacy: Comparative Case-Study of St. Petersburg and Quebec // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 159–168.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/159-168>

Введение

На сегодняшний день в академической литературе всё чаще говорят о формировании пост-Вестфальской системы международных отношений [24, р. 129], в которой всё более активную роль играют негосударственные акторы, в том числе субгосударственные (субнациональные) регионы и их акторы [6].

Было бы наивно предполагать по аналогии с ситуацией в области государственной дипломатии (хотя и здесь происходят изменения), что парадипломатия (дипломатия регионов) также монополизирована органами исполнительной власти и главами регионов. Как показывают немногочисленные исследования, региональные органы законодательной (представительной) власти тоже вносят вклад в реализацию интересов региона как внутри, так и за его пределами [2; 15; 17; 21]. Деятельность такого рода получила название в литературе "парламентская парадипломатия" [21, р. 602]. Примером может быть кейс Палаты представителей канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, усилиями которых был реализован проект по возведению мемориала на турецком полуострове Галлиполи в знак памяти погибшим воинам провинции в Первой мировой войне [15].

Другой вопрос, что результативность деятельности парламентариев и их институциональные возможности в области парадипломатии, обусловленные условиями политико-правовой системы и объёмами ресурсов (несопоставимыми с федеральным парламентом и исполнительными органами власти), могут подвергаться сомнению [15, р. 11, 14]. Нужно сказать, что некоторые специалисты в принципе не уверены в "эффективности, полезности и даже

необходимости" такой формы парламентской парадипломатии, как межпарламентские отношения, ссылаясь на недостаток исследований по данной тематике [21, p. 614]. Сам автор упомянутого кейса про Ньюфаундленд и Лабрадор, будучи парламентарием, подчеркивает коллаборацию законодательной и исполнительной ветвей власти и инициативу, исходившую от правительства провинции [15, p. 14], т. е. выделяет те условия, без которых парламенту в одиночку было бы достигнуть конечного результата гораздо сложнее. Но возникает закономерный риторический вопрос, а смогло бы правительство региона достичь цели, без участия парламента? В случае с Ньюфаундлендом и Лабрадором нельзя, конечно, не учитывать и того факта, что Канада – парламентская республика, в которой формирование правительства как на федеральном, так и на провинциальных уровнях происходит за счёт партийной борьбы на выборах, поэтому содействие правительства парламенту и *vice versa* есть ситуация сама собой разумеющаяся, особенно когда на повестке задача, имеющая взаимный интерес. Напротив, особенности реализации парадипломатии могут отличаться в системах с разными моделями федеративного устройства и республиканскими формами правления.

На сегодняшний день по федеративному принципу образовано порядка 25 государств (из 193 стран-членов ООН), но составляют они, по разным оценкам, почти половину населения Земли [16]. Таким образом, объём потенциала региональных парламентских институтов в сфере международных отношений поражает и в совокупности с дефицитом академических работ подчеркивает актуальность и новизну данного исследования. Исследовательский интерес представляет сравнительный анализ кейсов с разными политическими системами (моделями федерализма, формами правления), которые могут пролить свет на особенности парламентской парадипломатии.

Методология

Различие в политических системах России и Канады стало основанием для отбора данных государств в качестве двух кейсов для проведения компаративистского исследования. Подкейсами выступают два субгосударственных парламента – Законодательное Собрание Санкт-Петербурга и Национальное Собрание Квебека. Обоснованием в пользу отбора подкейсов является факт активной вовлеченности Санкт-Петербурга и Квебека в парадипломатическую деятельность [4; 20]. В случае с Квебеком обоснованием также является его исключительная правосубъектность в системе федеративного устройства Канады и историческое первенство среди остальных провинций в реализации международных связей [20; 21].

Оба парламента являются высшими органами законодательной (представительной) власти микрорегионов, хотя и со своими отличиями: Квебек является провинцией с сильным этническим ядром (преимущественно франкоговорящим), что больше соотносится с российскими этно-республиками; Санкт-Петербург, в свою очередь, не относится к этническим регионам, однако является конституционно признанным субъектом федерации с особым статусом города федерального значения. Хотя возможны дискуссии относительно соотнесенности выбранных кейсов, их различие по условиям политико-правовой среды (модели федерализма и форме правления), в которых данные парламента существуют, является обоснованием для проведения компаративистского исследования наиболее различающихся систем (*most different systems research design*) [19, p. 91–92], что позволит выявить каузальную связь между данными условиями (предпосылками) и особенностями парламентской парадипломатии (следствием).

Кроме того, в работе использованы подходы политико-правового и структурно-функционального анализа. В рамках первого подхода автором выявлены особенности парадипломатии двух кейсов в контексте конституционного права и специфики федеративного устройства (советской / российской и североамериканской моделей). Результатом второго подхода стала разработка сравнительной модели парламентской парадипломатии Санкт-Петербурга и Квебека, включающей анализ формальных и неформальных институтов (подразделений), ответственных за ведение международной деятельности; форм и форматов парламентского взаимодействия и видов институционализации межпарламентского сотрудничества.

Результаты исследования и обсуждение

Основой реализации интересов регионов в сфере международных отношений являются положения, закреплённые в нормативно-правовых актах государств. Так, статья 71 Конституции России чётко обозначает, что вопросы внешней политики, международных отношений, а также войны и мира – это исключительное право федерального центра [5]. В свою очередь статья 91 Конституционного акта Канады 1876 г. устанавливает, что вопросы поддержания "мира, порядка и благого правления" в доминионе принадлежат федеральному правительству [25]. Упомянутая выдержка из части канадского свода основных законов только косвенно позволяет интерпретировать, что вопросы внешней политики, кабинетной дипломатии и безопасности закреплены за центральным правительством [20, p. 240–241], поскольку ни в одном из порядка 30 отдельных пунктов об исключительных полномочиях парламента Канады не содержится схожих с российской Конституцией формулировок [25].

Если говорить о схожих чертах российского и канадского федерализма, отчётливо можно выделить их асимметричность, понимая под этим неравноправие внутригосударственных образований по своему статусу.

В российской системе существует противоречие в Конституции по этому поводу: статья 5 гласит, что все субъекты России равны как между собой, так и в отношениях с центром, при этом уже в статье 11 даётся отсылка к федеративному договору, который классифицирует субъекты на три группы со своим набором полномочий [5]. Конституционные акты Канады также делят свои внутригосударственные образования на разные территориальные единицы (провинции и территории), но открыто закрепляют преимущественные права провинций (по аналогии с республиками в России) и, прежде всего, провинции Квебек, которая наделена особым статусом нации [25] и имеет исключительное право на участие в выработке международных обязательств Канады [21, p. 605].

Отличительной особенностью канадского федерализма от российской модели является отсутствие совместного предмета ведения между центром и регионами (провинциями) [7, с. 104]. Законодательство России трактует совместные полномочия центра и регионов в сфере международных отношений как координацию такого рода деятельности и исполнение обязательств по международным договорам России [5], т. е. права российских регионов в сфере международных и внешнеэкономических отношений ограничены направлениями деятельности, обозначенными федеральной властью (Президентом и Министерством иностранных дел в особенности), условиями международных договоров и реалиями межгосударственной конъюнктуры России.

Конституционные акты Канады содержат два вида исключительных полномочий: федерального правительства и провинций, предоставляя последним широкую свободу действий по всем вопросам местного и частного характера, а также вопросам государственной собственности, ресурсов, энергии и налогов, входящим в их юрисдикцию [25]. Наряду с этим, отсутствие совместных полномочий и неоднозначность толкования конституционного права по вопросам международных отношений предоставляют провинциям реализовывать деятельность в области пара- и протодипломатии.

Формы и инструменты реализации парадипломатии канадских провинций схожи с опытом российских регионов, но есть и свои нюансы, касающиеся открытия зарубежных представительств и заключения международных соглашений.

Для Правительства Канады международные соглашения провинций не играют роли международных договоров, а воспринимаются в качестве административных актов локального характера [21, p. 604]. Соглашения провинций имеют два основных вида – обязывающие и необязывающие. Первые – несут юридические обязательства для отдельных провинций и второй стороны соглашения. К примеру, у Квебека более 780 международных соглашений, в том числе с государствами [18]. Вторые – имеют политическую ценность и декларативный характер (с частым названием "меморандум о взаимопонимании"), являясь основной для будущих международных соглашений [18].

Ввиду отнесения международных отношений в область исключительных компетенций федеральной власти Россия относится к международным договорённостям регионов с большим контролем и регламентацией. Все про-

екты соглашений с иностранными акторами на законодательном уровне лишены статуса международных договоров независимо от их названия, не говоря уже о необходимости их согласования с профильными министерствами [11, с. 219]. На практике всё несколько сложнее: некоторые регионы, как, например, Санкт-Петербург, используют тонкости федерального законодательства себе во благо. Как заявил первый заместитель председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга С. Л. Марков, ввиду особой природы международных соглашений регионов, органам власти Санкт-Петербурга приходится придумывать специальные названия, чтобы обходить бюрократические процедуры согласования, тем самым ускоряя процесс имплементации условий международных договоренностей [12]. С этой целью в 2024 г. парламент Санкт-Петербурга принял законопроект губернатора, который подразумевает процедуру предварительного визирования договоренностей с иностранными акторами, что позволит начинать исполнять условия соглашений до их одобрения [9].

Регионы России не учреждают собственных торговых представительств за рубежом, но вправе по согласованию с федеральными органами власти направлять и содержать своих торговых представителей при торговых представительствах России за рубежом [13]. Некоторые регионы создают представительства со специфическими по аналогии с международными соглашениями названиями и статусом. Например, Санкт-Петербург открыл 6 подобных представительств (информационно-деловых центров), не являющихся отдельными юридическими лицами. Цель таких центров – создание позитивного имиджа о городе и привлечение иностранных инвестиций [3].

Крупные провинции, как, например, Онтарио, Нью-Брансуик, Альберта, имеют так называемые "маркетинговые центры" (аналог информационно-деловых центров регионов России) при дипмиссиях Канады, а также направляют своих представителей в международные организации [15, р. 11]. Выделяется из всех провинций Квебек, имеющий 34 различных по статусу представительств по всему миру, некоторые из которых схожи по функционалу с дипломатическими ведомствами [26], что в правовой системе России является недопустимым [13].

И в России, и в Канаде в реализации парадипломатической деятельности принимают участие не только органы исполнительные власти, но и законодательная (представительная) власть – об этом свидетельствуют кейсы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (далее – Собрание Санкт-Петербурга) и Национального Собрания Квебека (далее – Собрание Квебека), практикующие различные формы и форматы взаимодействия с иностранными акторами, а также имеющие разветвленную структуру подразделений, отвечающих за международную деятельность (*табл. 1*).

В обоих кейсах превалирует значимость спикеров парламента как ключевых фигур, от лица которых подписываются соглашения и представляют органы законодательной (представительной) власти. Кроме того, спикеры играют роль при формировании специализированных подразделений, ответственных за международные связи.

Отчётливо это проявляется в случае с Собранием Квебека, где Президент Собрания возглавляет Консультативный комитет по вопросам парламентской дипломатии [21]. Также в составе Собрания Квебека действуют профильные "делегации" и "секции" по трём направлениям работы: двустороннее сотрудничество, многостороннее сотрудничество и межпарламентское сотрудничество (образовательно-экспертный консалтинг). Каждое профильное подразделение состоит из порядка пятнадцати депутатов и имеет руководящий комитет, состоящий из спикера парламента, руководителя (президента) подразделения и двух лидеров наиболее крупных партий, представленных в парламенте [17, р. 5–6]. Подобная система деления парламентариев на группы по отдельным направлениям (странам, регионам, международным организациям), вероятно, позволяет поделить зоны ответственности и делает работу парламента более эффективной по аналогии с методикой целеполагания "дерево задач", где для достижения конечной цели (например, продвижение интересов Квебека за рубежом) необходимо формулирование более структурированных, последовательных шагов (в данном случае отдельных направлений деятельности).

Структурно-функциональная модель парламентской парадипломатии Собрания Санкт-Петербурга отличается. В период существования Ленсовета (1990–1993 гг.) действовал Комитет по международным связям, но с 1994 г., с момента учреждения Собрания Санкт-Петербурга – правопреемника Ленсовета – структура парламента была реорганизована. В 2001 г. создаётся специальное подразделение парламента – Аппарат Собрания, в составе которого учреждается Управление внешних связей. Данное Управление коренным образом отличается от своего предшественника, поскольку формируется не из числа депутатов, а за счёт государственных гражданских служащих, основной задачей которых является обеспечение организационных функций в области межпарламентского сотрудничества. Спикер Санкт-Петербургского парламента осуществляет общий контроль за Управлением внешних связей, но сам в него не входит [9].

В отличие от Собрания Квебека, в Собрании Санкт-Петербурга заметна роль отдельных депутатов, а не каких-либо организованных групп [8; 9]. Каждое подразделение Собрания (комитеты и комиссии) вправе включаться в международную деятельность в рамках своих компетенций, однако профильные подразделения, созданные для данной цели, отсутствуют. Взамен учреждены такие должности, как советник (председателя / его заместителей) по международным делам и полномочный представитель по международным связям [8; 9]. Причина отсутствия профильных подразделений может быть связана с ресурсами парламента: в Собрании Санкт-Петербурга заседает в 2,5 раза меньше депутатов, чем в Собрании Квебека, что делает проблематичным деление депутатов на конкретные направления международного сотрудничества.

В основном дипломатия парламентариев Санкт-Петербурга и Квебека реализуется в форме приема делегаций и выездных делегаций (по приглашению одной из сторон).

Депутаты Собрания Санкт-Петербурга принимают преимущественно делегации из субгосударственных парламентах (городские и муниципальные собрания) [2, с. 13]. Бывают также приёмы делегаций представителей консульских и посольских учреждений в формате "визитов вежливости". Отдельное направление работы ведётся в области публичной дипломатии: депутаты участвуют в приёме делегаций с иностранными представителями бизнес-сообществ, культуры и духовенства [1]. Часто здание Мариинского дворца, где заседают Санкт-Петербургские парламентарии, служит местом проведения мероприятий с международным участием (семинаров, конференций, форумов) [1; 2; 8].

Собрание Квебека, напротив, ввиду этнической составляющей и позиционирования своей провинции как околосударственного образования, налаживает контакты с правительствами государств и, прежде всего, с Францией (Французским Национальным Собранием и Французским Сенатом), бывшими французскими колониями (парламентами Сенегала и Марокко) и территориями, ранее входившими в состав Франции (например, Валлония) [21]. Особенностью Собрания Квебека является такая форма укрепления межпарламентского диалога, как предоставление экспертно-консалтинговой помощи своим партнёрам посредством образовательных программ [17, р. 6], ведущими из которых являются: "Семинар по лидерству для женщин-парламентариев франкоязычных государств" и "Международная программа подготовки парламентариев" [21].

Отдельно стоит отметить прозрачность расходов, связанных с реализацией парадипломатии Собрания Квебека. Каждый отчёт парламента о проведенных мероприятиях, поездках секций (делегаций) и спикеров включает в себя раздел, посвященный статье расходов на транспорт, проживание и суточные [21]. Политика открытости расходования бюджетных средств на международные отношения может иметь позитивный эффект, поскольку повышает доверие населения к органам государственной власти и минимизирует негативную оценку дипломатии парламентариев как "парламентского туризма" (необоснованные путешествия чиновников за счёт средств государственного бюджета).

Более формальными формами взаимодействия, свидетельствующими об укреплении институциональных связей между парламентскими институ-

Табл. 1. Модель парламентской парадипломатии на примере Санкт-Петербурга и Квебека
 Table 1. The Model of Parliamentary Paradiplomacy in the Cases of St. Petersburg and Quebec

	Законодательное Собрание Санкт-Петербурга	Национальное Собрание Квебека
Формат участия	Двусторонний Многосторонний	Двусторонний Многосторонний
Измерение	Преимущественно парламенты регионов; исполнительная власть (консулы, послы); публичная дипломатия	Государственные и субгосударственные парламентские институты; исполнительная власть; публичная дипломатия
Ключевые организационные институты и степень их формализации	Председатель Управление внешних связей Полномочный представитель по международным связям Советник председателя по международным связям Комитет по международным отношениям (упразднён)	Спикер (Президент) Вице-президенты Лидеры парламентских фракций Консультативный комитет по вопросам парламентской дипломатии Делегации и секции
Виды институционализации отношений	Вовлечённость в международные организации Соглашения о сотрудничестве	Вовлечённость в международные организации Соглашения о сотрудничестве
Форма взаимодействия	Приёмы делегаций, включая "визиты вежливости", выездные делегации	Приёмы делегаций, включая "визиты вежливости"; выездные делегации; Услуги межпарламентского сотрудничества

Источник: составлено автором с использованием теоретической модели, предложенной в работе [10, с. 117–118].

Source: compiled by the author using the theoretical model proposed in [10, p. 117–118].

тами, являются межпарламентские соглашения и участие (членство) в международных организациях.

Международные соглашения Собрания Санкт-Петербурга имеют различные названия, основные из которых: протокол о намерениях развивать двустороннее сотрудничество, меморандум о взаимопонимании и соглашение о сотрудничестве [8]. Кроме сугубо прагматических целей, связанных с обходом процедуры согласования, упомянутой ранее, разница в названии соглашений, заключаемых непосредственно от лица Собрания, носит ценностный характер, свидетельствующий об уровне развитости межпарламентских отношений, где протокол – начало закрепления межпарламентских связей и готовность развивать сотрудничество, а соглашение – переход отношений на более высокий уровень, как правило, с декларацией основных направлений сотрудничества. Такой вывод можно сделать из анализа информационной повестки Собрания.

Собрание Квебека имеет 13 соглашений с иностранными акторами, 4 из которых – с палатами федеративных государств. Интересным является и тот факт, что Собрание Квебека относит к парламентской дипломатии сотрудничество с другими провинциями Канады (Онтарио, Ньюфаундленд и Лабрадор, Нью-Брунсуик [21], что в очередной раз подчеркивает специфику федеративного устройства Канады, созданной по договорному принципу, и особый, околосударственный статус Квебека.

В межпарламентском сотрудничестве Собрания Санкт-Петербурга прослеживается прежде всего признак географического расположения региона, в частности, близость к Европе. До 2022 г. Собрание Санкт-Петербурга было вовлечено в деятельность ряда международных организаций, прежде всего в Межпарламентскую конференцию Балтийского моря (далее – ПКБМ), Кон-

гресс местных и региональных властей при Совете Европы (КМРВСЕ) и ряд других институтов [1, с. 426; 2, с. 43].

Политико-правовые особенности Квебека вместе с географическим расположением Канады предопределили соответствующий набор международных организаций, в которых состоит Собрание Квебека: Парламентская ассамблея франкоязычных стран, Парламентская ассоциация Содружества, Парламентская конфедерация Северной и Южной Америки и межпарламентские организации США (Национальная конференция законодательных органов штатов и Совет правительств штатов) [21].

Несёт ли межпарламентское сотрудничество на уровне субгосударственных регионов какую-то видимую пользу сказать действительно не так просто. По распространённому убеждению, принимаемому в качестве должного, такого рода международное сотрудничество, скорее, может претендовать на плоды в долгосрочной перспективе в качестве инструмента "мягкой силы", где обмен мнениями и идеями, подкреплённый межкультурной коммуникацией, позволяет повысить уровень понимания между сообществами и укрепить межрегиональные связи, результат которых в перспективе найдет отражение также и на межгосударственном уровне.

В то же время кейс Собрания Санкт-Петербурга показывает, что межпарламентское сотрудничество на базе международных организаций, объединяющих представителей разных культур и разных интеграционных объединений (прежде всего Европейского Союза), имеет неоднозначный эффект в качестве инструмента "мягкой силы". В поддержку данного тезиса можно привести отказ в 2022 г. субгосударственных legislatures стран ЕС от сотрудничества с Собранием Санкт-Петербурга после двух десятилетий сотрудничества. В 2022 г. стали неактуальными порядка десятка соглашений Собрания Санкт-Петербурга о дружбе и взаимопонимании с legislatures Финляндии, Германии, Эстонии, Польши и др. [8; 9]. Получается, что анти-российская политика надгосударственных органов власти, консолидирующая страны-члены ЕС и стимулирующая их проводить единую линию в области внешней политики, попросту нивелировала субгосударственные договоренности. Вполне вероятно, что упомянутые ПКБМ и КМРВСЕ, объединённые духом Евроатлантики, ставили своей задачей не пресловутые задачи по укреплению демократических институтов и обмен мнениями, а обращение в свою "веру" (систему ценностей). На такие мысли, в том числе, наталкивает отчёт Немецкой службы академических обменов 2022 г. о роли науки как инструмента "мягкой силы", в котором говорится, что "научная дипломатия не смогла... способствовать либерализации российской политики в последние годы... [и] идея о том, что "Запад" может достичь своих внешнеполитических целей путём простого убеждения и расширения (особенно научного) сотрудничества, должна уступить место реальности" [23, р. 4]. В этой связи нет причин, по которым межпарламентское сотрудничество и иное гуманитарное сотрудничество на базе международных организаций не могло преследовать те же долгосрочные цели.

Показателен и кейс Собрания Квебека, который не позволяет исключить того факта, что межпарламентское сотрудничество может также служить неокOLONIALНЫМ инструментом влияния на страны с неразвитыми экономиками и поддержания связи с бывшими колониями. Такой вывод можно сделать исходя из того набора стран, для представителей которых Собрание Квебека реализует свои образовательные программы: Гаити, Мадагаскар, Бенин, Мали, Нигер, Буркина-Фасо и др. [14]. Межпарламентское сотрудничество под предлогом содействия развитию, включая распространение "демократии, мира, справедливости и процветания" [17, р. 6], вероятно, может восприниматься более позитивно и играть определённую коопитивную роль, нежели, если бы подобного рода деятельность исходила от представителей исполнительной власти, ассоциирующихся с бюрократией государственного аппарата.

Немаловажно, что парламенты могут являться и вспомогательным инструментом к усилиям исполнительных органов власти в реализации внешних интересов региона. Один из таких примеров был упомянут во введении, когда исполнительные и законодательные органы власти действовали в тандеме, преследуя общую цель, и каждый из них – в области своих полномочий. Можно также привести примеры деятельности Санкт-Петербургских парламен-

тариев по лоббированию упрощённого визового режима между Санкт-Петербургом и Северной Европой [1, с. 435], инфраструктурных и образовательных проектов, призванных развивать международное межвузовское партнерство и привлекать иностранные инвестиции в регион [1, с. 434–435; 2, с. 331]. Лоббирование интересов происходит как на базе международных организаций, так и в формате двустороннего сотрудничества в форме приема делегаций и переговорных процессах.

Наряду с этим, роль субгосударственных парламентов в области дипломатии, как показывают кейсы Санкт-Петербурга и Квебека, носит и символический характер. Так, к одним из главных своих задач в области парламентской парадипломатии Собрание Квебека относит необходимость быть "более современным и открытым", а также рассматривает межпарламентское сотрудничество как возможность "повысить эффективность исполнения парламентариями своих обязанностей" [21], т. е. традиционные функции парламента (представление интересов народа и контроль за правительством) из сугубо внутриполитической среды переносятся и на сферу международных отношений.

Литература / References

1. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7. / Под ред. Ягья В. С. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. 520 с.
Actual Problems of World Politics in the XXI century. Vol. 7 / Ed. by Yagya V. S. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2014. 520 p. (In Russ.).
2. Зотова А. В. Международная деятельность Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // СПб.: Издательский центр "Остров", 2022. 680 с.
Zotova A. V. International Activities of the Legislative Assembly of St. Petersburg. St. Petersburg: Ostrov Publishing Centre, 2022. 680 p. (In Russ.).
3. Информационные деловые центры Санкт-Петербурга за рубежом // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/sankt-peterburg-strany-mira/informacionnye-delovyye-centry-sankt-peterburga-za-rubezhom/> (дата обращения: 11. 11. 2024).
Information Business Centres of St. Petersburg abroad. Committee for External Relations of St. Petersburg. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/sankt-peterburg-strany-mira/informacionnye-delovyye-centry-sankt-peterburga-za-rubezhom/> (accessed 11. 11. 2024). (In Russ.).
4. Итоговый рейтинг публичной дипломатии регионов России (2017–2021) // АНО Центр "Креативная дипломатия". URL: http://picreadi.tilda.ws/final_rating2017-2021 (дата обращения: 26. 10. 2024).
The Final Rating of Public Diplomacy of Russian Regions (2017–2021). ANPO Centre "Creative Diplomacy". URL: http://picreadi.tilda.ws/final_rating2017-2021 (accessed 26. 10. 2024). (In Russ.).
5. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11. 11. 2024).
The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian voting on 01.07.2020). Consultant. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 11. 11. 2024). (In Russ.).
6. Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16.
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-1/7-16>
Lebedeva M. M. Transformation of the Role of Cities and Intra-state Regions in World Politics. Oikumena. Regional researches. 2019. No. 1. P. 7–16.
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-1/7-16>
7. Макеева Н. В., Авдеева О. А. Канадский федерализм: особенности формирования // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 3. С. 103–107.
Makeeva N. V., Avdeeva O. A. Canadian Federalism: Features of Formation. // Bulletin of Penza State University. 2015. No. 3. P. 103–107.
8. Международная и межрегиональная деятельность // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/activity/international/> (дата обращения: 11. 11. 2024).
International and Interregional Activities. Legislative Assembly of St. Petersburg. URL: <https://www.assembly.spb.ru/activity/international/> (accessed 11. 11. 2024). (In Russ.).
9. Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/> (дата обращения: 11.11.2024).
The Official Website of the Legislative Assembly of St. Petersburg. URL: <https://www.assembly.spb.ru/> (accessed 11. 11. 2024). (In Russ.).

10. Савельчев Л. А. Концептуализация парламентской дипломатии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 112–121. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-112-121>
Savelchev L. A. Conceptualizing Parliamentary Diplomacy. Eurasian integration: economics, law, politics. 2024. Vol. 18. No 3. P. 112–121. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-112-121>
11. Савельчев Л. А. Нормативно-правовые основы международной деятельности субгосударственных парламентов: кейс парламента Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2024. № 2. С. 215–229. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-2-215-229>
Savelchev L. A. The Legal and Normative Framework of International Activities of Subnational Parliaments: A Case of Saint Petersburg Parliament. Administrative Consulting. 2024. No. 2. P. 215–229. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-2-215-229>
12. Стенографический отчет Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 17 января 2024 г. URL: <https://www.assembly.spb.ru/upload/iblock/536/0jkw07d6eiqsxlgrmqxa6yuc1f5jovz.pdf> (дата обращения: 26. 10. 2024).
Verbatim Report of the Legislative Assembly of St. Petersburg of 17 January 2024. URL: <https://www.assembly.spb.ru/upload/iblock/536/0jkw07d6eiqsxlgrmqxa6yuc1f5jovz.pdf> (accessed 26.10.2024). (In Russ.).
13. Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 N 414-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 10. 11. 2024).
The Russian Federal Law "On General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" of 21.12.2021 N 414-FZ. // Consultant. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (accessed 10. 11. 2024).
14. Anciens participants // Programme international de formation parlementaire. URL: <http://www.formation-parlementaire.pol.ulaval.ca/anciens-participants> (accessed 08. 11. 2024).
15. Browne M. Para-Diplomacy by Provincial Legislatures: How Turkey and Caribou Make the Case // Canadian Parliamentary Review. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 9–14.
16. Forum of Federations: The Global Network on Federalism and Developed Governance. URL: <https://forumfed.org/about/> (accessed 21. 10. 2024).
17. Harel L. The International Relations of the National Assembly of Quebec // Canadian Parliamentary Review. 2003. Vol. 26. No. 1. P. 4–7. URL: http://www.revparl.ca/26/1/26n1_03e_Harel.pdf (accessed 21. 10. 2024).
18. International agreements and commitments // Assemblée nationale du Québec. URL: <https://www.quebec.ca/en/government/agreements-commitments/international> (accessed 10.11.2024).
19. Lamont C., Boduszynski M. Research Methods in Politics and International Relations. Sage Publications, 2020. 248 p.
20. McHugh J. T. Paradiplomacy, protodiplomacy and the foreign policy aspirations of Quebec and other Canadian provinces // Canadian Foreign Policy Journal. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 238–256. <https://doi.org/10.1080/11926422.2015.1031261>
21. Paquin S., Rossi N. Parliamentary paradiplomacy: the case of the Québec National Assembly // Journal of Parliamentary and Political Law. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 601–615.
22. Parliamentary diplomacy // Assemblée nationale du Québec. URL: <https://www.assnat.qc.ca/en/diplomatie/index.html> (accessed 11. 11. 2024)
23. Science Diplomacy for a Multipolar World: System rivalry, confrontation, and global crises // DAAD. 2022. URL: https://www.daad.de/en/the-daad/communication-publications/press/press_releases/science-diplomacy-for-a-new-world-disorder/ (accessed 11. 11. 2024).
24. Stavridis S. Parliamentary Diplomacy: A Review Article // International Journal of Parliamentary Studies. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 227–269. <https://doi.org/10.1163/26668912-bja10027>
25. The Constitution Acts 1867 to 1982 // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/> (accessed 11.11.2024).
26. The organization and its commitments // Assemblée nationale du Québec. URL: <https://www.quebec.ca/en/gouvernement/ministere/rerelations-internationales/representations-etranger> (accessed 10.11.2024).

Информация об авторе

Леонид Александрович Савельчев, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; аспирант факультета международного промышленного менеджмента и коммуникации Балтийского государственного технического университета "ВОЕНМЕХ" им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: leosavelchev@gmail.com

Information about the author

Leonid A. Savelchev, Postgraduate Student, School of International Relations, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia; Postgraduate Student, Faculty of International Industrial Management and Communication, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov, St. Petersburg, Russia, e-mail: leosavelchev@gmail.com

Поступила в редакцию 12.11.2024

Received 12.11.2024

Одобрена после рецензирования 06.05.2025

Approved 06.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Accepted 26.05.2025

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 169–175.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 169–175.

Рецензия
УДК 327:316.347(59+5)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Государство и общество перед вызовами этнокультурного разнообразия: региональные движения стран Большой Юго-Восточной Азии

Иван Николаевич Золотухин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Аннотация. Несмотря на цивилизационно-культурное разнообразие стран ЮВА, им удалось сформировать устойчивые международные институты и приблизиться к воплощению идеи общерегиональной идентичности посредством реализации инициатив по укреплению межкультурного взаимодействия. В то же время ЮВА сохраняет высокий конфликтный потенциал в форме застарелых конфликтов между государственными институтами и негосударственными объединениями. Работа содержит анализ исследовательских материалов, посвящённых проблемам столкновения и диалога государственных и гражданских структур касательно вопросов региональной идентичности. В рецензии отражены как сценарии успешного противодействия со стороны государства центробежным тенденциям, так и примеры разной степени автономизации региональных общностей. Опираясь на богатый фактологический материал, авторы монографии освещают политическую историю ЮВА, знакомят читателей с малоизвестными случаями "бунтующей этничности", предлагают своё видение на то, как государству избежать дезинтеграции и сепаратизма, а также деструктивных форм региональной идентичности.

Ключевые слова: *Большая Юго-Восточная Азия, гражданские объединения, государственные институты, регион, региональные движения, конфликт, ресентимент*
Для цитирования: Золотухин И. Н. Государство и общество перед вызовами этнокультурного разнообразия: региональные движения стран Большой Юго-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 169–175. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Review
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

State and Society Facing the Challenges of Ethnocultural Diversity: Regional Movements in the Countries of Greater Southeast Asia

Ivan N. Zolotukhin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Abstract. Despite the civilizational and cultural diversity of the countries of SEA, they managed to form stable international institutions and come closer to the embodiment of the idea of a common regional identity through the implementation of initiatives to strengthen intercultural interaction. At the same time, SEA retains a high conflict potential in the form of long-standing conflicts between state institutions and non-state associations. The work contains an analysis of research materials devoted to the problems of clashes and dialogue between state and civil structures regarding issues of regional identity. The review reflects both scenarios of successful counteraction by the state to centrifugal tendencies and examples of varying degrees of autonomization of regional communities. Based on rich factual material, the authors of the monograph highlight the political history of SEA, introduce readers to little-known cases of "rebellious ethnicity", and offer their vision of how the state can avoid disintegration and separatism, as well as destructive forms of regional identity.

Key words: *Greater Southeast Asia, civic associations, state institutions, region, regional movements, conflict, resentment*

For citation: Zolotukhin I. N. State and Society Facing the Challenges of Ethnocultural Diversity: Regional Movements in the Countries of Greater Southeast Asia // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 169–175. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/169-175>

Проблемы ЮВА находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, а происходящие в регионе события являются важной частью международной повестки. Огромное значение ЮВА в глобальных процессах стало результатом коллективных действий стран региона, которые, несмотря на сложную международную обстановку и внутриполитические конфликты, реализует масштабные интеграционные проекты. Одним из примеров таких действий является Ассоциация государств ЮВА (АСЕАН), выдержавшая испытание временем и ставшая стержневым компонентом мировой

Рецензия на книгу: Государственные институты, гражданские ассоциации и требования идентичности: региональные движения в Большом Юго-Восточном регионе Азии / Под ред. Эми Х. Лю и Джоэла Сауэта Селвея. Энн Арбор: изд-во Мичиганского университета, 2024. 316 с. [7]

экономики, а также ключевым элементом архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Некоторые отечественные исследователи видят в цивилизационно-культурном многообразии ЮВА, населённой способными к сосуществованию друг с другом общностями, серьёзное преимущество перед другими регионами мира [4, с. 20], давшее созидательный импульс процессам интеграции, углубление и расширение которых предполагает формирование общерегиональной идентичности путём сближения народов и реализации инициатив по укреплению межкультурного взаимодействия.

В то же время ЮВА сохраняет высокий конфликтный потенциал, препятствующий достижению синергетического эффекта в рамках региона. Наличие застарелых конфликтов, в основе которых лежат противоречия между государственными институтами и негосударственными общностями, становится катализатором внутриполитических процессов большинства стран ЮВА после Второй мировой войны [1, с. 93]. Ситуация усугублялась необходимостью решения правительствами стран ЮВА острых политических вопросов, многие из которых достались им в наследство из колониального периода, когда влияние западных стран трансформировало и травмировало сложившиеся на протяжении столетий самобытные условия проживания и взаимодействия разных этнических общностей. Ставка молодых правительств стран ЮВА на построение государства-нации в условиях полиэтничной среды и сохранение проведенных колонизаторами границ, разделявших территории проживания разных этнических групп, привела к "политизации этничности" [6, р. 17] и формированию региональных объединений, выступающих за разные формы самостоятельности от государства. В результате ЮВА становится ареной борьбы между государством и региональными движениями, в которой драматически переплетены судьбы разных народов, а длительные конфликты на этнической почве приводят к кровавым столкновениям.

Разнообразие форм противостояния и взаимодействия государственных структур и негосударственных объединений отражено в коллективной монографии "Государственные институты, гражданские объединения и требования идентичности: региональные движения в Большой Юго-Восточной Азии". Работа представляет собой результат изучения форм социально-пространственной идентификации регионального уровня. Проанализировав порядка 20 регионов в восьми странах Большой ЮВА (включая частично признанное государство Тайвань)¹, авторы знакомят читателей с примерами разной степени автономизации региональных общностей: успешная сецессия (Сингапур, Восточный Тимор), продолжающиеся проявления сепаратизма (южные Филиппины), внутренне разделённые региональные движения (штат Качин (Мьянма)), политически инертные регионы (северо-восточный Таиланд, восточная и северная Малайзия) и др.

Стараясь разъяснить, что является причиной разнообразного характера региональной идентичности и почему в ряде регионов возникают политические движения, способные привести к дезинтеграции государства, авторы выдвигают тезис о том, что интенсивность и успешность региональной мобилизации определяется степенью инклюзивности государственных институтов и гражданских объединений. Данный тезис определяет логику структурирования монографии: первая её часть посвящена политике государственных институтов в отношении этнических групп; во второй исследуется роль гражданских объединений в формировании интересов региональных общностей. В заключительной части делаются обобщения о необходимости соблюдения баланса между национальными интересами и региональной спецификой, дабы государство сумело предотвратить отчуждение и сепаратизм региональных групп, а деятельность последних, в свою очередь, не привела к внутриполитическим и международным конфликтам.

Первый раздел посвящён различным инструментам государственной политики в решении региональных конфликтов. В шести главах рассмотрены региональные проблемы, с которыми столкнулись государственные структуры, а также варианты их решения. Авторы уделяют внимание влиянию фак-

¹ Авторы рассматривают Тайвань как часть географической общности.

тору инклюзивности государственных институтов, который, по их мнению, создаёт легитимное поле для диалога с региональными движениями.

Э. Энг в главе "Государственные учреждения в южной Малайзии: вхождение и выход Сингапура, 1963–65 гг.", исследуя причины отделения Сингапура от Малайзии, отмечает ограниченное политическое представительство первого в составе федерации в условиях доминирования Партии народного действия на региональном уровне. По мнению автора, если бы малазийские власти учли интересы Сингапура и предоставили его населению, $\frac{3}{4}$ которого составляли этнические китайцы, более широкую автономию, была вероятность сохранить Сингапур в составе Малайзии. Однако федеральные власти были озабочены укреплением национального единства, сделав ставку на политику, в основе которой лежало предоставление привилегированного статуса представителям бумипутра².

Вариант полиэтнической гармонии по-малазийски не устроил Ли Куан Ю, выступавшего за полиэтническую меритократию и равноправие всех граждан независимо от их этнической принадлежности. Анализируя успешность действий Ли Куан Ю, которые привели к исключению Сингапура из федерации, автор отмечает недочёты политики позитивной дискриминации малазийских властей, которым в итоге пришлось выбирать между репрессивным вариантом и сецессией. Автор допускает, что Сингапур, возможно, остался бы частью Малайзии, если бы Тунку Абдул Рахман³ отдал приказ арестовать "отца сингапурской государственности". Однако власти страны не решились пойти на такой шаг, опасаясь массовых протестов и угрозы политического кризиса. Последующие события политической истории Малайзии показали, что опыт Сингапура стал для малазийского руководства своего рода прививкой против дальнейшей дезинтеграции страны на фоне масштабных межэтнических столкновений.

В главе "Государственные учреждения в северном Тайване против южного Тайваня: признание языка хоккиен" Чун-Ин У и Эми Лю рассматривают пример того, как носители хоккиен смогли добиться уступок от го-миндановского правительства, которое отошло от продолжавшейся более 40 лет политики репрессивного монолингвизма. Авторы связывают признание хоккиен, носители которого составляют большинство населения острова, с демократическими преобразованиями на Тайване, обусловившими смягчение языковой политики и более пристальное внимание правительства к этнорегиональным различиям. Признание этнического разнообразия страны видится залогом обеспечения внутривластной стабильности. Это нашло отражение в дальнейших шагах правительства, направленных в сторону признания языков коренных народов, проживающих преимущественно в северной части острова и составляющих меньшинство населения страны. Авторы связывают поддержку правительством языков коренных народов с изменениями демографического состава населения северного Тайваня.

Риса Тоха в главе "Государственные институты северной Суматры: национальная идентификация батаков" рассматривает процесс реинтеграции коренного населения Суматры после восстания против правительства Сукарно под руководством Революционного правительства Республики Индонезия в 1958 г. Автор приводит доказательства того, что инклюзивная политика государства способна трансформировать региональную (в данном случае пансуматранскую) идентичность в национальную. Восстание батаков показало трудности, с которыми был сопряжён процесс нациестроительства в Индонезии, вызванный сложным географическим ландшафтом и этническим многообразием. Тем более значимым является опыт индонезийского правительства в решении региональных проблем.

Вовлечение батаков в государственные структуры способствовало тому, что они стали частью национальной общности, сохранив при этом свою этническую принадлежность. В то же время автор не отрицает того факта, что для

² Бумипутра – собирательное название малайцев и коренного населения Малайзии. Бумипутра обладают особыми привилегиями в отличие от граждан страны, относящихся к другим этническим группам.

³ Тунку Абдул Рахман – первый премьер-министр Малайзии.

большинства населения многомиллионной страны национальная идентичность превалирует над региональной, что облегчило процесс реинтеграции батаков после подавления восстания. В отличие от предыдущих авторов Риса Тоха склоняется к тому, что демократический режим не всегда подразумевает инклюзивность государственных институтов: именно при авторитарном правлении Сухартно батаки получают возможность для представительства в органах государственной власти.

В главе "Государственные институты на севере Филиппин против южных Филиппин: противопоставление начал национального восстания" Мэри Энн Мендоза-Дэве уделяет внимание такому важному инструменту социально-политической мобилизации населения как образование. Автор указывает на то, как колониальная политика в области образования способствовала формированию филиппинской национальной идентичности, в основе которой лежало христианство и западные ценности, в то же время лишая мусульманский Юг полноценного доступа к государственному образованию. До обретения Филиппинами независимости американская администрация не оспаривала существовавшую структуру исламского образования. Более того, чиновники допускали учебные программы, адаптированные к различиям внутри мусульманского населения, тем самым цементируя этноконфессиональные границы внутри страны.

Алгоритмы действий филиппинского правительства в области образования, предполагавшие интеграцию мусульман в единое национальное пространство, способствовали развитию мусульманской региональной идентичности: созданная в 1957 г. Комиссия по национальной интеграции предоставляла стипендии для культурных меньшинств и помогала увеличить число выпускников мусульманских учебных заведений; кроме того, филиппинские мусульмане получили возможность обучаться за границей, и, став выпускниками духовных вузов, преподавали в мусульманских школах страны. Централизованное образование оказалось не в состоянии преодолеть региональные различия, которые вылились в восстания военизированных групп с введением военного положения при президенте Маркосе-старшем.

В главе "Государственные институты в восточной Малайзии против западной Малайзии: сдерживание недовольства в этнорелигиозной доминирующей партийной системе" Мохамед Салихин Субхан и К. Оствальд, отмечая особенность географического положения Малайзии, упоминают отсутствие чёткой региональной идентичности в восточной (островной) части страны, объясняя это результатом политики федеральных властей, помешавшей политической мобилизации коренных народов Сабаха и Саравака посредством кооптации местных элит и их клиентелистских сетей в государственную систему управления. Для западной (полуостровной) части Малайзии характерна очаговая локализация этнически разнообразных несмежных областей. Авторы выделяют в этой части страны полиэтнический квазирегión, состоящий из городских и пригородных районов, расположенных вдоль западного побережья Малаккского полуострова. Несмотря на большое число немалайского населения в западной части Малайзии, в силу своей рассредоточенности и разобщённости оно не стало почвой для регионализма и сепаратизма. Программы защиты интересов бумипутра сдерживают стремление немалайцев-немусульман к языковой и религиозной автономии. Кроме того, много образованных небумипутра покидают полиэтнические районы Малаккского полуострова, составляя непропорционально большую долю эмигрантов из Малайзии.

В последней главе раздела – "Государственные институты на северо-востоке Таиланда: этническая группа лао и тайская идентичность" Дж. Рикс исследует феномен региональной идентичности населения провинции Исан. Автор показывает, как в результате ассимиляционной политики можно сформировать региональную идентичность, не тяготеющую к сепаратизму. Столетиями проживавшее на территории Исана нетайское население чуть более века спустя стало воспринимать себя исанцами и тайцами. Правительство Таиланда использовало стратегию двойного удара, сначала исключив этническую идентичность лао из государственных записей на рубеже XX в., а затем предприняв согласованные усилия по созданию единой тайской идентичности через национальную систему образования. В настоящее время составляющие треть населения Таиланда исанцы, сохраняя региональные различия,

не воспринимаются как угроза территориальной целостности государства, поскольку исанская региональная идентичность вписывается в национальную.

Раздел, посвящённый инициативам "снизу", повлиявшим на формирование и характер региональных движений, начинается с главы "Гражданские объединения на Восточном Тиморе, Индонезия: уроки из попыток независимости Тимора-Лешти", в которой С. П. Хариш исследует опыт запоздалой, но успешной региональной мобилизации, отмечая, что попытка создания на Восточном Тиморе независимого государства после нескольких столетий португальского правления провалилась по причине разобщённости социальных движений и отсутствия консенсуса среди них по поводу политического развития страны. Однако последовавшая 25-летняя индонезийская оккупация, воспринятая островитянами как угроза тиморской идентичности, вызвала импульсы гражданского противодействия и способствовала консолидации гражданских объединений и сообществ, включая католическую церковь, активность которых стала ключевым фактором обретения независимости. В то же время, оценивая события, которые привели к независимости Тимора-Лешти, автор отмечает влияние на них изменений как во внутренней политике Индонезии, так и условий международной среды, благоприятствующих урегулированию восточнотиморского конфликта.

Продолжая тему гражданских инициатив на региональном уровне, Р. Танс в главе "Гражданские ассоциации на Бали, Индонезия. Мелиорация побережья и этническая мобилизация" затрагивает нетривиальный пример того, как этническая идентичность помогла объединить разнородные социальные элементы в борьбе против засыпания и застройки акватории залива Беноа. Гражданским активистам вместе с органами местного самоуправления удалось создать коалицию, которая вступила в противостояние с центральными и провинциальными властями. Для этого они использовали аргументы в защиту священных для балийцев мест и сделали ставку на балийскую практику "пупутан" (сопротивление до конца). Воззав к традиционным ценностям, активисты представили рекультивацию как угрозу не только интересам жителей острова, но и балийской идентичности, умело направив недовольство населения острова против замыслов индонезийского правительства.

А. Пеллетье в главе "Гражданские объединения в северной Мьянме: панэтнический национализм и субэтническая мобилизация в штате Качин" уделяет внимание конфликту разноуровневых идентичностей в отдельном регионе, которые привели к тому, что усилия по достижению качинами независимости на севере Мьянмы зашли в тупик. Автор утверждает, что на формирование панкачинской идентичности повлияли христианские миссионеры, которые не учли сложность и разнообразие этнической общности качинов, в том числе конфликты между субэтническими группами. Общности лису и раванг сохраняют сложные отношения с более христианизированными цзинпо, а попытки Армии независимости качинов (АНК) силовым путём привлечь на свою сторону субэтнические группы делают качинскую идентичность ещё более хрупкой.

В главе "Гражданские ассоциации в Малуку, Индонезия: объяснение провала движения за Республику Южно-Молуккских островов" Дж. Соедирго объясняет неудачную попытку элит Амбона в 1950 г. обрести независимость глубоким конфессиональным расколом между христианами и мусульманами, оказавшимся сильнее этнической солидарности и попыток мобилизовать население риторикой антиколониальной борьбы. Амбонский национализм не выдержал столкновения с глубоко укоренившимися в повседневной жизни населения Молукк религиозными институтами, стремление лидеров Малуку-Селатан культивировать у христиан и мусульман чувство этнического единства через обращение к общему историческому наследию не помогло им получить поддержку населения в противостоянии насильственной реинтеграции в состав Индонезии.

Дж. Менчик в главе "Гражданские объединения в Северном Сулавеси, Индонезия: этническая политика и уровень проблем мобилизации для Бангса Минахаса" показывает, как местным христианским ассоциациям, оказавшим влияние на формирование идентичности минахасцев, оказалось не под силу создать основу для независимости региона. Конкурирующие за власть местные элиты не сумели мобилизовать население на борьбу против центральной

власти, а повстанческое движение "Перместа" было быстро подавлено индонезийской армией. Политика Джакарты, обеспечившая минахасцам административные привилегии и экономические выгоды, свела на нет условия для развития независимой региональной идентичности.

В главе "Гражданские объединения в северном Таиланде: культурные и региональные движения в регионе Ланна" уделено внимание тому, как подавляемая идентичность способна возродиться в изменившихся политических условиях. Дж. С. Селуэй отмечает, что подавляемые правительством на протяжении десятилетий гражданские объединения на севере Таиланда активизируются с 2000-х годов с приходом к власти премьер-министра Таксина Чинавата, уроженца Чиангмая⁴. Продвигая идею общего культурного наследия, берущего начало в средневековом королевстве Ланнатхай, гражданские объединения создают почву для интерпретации политических обид нанесённых населению Ланна. По мнению автора, деятельность выступающих за культурное возрождение гражданских объединений способствует зарождению националистического движения Ланна в северном Таиланде.

В заключительном разделе, аккумулирующем выводы по предыдущим главам, Э. Лиу и Дж. С. Селуэй отстаивают тезис о том, что нельзя рассматривать влияние государственных институтов и гражданских объединений на формирование региональных движений независимо друг от друга, параллельно отмечая необходимость изучения характера политического режима и компонентов социальной структуры как значимых факторов мобилизации протестного потенциала.

Авторы подчёркивают, что региональные кейсы отражают динамику социально-политических процессов и этнокультурное разнообразие стран Большой ЮВА, определяющих возможность или невозможность создания региональных движений. Освещая историю регионов и этнических групп государств Большой ЮВА, исследователи делятся размышлениями о природе региональной дезинтеграции и сепаратизма, рассматривая возможность применения своих теоретических обобщений для анализа схожих явлений в других странах мира.

Анализируя проявления социально-пространственной идентификации на региональном уровне, авторы неоднократно подчёркивают влияние на её формирование этнического фактора. В то же время региональная идентичность, в отличие от этнической, является результатом социальной инженерии, происходящей в определённых условиях внутривнутриполитической и международной среды. Изучение природы региональной идентичности показывает, что она зачастую находится в конкурентных и даже антагонистических отношениях с другими идентичностями.

Следует отметить, что данная работа актуальна в свете феномена ресентимента⁵, который, по мнению Ф. Фукуямы, характеризует современный этап политического развития [5, р. 7] и проявляется в росте антинастроений со стороны различных социальных групп, которые десятилетиями накапливали в себе негативные переживания. По мнению Д. Козлова, ресентимент напоминает мину замедленного действия, реактивность которой может контролироваться и отодвигаться до подходящего времени для выброса накопленной деструктивной энергии [2, с. 89].

В целом коллективная монография представляет собой фундаментальное научное исследование, способное служить прочной основой для анализа политический процессов в регионе. Издание будет интересно не только специалистам с области региональных исследований, но и широкому кругу

⁴ Чиангмай – крупнейший город северного Таиланда и второй по численности населения. Чиангмай был столицей королевства Ланнатхай, захваченного в середине XVI в. бирманцами. В конце XVIII в. территория Ланнатхай перешла под протекторат Сиам, полностью став его частью в первой половине XX в.

⁵ Термин "ресентимент" (в переводе с французского означающий "негодование, мстительность") в социально-этическом аспекте впервые использовал Ф. Ницше в своей работе "К генеалогии морали", определяя его как ненависть слабых людей, ощущающих своё низкое положение, по отношению к высостоящим. По мнению Ницше, ресентимент зародился в Европе как проявление ненависти и ожесточения против направленных на преобразование католического христианства реформ XVI-XVII вв. [3, с. 298].

читателей, интересующихся вопросами идентичности и взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом.

Литература / References

1. Золотухин И. Н. Особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны // Ойкумена. Региональные исследования. 2010. № 4. С. 91–100.
Zolotukhin I. N. The Peculiarities of the National Policy in the South-East Asia after WWII // Ojkumena. Regional Researches. 2010. N 4. P. 91–100 (In Russ.).
2. Козлов Д. В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ре-сентимента // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 85–98.
Kozlov D. V. Mass political behavior in modern Russia in light of the concept of resentment // Polis. Political studies. 2017. No. 1. P. 85–98. (In Russ.).
3. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
Nietzsche F. On the genealogy of morality. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1990. 829 p. (In Russ.).
4. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. М.: ИД "ФОУМ", 2019. 296 с.
ASEAN Community in the modern world: monograph / G. M. Lokshin, E. V. Kobelev, V. M. Mazyrin. Moscow: ID "FORUM", 2019. 296 p. (In Russ.).
5. Fukuyama F. Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition by. London: Profile Books Ltd, 2018. 240 p.
6. Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.
7. State Institutions, Civic Associations, and Identity Demands: Regional Movements in Greater Southeast Asia / Ed. by Amy H. Liu and Joel Sawat Selway Ann Arbor: University of Michigan Press, 2024. 316 p.

Информация об авторе

Иван Николаевич Золотухин, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Information about the author

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2025

Received 30.01.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Accepted 26.05.2025

Рецензия
УДК 316.334.2(470+571)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/176-178>

Есть ли жизнь в "пустоте"? Люди, пространства, смыслы

Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Аннотация. Рецензируемая книга представляет собой комплексное исследование, характеризующее различные аспекты жизни локальных сообществ в отдалённых поселениях в верховьях р. Лены. Ключевым понятием в рассматриваемой работе выступает "пустота" как особый тип социально-пространственной организации на Востоке России. На основе глубоких теоретических размышлений и богатого эмпирического материала, собранного авторами в экспедициях в районе верхней Лены с 2018 по 2023 гг., описываются социальные практики, институциональные формы и идентичности, складывающиеся в условиях фрагментированных, слабоструктурированных пространств Восточной Сибири. Представленное исследование вносит значимый вклад в развитие современной регионалистики, социальной антропологии, социологии пространства.

Ключевые слова: *социальное пространство, периферия, поселения и межселенные территории, локальные сообщества, региональные практики, повседневность*

Для цитирования: Ардалянова А. Ю. Есть ли жизнь в "пустоте"? Люди, пространства, смыслы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 176–175.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/176-178>

Review
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/176-178>

Is There Life in the "Void"? People, Spaces, and Meanings

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Abstract. The book under review presents a comprehensive study that explores various aspects of life in local communities located in remote settlements in the upper reaches of the Lena River. The central concept of the book is "void" as a specific type of socio-spatial organization in the Russian East. Drawing on extensive theoretical insight and rich empirical data gathered during field expeditions in the Upper Lena region from 2018 to 2023, the authors describe the social practices, institutional forms, and identities emerging within fragmented and weakly structured spaces of Eastern Siberia. This study makes a valuable contribution to the development of contemporary regional studies, social anthropology, and the sociology of space.

Key words: *social space, periphery, settlements and inter-settlement territories, local communities, regional practices, everyday life*

For citation: Ardalyanova A. Yu. Is There Life in the "Void"? People, Spaces, and Meanings // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 176–178. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/176-178>

Антропологические очерки "Жизнь в пустоте" [1] представляют собой оригинальное исследование, в котором авторы размышляют о пространствах на Востоке России и жизни локальных сообществ. Работа имеет междисциплинарный характер и объединяет исторические и философские рассуждения, антропологическое описание и социологический анализ региональных социальных практик.

Книга состоит из четырёх глав, где последовательно раскрываются концепт "пустого пространства" (гл. 1), повседневная жизнь в этом "пустом", но, как выясняется далее, наполненном пространстве (гл. 2), дискурсивные режимы (ре)освоения (гл. 3), инфраструктура и социальные практики на периферии (гл. 4).

Ключевое понятие – "пустота", используемое в исследовании, не сводится к метафоре отсутствия или заброшенности. Напротив, оно приобретает весьма продуктивное теоретическое значение и трактуется не как отсутствие, а как особый тип социального пространства. "Под термином "пустое социальное пространство" мы понимаем социальное пространство, по тем или иным причинам ускользающее от взгляда государства и любого стороннего наблюдателя. Абсолютная пустота в нашем случае маловероятна" [1, с. 18]. Как нам думается, это авторский взгляд, такое своеобразное осмысление тех территорий, которые традиционно не вписываются в нормативные модели пространственного развития, где разорваны привычные социальные связи, отсут-

Рецензия на книгу: Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Фонд поддержки социальных исследований "Хамовники": Common Place, 2024. 272 с.

ствуют или слабо представлены формальные институты, нарушена линейная логика модернизационных процессов, но при этом продолжается повседневная жизнь, складываются устойчивые маршруты, формируются локальные идентичности и смыслы.

Во второй главе внимание уделено феномену "социальных невидимок". Это группы, существующие вне рамок официального учёта, "невидимость" защищает их от внешнего давления, но она же делает их уязвимыми. "Политический смысл "пустоты" сохраняется. ... Социальные конфигурации ... могут сохраняться только до той поры, пока сохраняется невидимость, пока остаются невидимки" [1, с. 121].

Основной сюжет третьей главы строится вокруг анализа взаимодействия между условными "местными" и "пришлыми" – "радетелями" (предприниматели, развивающие территорию) и "бандитами" (те, кто эксплуатируют ресурсы без соблюдения не столько формальных, сколько принятых здесь неформальных норм). Авторы показывают, как граница между "своими" и "чужими" воспроизводится через повседневные практики и символические действия: "... все строения имеют прагматический смысл ... Однако это обстоятельство не отменяет символизма. Дома и строения становятся значимым символом возвращения опустевшего пространства в освоенность" [1, с. 175].

Завершающая глава как бы обрамляет центральную идею всей книги: жизнь в "пустоте" не означает отсутствие социальной ткани, а свидетельствует о её альтернативной организации, где неформальные отношения, анонимность и самоорганизация выступают в качестве опорной инфраструктуры повседневности.

Как видим, авторы выстраивают многослойную исследовательскую перспективу, в которой "пустота" становится своеобразным организующим началом, формой социальной адаптации. Окраинные территории рассматриваются не как периферия, "край света", зона риска, а как вполне самостоятельные образования. Это не только другие пространства, но и иная логика жизни, где гармонично соседствуют фрагментарность и устойчивость, нестабильность и повторяемость, движение и закреплённость.

Работа имеет ясное теоретическое и эмпирическое основание, многочисленные цитаты информантов, детали обыденной жизни, полевые наблюдения и обобщения делают исследование живым и убедительным. В то же время стоит отметить и ряд ограничений. Так, складывается впечатление, что авторам важно донести целостный образ пустоты, но само понятие "пустота" оказывается то эвристическим приёмом, то конкретным эмпирическим конструктом, что создаёт некую терминологическую амбивалентность. Также открытым остаётся вопрос о границах применимости представленной модели: насколько "жизнь в пустоте" релевантна для других регионов России? В какой мере описанные практики уникальны, а в какой – репрезентативны для современной российской периферии?

Тем не менее, книга представляет собой сложное, глубокое и важное исследование не только о "жизни в пустоте", но и о возможности её увидеть. Традиционно для социолога пространство приобретает видимую форму и значение, когда оно определённым образом структурировано и визуализировано, желательно в виде таблицы, графика, графа, набора показателей, но "пустоту" нельзя измерить в кабинете, она не отражается в статистике и медиапространстве. При этом абсолютно не важно, будет ли исследователь, выражаясь языком авторов, работать в "центре" или на "периферии". И в том, и в другом случае кабинет останется кабинетом, а истинная социальность всегда за его пределами. Именно поэтому экспедиция – лучшее условие для сбора данных в "пустоте". Особо ценным является то, что проделанная работа выходит за рамки традиционного социологического анализа или антропологического исследования, этнографическая глубина здесь сочетается с исторической ретроспективой и философской рефлексией. И в этом смысле книга представляет интерес не только для академического сообщества, но и для более широкой аудитории, способной воспринимать сложность и неоднозначность описываемой реальности.

"Жизнь в пустоте" адресована широкому кругу читателей: социологам, регионоведам, социальным антропологам, исследователям пространственных процессов и всем тем, кто интересуется проблематикой трансформации ло-

кальных сообществ. В определённой степени работа может быть востребована представителями различных властных структур и экспертных организаций, занимающихся стратегиями регионального развития.

В целом, представленные антропологические очерки – это приглашение к более внимательному и тонкому разговору о периферии и проживающих там людях. Несомненно, книга находит отклик, поскольку ставит под сомнение привычные представления о том, где и как рождается социальное. А может быть, для проявления некоего исходного кода социальности нужна именно "пустота"? Может быть, именно она создаёт условия, при которых человек осуществляет истинное социальное взаимодействие? Но пока не погрузишься в пустоту, она останется пустой. Данное исследование локальных сообществ на Востоке России показывает, что "пустота" – это не отсутствие, а особая форма наполненности, где социальные связи рождаются не под давлением институтов, а благодаря естественным потребностям людей в кооперации, взаимопомощи и осмысленному существовании. Авторы предлагают свежий научный взгляд и новую оптику – возможность взглянуть на "жизнь в пустоте" как на пространство человеческой изобретательности, адаптации и смысла.

Литература / References

1. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. М.: Фонд поддержки социальных исследований "Хамовники": Common Place, 2024. 272 с.
Bliakher L. E., Grigoriev K. V., Kovalevskii A. V. Life in the Void: Anthropological Essays on Social Space Beyond State Regulation. Moscow: Foundation for the Support of Social Research "Khamovniki": Common Place, 2024. 272 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Information about the author

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received 15.04.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Accepted 26.05.2025

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять** ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 800 до 1000 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращениях, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
15. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
16. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
17. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Объем иллюстративного материала не должен превышать 25% объема рукописи.
18. Указание источника иллюстраций – обязательно.
19. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
20. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
21. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2025. Т. 19, № 2 (73)

Замеченные опечатки в № 1 за 2025 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	Оглавление	The Theme: Diversity of forms of transborder cooperation on The Asian borders of Russia	The Theme: Russians in the Asia-Pacific Region: Past, Present and Future
12, 20 и далее по всему номеру	DOI	https://doi.org/10.24866/1998-6785/2025-1/ диапазон страниц	https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/ диапазон страниц

Подписано к печати 03. 06. 2025 г. Вышло в свет 24. 06. 2025 г. формат 70х108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

